М. В. Малевская-Малевич

Керамика западнорусских городов X–XIII вв.

РАН
ИМИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
PROCEEDINGS. VOL. XVII

M. V. Malevskaya

SOUTHWEST RUSSIAN TOWNS CERAMIK of 10th — 13th centuries

St.-Petersburg Institute of History RAS
Nestor-Istoriya Publishers

St.-Petersburg
2005

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ТРУДЫ. Т. XVII

М. В. Малевская

КЕРАМИКА ЗАПАДНОРУССКИХ ГОРОДОВ X–XIII вв.

СПбИИ РАН
Издательство «Нестор-История»

Санкт-Петербург
2005

УДК 930.26:738(Р47)«09/12»
ББК 63.4(2)43:85.125

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),проект № 04-01-16056д

М. В. Малевская. Керамика западнорусских городов X–XIII вв. Труды ИИМК РАН. Т. XVII. — СПб: Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005. — 160 с., илл.

Монография М. В. Малевской «Керамика западнорусских городов X–XIII вв.» посвящена керамике древнерусских городов района Верхнего Немана (позже получившего название «Черная Русь»), в которых велись стационарные археологические раскопки и получен значительный керамический материал. В книге даны типологическая и хронологическая классификации керамики X–XШ вв., прослежена технология ее изготовления, выявлено наличие в регионе локального варианта, древнерусской глиняной посуды. Керамика городов Понеманья рассмотрена и как исторический источник, позволяющий осветить такие вопросы, как этнический состав населения, направления колонизационных потоков, связи с соседними землями, время основания городов.

Книга рассчитана на археологов, историков, этнографов.

Редактор:
доктор исторических наук, профессор С. В. Белецкий

This copy is prohibited for sale outside Russia and CIS countries
The legal sale: http\\nestor-historia.org

ISBN 5-98187-089-3

© Институт истории материальной культуры РАН, 2005.
© М. В. Малевская, 2005.
© Издательство Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005.

ОТ РЕДАКТОРА

Исследование М. В. Малевской, посвященное средневековой керамике западнорусских городов, было написано в 1970-х годах. В 1982 г. Ученый совет ЛОИА АН СССР утвердил к изданию рукопись под названием «Керамика городов Черной Руси X–XIII вв.» (протокол № 10 от 16 июня 1982 г.). К сожалению, по независящим от автора монографии обстоятельствам тогда осуществить издание не удалось, рукопись надолго «легла в стол».

В 2005 г. монография М. В. Малевской «Керамика западнорусских городов X–XIII вв.» выходит в свет. И хотя книга, завершенная четверть века назад, на мой взгляд, не нуждалась в доработках и была полностью готова к печати, М. В. Малевская нашла необходимым сделать некоторые исправления и дополнения в тексте работы, а также уточнить и дополнить ссылочный аппарат.

Конечно, за прошедшие десятилетия появились публикации керамики из раскопок ряда городов и поселений Древней Руси. Однако публикации эти неравноценны по своей информативности, а предлагавшиеся в литературе классификации, зачастую, методически несопоставимы, так что общей картины развития древнерусской керамики и древнерусского гончарства как не было в 1970-е годы, так нет и сейчас. В ближайшие годы обобщающее исследование, к сожалению, ожидать не приходится, так что сформулированная М. В. Малевской во Введении главная задача, стоящая перед исследователями древнерусской керамики — «публикация и подробная классификация огромного керамического материала, накопившегося за многие годы раскопок древнерусских поселений» — в полной мере сохраняет свою актуальность.

Исследование М. В. Малевской впервые столь полно вводит в научный оборот керамические коллекции, полученные при раскопках таких крупных городских центров Западной Руси (области, получившей название Черная Русь), как Новогрудок, Гродно, Волковыйск, Турийск и Слоним. Разработанная ею на материалах Новогрудка типологическая классификация круговой керамики X–XIII вв., за основы которой взяты, главным образом, верхняя часть сосуда, оказалась в полной мере применима к изучению керамики других городов и поселений Понеманья.

Важной особенностью исследования М. В. Малевской является методически строгий отбор опорных комплексов для изучения хронологии различных групп керамики. Отсутствие среди поселений и городов Понеманья памятников, в культурном слое которых сохраняется органика, пригодная для дендроиндикации, не позволяет устанавливать время бытования тех или иных типов сосудов столь дробно, как это можно было бы сделать при изучении, например, керамики Новгорода. Тем не менее, многолетние раскопки Новогрудка, проводившиеся под руководством Ф. Д. Гуревич, предоставили в распоряжение исследователей ряд закрытых и полузакрытых комплексов, позволивших М. В. Малевской выделить в составе коллекции Новгрудка шесть периодов развития керамического набора, датированных с точностью до полустолетия, а иногда и точнее. Благодаря проведенной хронологической классификации керамики Новогрудка и других городов Верхнего Понеманья, М. В. Малевская аргументированно уточнила время возникновения и этапы развития некоторых из них.

Безусловно важной отличительной чертой книги М. В. Малевской является рассмотрение керамики городов Черной Руси как исторического источника, позволившего осветить такие вопросы как процесс славянского заселения территории Верхнего Понеманья, племенной и этнический состав его населения, связи с соседними землями. «Если на протяжении второй половины X–XI в. наблюдались тесные контакты с Подляшьем и частично с Мазовией, то в XII–XIII вв. <…> они заметно ослабевают. <…> Достаточно определенно проявляются в XII–XIII вв. связи керамики городов Черной Руси, особенно Новогрудка и Гродно, с глиняной посудой северной части Полоцкого княжества и прежде всего самого Полоцка, что не наблюдалось в предшествующий период. <…> Наряду с ослаблением старых и появлением новых связей, керамика городов Черной Руси в XII–XIII вв. сохраняет некоторые общие черты с глиняной посудой соседних Туровской и Волынской земель».

Подводя итоги исследования, М. В. Малевская констатирует, что «керамика городов Черной Руси, как и другие стороны материальной культуры, обладая целым рядом местных особенностей и образуя самостоятельный областной вариант, развивалась в русле общерусской культуры, по общим с ней закономерностям». Этот вывод представляется мне безупречно аргументированным.

Завершая свое предисловие к книге М. В. Малевской, процитирую фрагмент отзыва на рукопись, составленный 2 апреля 1982 г. Ф. Д. Гуревич: «Исследование М. В. Малевской открыло новые грани интереснейшей культуры городов Черной Руси, и нет никакого сомнения в том, что этой монографией будут широко пользоваться археологи, занимающиеся изучением древнерусских памятников и памятников, соседних с древней Русью». Сказанное совершенно справедливо. Жаль только, что книга не была издана четверть века назад. Но и сейчас монография М. В. Малевской ни в малейшей степени не потеряла своего значения. Думаю, что у этой книги будет долгая жизнь.

С. В. Белецкий

ВВЕДЕНИЕ

Керамика Древней Руси домонгольского периода, несмотря на свою массовость и большое значение для изучения истории материальной культуры, уровня развития ремесла, а также освещения таких важных вопросов истории раннефеодального периода, как время и пути проникновения славян на ту или иную территорию, этнический и племенной состав ее населения, культурные связи городов и их происхождение, до сих пор остается одним из наименее изученных археологических источников. Недостаточное внимание археологов к глиняной посуде Древней Руси X–XIII вв., видимо, правильно объяснил в свое время А. Л. Монгайт: «Исследователей отпугивали груды серых однообразных черепков, в основном мало отличающихся на огромном пространстве от Эльбы до Волги. Работа над ними исключительно трудоемкая и требует известного самопожертвования. Может быть, поэтому и нет сводного исторического очерка развития средневековой русской керамики».[1] И далее, определяя задачи исследования древнерусской керамики на ближайшее время, он писал: «Поэтому на данной стадии изучение русской керамики должно быть узколокальным. Подробная классификация местного керамического материала будет ценной не только для дальнейшего исследования того или иного края, но и для общих исторических выводов. Когда же будут опубликованы сводки керамических материалов по важнейшим городам и местностям древней Руси, тогда можно будет, кроме общих закономерностей, установить также и особенности развития керамики в одних районах по сравнению с другими».[2]

Эти задачи, намеченные А. Л. Монгайтом полвека тому назад, и сейчас еще остаются первоочередными, хотя за истекший период в исследовании керамики Древней Руси и произошел значительный сдвиг. Появились работы, пока еще немногочисленные, по керамике некоторых древнерусских городов, а также ряд исследований, посвященных керамическим материалам отдельных регионов Руси. Заметный прогресс произошел в изучении технологии гончарного ремесла благодаря исследованиям А. А. Бобринского.[3] Безусловно плодотворными являются предложения ряда ученых, работающих над использованием при изучении керамики методов математической статистики.[4]

Однако весь опубликованный материал еще недостаточен для того, чтобы керамика, будучи полноценным историческим источником, могла способствовать решению таких важных вопросов как племенной и этнический состав населения того или иного региона, их связей с соседними землями, направление колонизационных процессов, время основания городов и других. Поэтому, несмотря на заметный сдвиг, происшедший в изучении древнерусской керамики, до сих пор остаются первоочередными задачами публикация и подробная классификация огромного керамического материала, накопившегося за многие годы раскопок древнерусских памятников. И сейчас необходимы сводки этого материала, как по городам, так и по областям, что позволит создать в будущем обобщающее историческое исследование по древнерусской керамике X–XIII вв.

Данная работа посвящена исследованию керамики одного из западнорусских регионов — области, охватывающей бассейн Верхнего Немана (Белорусского Понеманья), позже получившей название «Черная Русь». О названии «Черная Русь», ее границах, этническом составе населения в научной исторической литературе высказаны разные точки зрения и до сих пор еще по некоторым вопросам нет

---

[1] Монгайт А. Л. Старая Рязань / МИА. № 49. 1955. С. 108.

[2] Там же.

[3] Результаты исследований А. А. Бобринского по гончарному производству опубликованы во многих его статьях 1960–1970-х годов и капитальной монографии «Гончарство Восточной Европы». М., 1978.

[4] Ковалевская В. Б. Применение статистических методов в изучении массового археологического материала // Археология и естественные науки. М., 1965. С. 286 и след.; Генинг В. Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1978. № 1.

общего мнения.[1] Несомненно лишь то, что в область Верхнего Немана, ранее заселенную литовскими племенами, в X в. пришли славяне. В XI–XII вв. эта область входила в состав древнерусского государства и была тесно связана с Волынским княжеством. Во второй половине XIII в. в результате борьбы галицко-волынских и литовских князей за обладание понеманскими землями эта территория вошла в состав Великого княжества Литовского, после чего, видимо, за ней и утвердилось название «Черная Русь». Однако своеобразие культуры области Верхнего Понеманья, граничившей не только с восточнославянскими землями (на юге и востоке), но также с Литвой (на севере), ятвягами (на северо-западе) и Мазовией (на западе), сложилось значительно раньше, что и позволяет рассматривать средневековую керамику Верхнего Понеманья как самостоятельной области.

Основные города Черной Руси — Новогрудок (Новгородок), Волковыск (Волковыйск), Турийск и Слоним (Усланим, Вслоним) — названы в летописи впервые лишь под 1252 г. в связи с борьбой за них галицко-волынских и литовских князей.[2] Только один из них — Гродно (Городно), упомянут раньше (под 1128 и 1183 гг.).[3] Однако благодаря археологическим исследованиям, осуществленным в Верхнем Понеманье Ф. Д. Гуревич, Н. Н. Ворониным и белорусскими археологами В. Р. Тарасенко, Г. И. Пехом, К. Т. Ковальской, Я. Г. Зверуго и М. А. Ткачевым доказано, что Волковыск и Новогрудок возникли еще во второй половине или в конце X в., другие города — в XI или XII в.[4] Исследование керамических материалов этих городов позволяет, как нам кажется, уточнить время возникновения некоторых из них.

В работе рассматривается керамика перечисленных выше городов Черной Руси, а также городища Индура (Гроднинской обл.), которое может быть названо городом лишь условно, в древнерусском понимании этого слова. Однако выразительный керамический комплекс конца X — первой половины XI в. этого самого западного пункта должен быть принят во внимание, как проливающий свет на ряд интересующих нас вопросов. Немногочисленные керамические материалы других городищ Черной Руси, на которых проводились лишь обследования, а не стационарные раскопки, в работе не использовались, как не образующие целостного комплекса.

Керамика городов Черной Руси, как и других русских земель, изучена далеко недостаточно. Если керамические материалы Гродно XI–XIV вв. рассмотрены в монографии Н. Н. Воронина «Древнее Гродно»,[5] а результаты исследования керамики Волковыска X–XIII вв. опубликованы в монографиях Я. Г. Зверуго «Древний Волковыск»[6] и «Верхнее Понеманье в IX–XIII вв.»,[7] то специального исследования и публикации многочисленных керамических материалов Новогрудка не существует. Ей посвящены лишь некоторые статьи автора данной работы[8] и дан краткий обзор в монографии Ф. Д. Гуревич.[9] Керамические материалы Турийска и Слонима совсем не опубликованы. Поэтому для создания общей

---

[1] О названии «Черная Русь» и ее границах см.: Воронин Н. Н. Древнее Гродно. М., 1954. С. 9–11; Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. М.; Л., 1962. С. 135–139; Она же. Древний Новогрудок. Посад — окольный город. Л., 1981. С. 3–4; Она же. О формировании городов Черной Руси по данным археологии // СА. 1983. № 3. С. 61–62; Зверуго Я. Г. Города Белорусского Понеманья // Очерки по археологии Белоруссии. Ч. II. Минск, 1972. С. 133–149; Седов В. В. К истории поселений Черной Руси // КСИА. Вып. 139. 1974. С. 27–33; Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. / МИА. № 140. 1967. С. 78–90; Пашуто В. Г. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 38–42, 319.

[2] ПСРЛ Т. II. 1962. Стб. 816.

[3] Там же. Стб. 292 и 634.

[4] Литература по археологическому исследованию каждого города приведена в соответствующих главах по керамике.

[5] Воронин Н. Н. Указ. соч. С. 40–42, 58–61, 168–170.

[6] Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. Минск, 1975. С. 61–72.

[7] Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск, 1989. С. 137–142.

[8] Малевская М. В. О датировке нижнего горизонта древнерусского Новогрудка // КСИА. Вып. 104. 1965. С. 82–92; Она же. Об областных различиях в керамике западнорусских земель X–XIII вв. // Тезисы докладов на II Международной конференции в Берлине 1970 г. М., 1970; Она же. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII–XIII вв. // КСИА. Вып. 125. 1971. С. 27–34; Она же. О некоторых исторических связях древнего Новогрудка в X в. (по материалам керамики) // КСИА. Вып. 129. 1972. С. 14–21.

[9] Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок … С. 12–15.

картины развития гончарной керамики Черной Руси домонгольского времени необходимым является изучение и подробная публикация керамики каждого города, разработка ее типологической и хронологической классификации, выявление региональных особенностей, изучение технологии гончарного производства, а также, по возможности, рассмотрение керамики городов Черной Руси и ближайших западнорусских городов как источника, позволяющего осветить ряд важных исторических проблем.

В основу работы положены керамические материалы Новогрудка, полученные во время многолетних раскопок (1957–1967 гг.) на территории окольного города археологической экспедицией под руководством Ф. Д. Гуревич. Эти материалы изучены наиболее полно в связи с тем, что автор данной работы, участвуя в шести полевых сезонах работы экспедиции, имел целью исследование керамики и ее связи с культурной стратиграфией окольного города. Керамике Новогрудка посвящена первая глава монографии, составляющая почти половину ее объема. Керамические материалы других городов — Волковыска, Гродно, Турийска, Слонима и городища Индура, хранящиеся в музеях Белоруссии, использованы автором в меньшей степени, но достаточной для решения поставленных задач. Характеристика керамики названных городов составляет вторую главу монографии. Третья глава посвящена рассмотрению керамики городов Черной Руси как исторического источника.

Данная работа не включает поливную керамику и амфоры, которым были посвящены специальные статьи автора.[1]

Большую помощь в подготовке работы к печати оказала Л. Б. Кирчо, которой и хочу выразить глубокую благодарность.

[1] Малевская М. В. Поливная керамика древнего Новогрудка // СА. 1969. № 3. С. 194–204; Она же. Амфоры Новогрудка XII–XIII вв. // Тезисы докладов к коференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969. С. 185–191.

ГЛАВА I
КЕРАМИКА НОВОГРУДКА

1. СТРАТИГРАФИЯ ПОСАДА — ОКОЛЬНОГО ГОРОДА НОВОГРУДКА

Древний Новогрудок — один из интереснейших древнерусских городов — открыт в результате археологических исследований, осуществленных Новогрудской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством Ф. Д. Гуревич. Остатки древнего города были обнаружены на северо-восточной окраине современного Новогрудка (Гродненской обл. Белоруссии) на двух соседних холмах. На одном из них — Замковой горе — в XI–XIII вв. находился детинец города, на другом, именуемом Малым замком, располагался городской посад, а после укрепления его валом — окольный город. Как известно, результатом исследований древнего Новогрудка посвящен целый ряд статей Ф. Д. Гуревич, в которых охарактеризованы первые периоды его истории (конец X–XIII в.), показана его богатая материальная культура, домостроительство, различные ремесла, широкие внешние связи. Отдельную монографию — «Древний Новогрудок» — Ф. Д. Гуревич посвятила результатам раскопок на территории окольного города площадью 2200 м^2 (рис. 1), осуществленным в течение десяти полевых сезонов (1957–1963, 1965–1967 гг.), с которых и началось открытие и изучение истории древнего Новогрудка.[1]

Несмотря на то, что в монографии Ф. Д. Гуревич «Древний Новогрудок» имеется раздел «Топография и стратиграфия древнего города»,[2] нам представляется необходимым для рассмотрения керамики Новогрудка в ее развитии на протяжении второй половины X–XIII в. кратко охарактеризовать стратиграфию культурных напластований окольного города.

В культурных отложениях поселения, возникшего во второй половине — конце X в. и существовавшего с различной степенью интенсивности жизни вплоть до XVII–XVIII вв., достаточно четко отразились, несмотря на некоторые перекопы, три основных этапа его истории. Они особенно хорошо выявляются на окраине поселения, где мощность слоя достигает 2,6–3,8 м и менее ясно выступают в центре площадки, где толщина слоя составляет 0,8–1,2 м. Эта разница в мощности слоя объясняется, во-первых, незначительным падением материка к окраине возвышенности, на которой расположено поселение, а во-вторых, началом его застройки и дальнейшим интенсивным строительством именно на окраине посада (рис. 2).

Нижний культурный слой — горизонт 1, соответствующий первому периоду жизни на поселении, представляет собой сильно гумусированную (черную) супесь, насыщенную горелым деревом, углями и золой от погибших в пожаре построек. На месте первых жилищ возводили новые, иногда до трех раз одно над другим, что позволило выделить в толще первого горизонта, достигающей на окраине посада 1 м, три строительных периода. По совокупности находок, таких как лимонные бусы и разные другие их типы, односторонние костяные гребни, железные фибулы со спирально загнутыми концами, бронзовые бубенчики с крестовидной прорезью, трапециевидные подвески, глиняные пряслица, в том числе весьма архаичные, **первый горизонт в целом датируется концом X–XI в.** Опираясь же на стратиграфические данные, а также на характер инвентаря из разновременных построек, определиено время существования и каждого строительного периода: 1-й период — конец XI — рубеж X–XI в.; 2-й период — первая половина XI в. и 3-й период — вторая половина XI — рубеж XI–XII в.[3]

Культурные отложения **второго горизонта** (или верхнего горизонта домонгольского времени) отделены от нижнего прослойкой истлевшей щепы, образовавшейся в результате большого строительства,

---

[1] Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Посад — окольный город. Л., 1981.

[2] Там же. С. 7–17, рис. 2.

[3] Там же. С. 8–32, 116–118; Малевская М. В. О датировке нижнего горизонта древнерусского Новогрудка // КСИА. Вып. 104. 1965. С. 85–92.

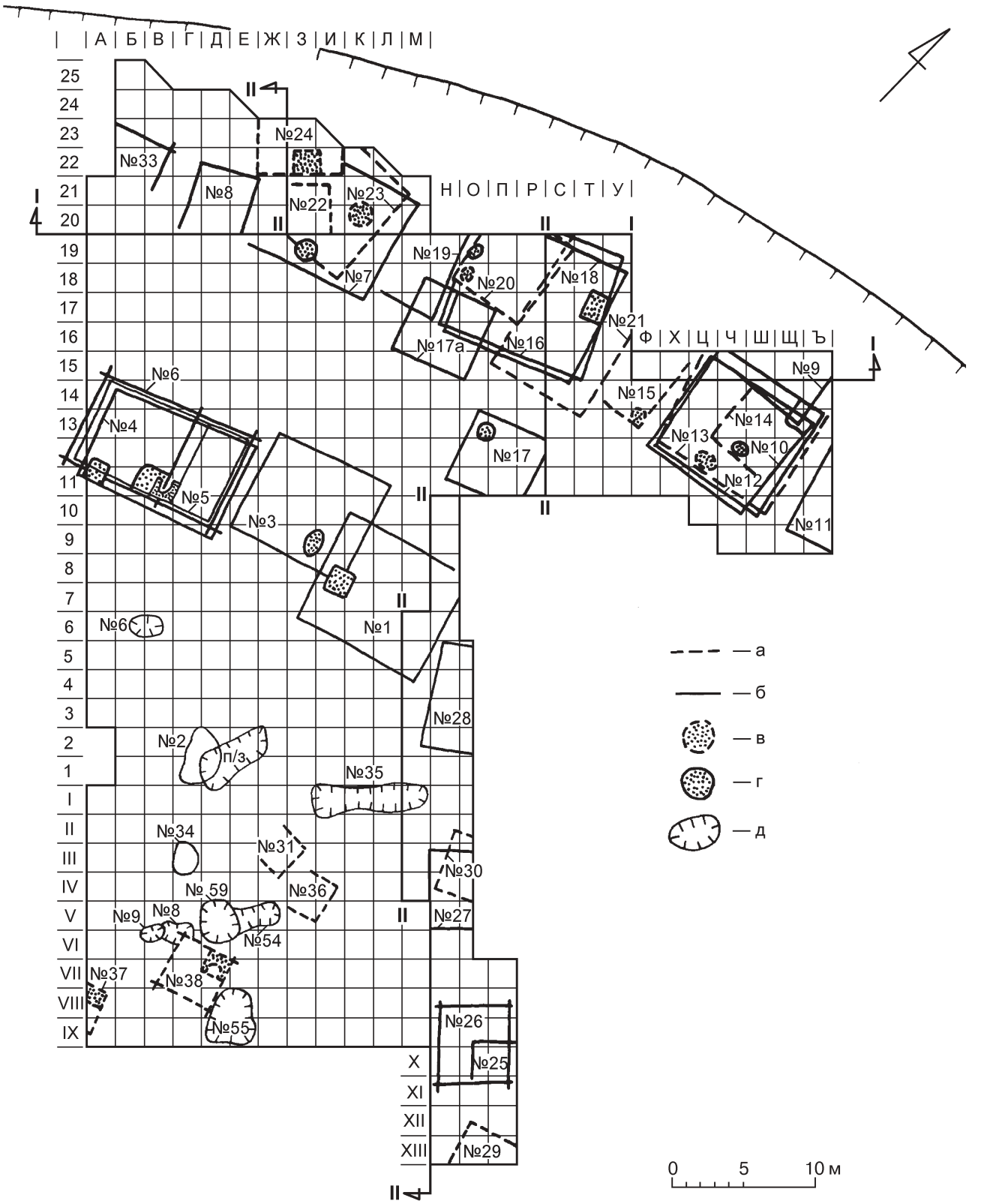


Рис. 1. Новогрудок. План раскопа в окольном городе с нанесением остатков сооружений:
а — постройки нижнего горизонта второй половины X–XI в.;
б — постройки среднего горизонта XII–XIII вв.; в — печи нижнего горизонта;
г — печи среднего горизонта; д — ямы в материке

начавшегося на посаде в XII в., когда по краю холма был возведен оборонительный вал,[1] превративший посад в окольный город. Вдоль кривизны вала и в центре площадки окольного города были построены большие дома, принадлежавшие богатым ремесленникам-ювелирам.[2] На основании таких находок как стеклянные браслеты и перстни, определенного типа украшения, поливная керамика и амфоры, византийская и сирийская стеклянная посуда, привозная керамика с люстровой росписью и других находок **второй горизонт в целом хорошо датируется XII–XIII вв**. В толще культурного слоя этого горизонта, как и нижележащего, прослеживается до трех уровней разновременных построек, которые на участках близ вала образуют, вместе с предшествующими, шесть последовательных строительных периодов. Хорошая относительная хронология сооружений второго горизонта в сочетании с происходящими из этих сооружений многочисленными и разнообразными находками, часто имеющими узкую дату, дали возможность датировать каждый из трех строительных периодов следующим образом: 4-й период — первой половиной XII в.; 5-й период — второй половиной XII в. и 6-й период — первой половиной — серединой XIII в.[3] Конец этого периода, как отмечала Ф. Д. Гуревич, относится к 70-м годам XIII в.[4] В летописи под 1274 г. сказано, что окольный город Новогрудка был взят галицким князем Львом Даниловичем с татарами.[5] После этих событий жизнь в окольном городе стала менее интенсивной.

Культурные отложения третьего горизонта, относящиеся к XIV–XVIII вв., почти по всей исследованной территории окольного горда отделены от нижележащих напластований слоем песка толщиной от 0,2 до 1,3 м (рис. 2). Этот слой стерильного песка, возможно, является результатом нивелировки поверхности перед дальнейшим строительством, либо образовался в связи с укреплением вала, имевшим место не ранее XIII в., как показали исследования П. А. Раппопорта.[6] Археологические материалы верхнего культурного слоя, существенно отличающиеся от материалов предшествующего времени, в данную работу не входят.

2. СЫРЬЕ И ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ НОВОГРУДКА

Исследование керамики не может быть полноценным без внимательного изучения вопросов, связанных с гончарным производством. Такие его аспекты, как подготовка сырья, приемы формовки посуды, использование гончарного круга, способ обжига сосудов и другие являются решающими при определении уровня развития гончарного ремесла в той или иной области на различных отрезках времени.

Археологические раскопки на территории окольного города в Новогрудке не представили, к сожалению, в наше распоряжение никаких материалов по гончарному производству кроме самой керамики. Мы не знаем, существовали ли в Новогрудке гончарные мастерские и когда они появились; применялись ли гончарные горны и что они собой представляли. Не найдены ни запасы гончарных глин, ни остатки гончарного круга, ни другие орудия труда гончара. Поэтому судить о сырье, примененном для изготовления новогрудской посуды, технике ее формовки и обжиге можно, исходя лишь из готовой продукции. Это обстоятельство не дает возможности ответить на такие вопросы, связанные с гончарным ремеслом, как производительность труда гончаров, их техническое оснащение, размер сбыта продукции и ряд других. Однако керамические остатки позволяют все же осветить некоторые стороны гончарного производства и проследить уровень его развития в Новогрудке на протяжении X–XIII вв.

Для возможно более полной характеристики гончарной технологии, в частности, для определения состава глиняной массы, был применен петрографический метод исследования керамики.

---

[1] Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель в X–XIV вв. / МИА. № 140. 1967. С. 122–123, рис. 2.

[2] Гуревич Ф. Д. Ремесленная корпорация древнерусского города по археологическим данным // КСИА. Вып. 129. 1972. С. 32–33.

[3] Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок … С. 32–101, 116–118.

[4] Там же. С. 11.

[5] ПСРЛ. Т. II. М., 1962. Стб. 873–874.

[6] Раппопорт П. А. Указ. соч. С. 123–124.

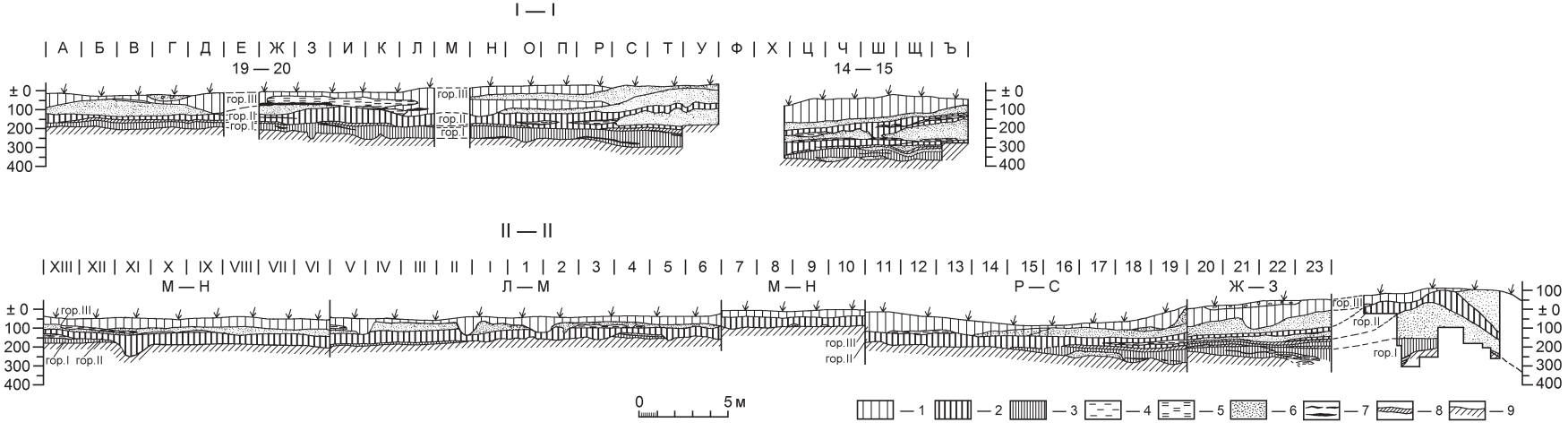

I — I
| А | Б | В | Г | Д | Е | Ж | З | И | К | Л | М | Н | О | П | Р | С | Т | У | Ф | Х | Ц | Ч | Ш | Щ | Ъ |
19 — 20
14 — 15
± 0
100
200
300
400
гор. III
гор. II
гор. I
II — II
| XIII | XII | XI | X | IX | VIII | VII | VI | V | IV | III | II | I | 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 | 11 | 12 | 13 | 14 | 15 | 16 | 17 | 18 | 19 | 20 | 21 | 22 | 23 |
М — Н
Л — М
М — Н
Р — С
Ж — З
0
5 м
— 1
— 2
— 3
— 4
— 5
— 6
— 7
— 8
— 9

Рис. 2. Новогрудок. Поперечный (I–I) и продольный (II–II) разрезы культурных напластований в окольном городе (разрезы даны по ломаной линии):

1 — верхний горизонт; 2 — средний горизонт; 3 — нижний горизонт; 4 — необожженная глина; 5 — обожженная глина; 6 — песок (осыпь вала); 7 — угольные прослойки; 8 — сгнившее дерево; 9 — материк

СЫРЬЕ

Изучение состава глиняной массы керамики Новогрудка производилось двумя методами. Первый из них — определение показателя преломления стекла, приготовленного в лаборатории из керамики — был применен для выяснения сходства или различия использованной в Новогрудке природной глины. Этот метод применяется петрографами для исследования скрытокристаллических горных пород (например, вулканических). Для определения показателя преломления в лаборатории археологической технологии ЛОИА по инициативе и под руководством сотрудника кафедры петрографии ЛГУ Г. М. Ковнурко были изготовлены и изучены препараты из 25 образцов керамики Новогрудка различного назначения, а также, для проверки метода, показатели преломления из образцов керамики некоторых русских городов — Дрогичина над Бугом (теперь Польша), Владимира-Волынского, Галича и городища Изяславль (Хмельницкой обл.).

В связи с тем, что для изучения качества исходной глины древнерусской керамики этот метод применялся впервые, остановимся на нем подробнее. Для изготовления образцов черепки были измельчены раздавливанием. Тонкозернистая масса, являющаяся, главным образом, продуктом обжига глинистых материалов, была отмучена и высушена в сушильном шкафу. Затем около 50 мг каждой пробы помещали в кратер угольного электрода и в вольтовой дуге порошок оплавлялся в стекло. Показатель преломления стекла определялся в иммерсионной жидкости (табл. 1).

Выяснилось, что величина показателя преломления основной массы керамики Новогрудка X–XIII вв. (18-ти из 20-ти образцов) колеблется от 1,537 до 1,560 (при точности определения 0,02), но имеются и некоторые отклонения (1,531–1,532). Незначительные колебания показателя преломления свидетельствуют об однородности химического состава исходной глины, использованной новогрудскими гончарами для изготовления массовой посуды. Оказалось, что в тех же пределах колеблется показатель преломления искусственного стекла керамики Дрогичина — от 1,535 до 1,560. Зато близкие между собой показатели преломления остеклованной керамики Владимира-Волынского (1,519–1,525) и Галича (1,522–1,530), заметно отличаются от показателя преломления керамики Новогрудка и Дрогичина.

Особенно интересно отметить, что показатели преломления образцов амфорной керамики разных городов Руси (Новогрудка, Галича, Изяславля) более сходны между собой (1,577–1,606), чем с показателями преломления массовой местной керамики этих же городов (табл. 1), что несомненно исключает местное изготовление амфор и свидетельствует о привозе их из одного района — с юга.

Таким образом, метод определения показателя преломления остеклованной керамики может выявлять различия в составе исходной глины независимо от условий ее обжига.

Второй метод исследования глиняной посуды Новогрудка — микроскопический анализ керамики в шлифах при помощи поляризационного микроскопа — был также осуществлен Г. М. Ковнурко. Отбор образцов для изготовления прозрачных шлифов производился с таким расчетом, чтобы была учтена, во-первых, керамика всего интересующего нас периода (второй половины X–XIII в.), а также несколько более позднего времени — XIV–XV вв. и, во-вторых, чтобы были представлены все группы и виды бытовавшей в Новогрудке посуды, в том числе поливная керамика и амфоры. Всего было изготовлено 277 прозрачных шлифов. Их распределение по группам керамики показано на таблице 2.

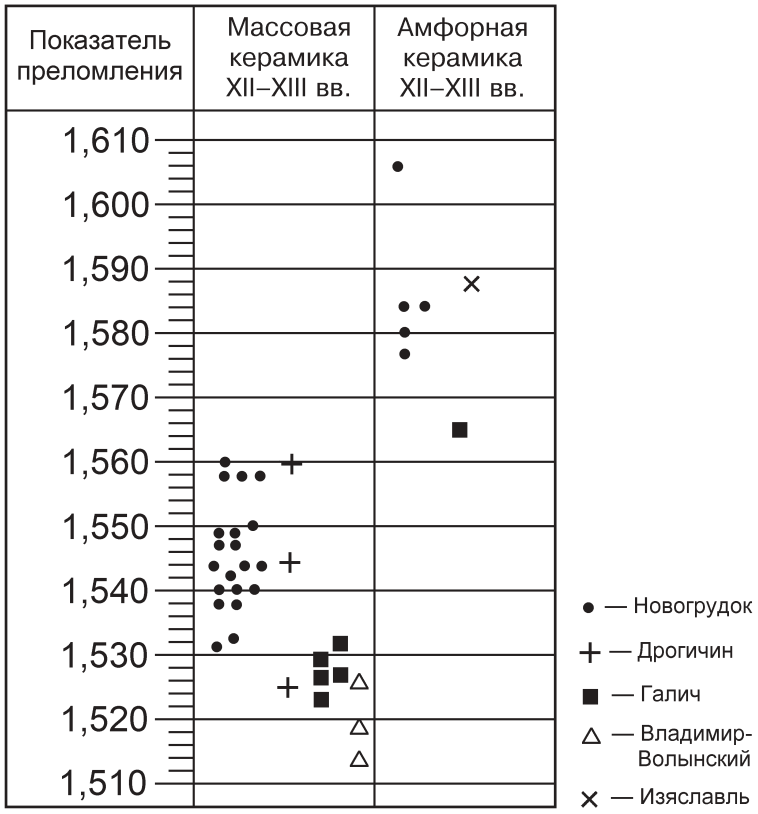
Микроскопический анализ керамики Новогрудка, при помощи которого были выявлены минералогический состав отощителя, размер зерен и степень их окатанности, а также количество отощителя, позволил разделить керамику Новогрудка по составу теста на пять основных групп (табл. 3).

К первой группе относится массовая неполивная керамика X–XIII вв. из цветной глины (красной и серой) и часть поливной посуды из такой же глины (в основном красной). Эта группа керамики отличается от других не только грубым составом теста. Отощитель, представленный главным образом кварцем и полевым шпатом, плохо окатан, максимальный размер зерен колеблется в пределах от 1,0 до 3,5 мм при преобладании зерен размером 1,5–2,0 мм, количество отощителя составляет 20–40 % при преобладании 30–35 %.

Вторую группу теста имеет керамика из беложгущейся глины, как массовая (некоторые типы горшков и хозяйственной тары), так и поливная. Она характеризуется кварцевым составом отощителя

Таблица 1

Показатель преломления остеклованной керамики Новогрудка, Дрогичина, Владимира-Волынского, Галича и Изяславля



(обломки полевых шпатов встречаются очень редко), имеющем зерна хорошей или средней окатанности с максимальным зерном, не превышающим 1 мм; количество отощителя составляет 25–30 %.

Третья группа керамики, которую составляют основные типы амфор (I–IV), резко отличается от других высоким качеством теста. Отощитель представлен мелкими кварцевыми частицами, иногда частицами полевого шпата и кальцитом средней или плохой окаменелости. Размер зерен колеблется от 0,01 до 0,5 мм. Отощитель составляет всего 5–15 % керамического материала.

К четвертой группе керамики относится один тип амфор с несколькими его разновидностями (тип V, виды 1–4), отличающийся от основной массы амфор более грубым отощителем. Он представлен обломками тонкозернистого кварцевого песчаника или кварцевым песком с размером зерен больше 1 мм. Количество отощителя также составляет значительно бóльший процент — 25–30 %. По составу теста этот тип амфор приближается к массовой новогрудской керамике, но все же отличается от нее несколько меньшим размером зерен отощителя и меньшим его количеством.

Для сравнения керамики X–XIII вв. с более поздней была подвергнута анализу глиняная посуда Новогрудка XIV–XV вв. (горшки, миски, латки и крышки) иных форм, чем более ранняя — пятая группа керамики. Как показал микроанализ, по составу отощителя (кварц и полевой шпат) и его количеству (20–35 %) керамика XIV–XV вв. близка к более ранней, но резко отличается от нее мелкозернистостью отощителя (размер максимальных зерен — 0,5–1,5 мм) и хорошей окатанностью зерен.

Таковы в общих чертах основные группы теста новогрудской керамики. В данном разделе мы несколько подробнее остановимся лишь на первой группе, поскольку она наиболее многочисленная и включает в себя сосуды различных форм и назначения.

Микроскопический анализ массовой новогрудской керамики X–XIII вв., изученной в 184-х прозрачных шлифах позволяет сделать следующие выводы.

Таблица 2

Распределение прозрачных шлифов по группам керамики

Категории керамики	Хронология	Группы керамики	Количество шлифов	Всего шлифов
Массовая неполивная керамика	Вторая половина X–XIII в.	Горшки с отогнутым венчиком (типы I–IX)	86	184
		Горшки с вертикальным горлом	7	
		Миски (типы I–III)	16	
		Кувшины (типы I–III)	9	
		Сосуды для хранения запасов (I–III)	9	
		Мелкая столовая посуда	7	
		Сковороды	3	
		Жаровни	4	
		Латки	2	
		Сосуды неопределенной формы	7	
		Крышки	9	
		Фрагменты стенок с разным орнаментом	8	
		Фрагменты днищ	2	
		Фрагменты лепных сосудов	3	
	XIV–XV вв.	Горшки	5	12
		Миски	3	
		Крышки	1	
		Сосуды с лощением	2	
		Жаровня	1	
Поливная керамика	XII–XIII вв.	Красноглиняная	13	20
		Белоглиняная	7	
Привозная тарная керамика	XII–XIII вв.	Амфоры	59	61
		Кувшины	2	
ВСЕГО:			277	

1. Состав отощителя однороден. Кварц и полевой шпат, иногда в сочетании со слюдой и роговой обманкой, применялись в качестве отощителя глины при изготовлении посуды разного назначения и на протяжении всего изучаемого периода. Имеются колебания лишь в процентном соотношении между этими минералами. Исключение составляет только небольшая группа жаровен, в которых отсутствуют названные материалы.

2. Размер крупных зерен отощителя колеблется в незначительных пределах. Около 70 % исследованной в прозрачных шлифах керамики имеет максимальный размер зерен 1,5–2,5 мм. Более мелкие и более крупные зерна, как уже отмечалось, встречаются редко. Количество отощителя колеблется от 25 до 35 %.

3. Отощитель массовой новогрудской посуды характеризуется, как правило, плохой окатанностью зерен. Видимо, новогрудские мастера применяли больше дресву, чем песок. Это представляется вполне вероятным в связи с тем, что и еще совсем недавно белорусские гончары, как это установил В. Голубович, изготовляли дресву из гранита, которую сначала раскаливали в печи, потом обдавали холодной водой, от чего она крошилась, затем толкли в ступе или на жернове и просеивали.[1] В результате такого приготовления отощителя получали остроугольные зерна размером 1 мм, реже 2 мм в поперечнике. Хорошую окатанность зерен отощителя в древнем Новогрудке имела лишь немногочисленная посуда из беложгущейся глины и керамика XIV–XV вв.

[1] Hołubowicz W. Garncarstwo wiejskie zachodnich terenów Białorusi. Toruń, 1950. S. 33.

Таблица 3

Основные группы теста керамики Новогрудка

Группы теста	Категории керамики	Хронология	Кол-во образцов	Размер максим. зерна в мм	Количество отощителя в %
I	Массовая неполивная керамика из цветной глины	вторая половина X–XIII в.	19 87 73	0–1 1–2 2–3,5	20–40 (преобладает 30–35)
	Поливная керамика из цветной глины (красная)	XII–XIII вв.	13	до 2	25–35
II	Массовая неполивная керамика из белой глины	XII–XIII вв.	5	до 1	25–30
	Поливная керамика из белой глины	XII–XIII вв.	7	до 1	25–30
III	Амфоры I–IV типа	XII–XIII вв.	45	0,01–0,5	5–15 (преобладает 10)
IV	Амфоры V типа	XII–XIII вв.	14	больше 1	25 и больше
V	Массовая неполивная	XIV–XV вв.	12	0,5–1,5 (преобладает 0,5)	30–35
	Кувшины привозные	XII–XIII вв.	2	0,5	25–30
ВСЕГО:			277		

Так вкратце характеризуется глиняное тесто массовой керамики Новогрудка. Каких-либо четких закономерностей в использовании того или иного теста в различное время или применение разной глины для изготовления сосудов разного назначения почти не наблюдается. Крупнозернистая примесь характерна, с одной стороны, для керамики второй половины X в., а с другой — частично и для керамики XIII в. По всей вероятности применение большого количества средне- и крупнозернистого отощителя было вызвано тем, что местная природная глина, которой пользовались новогрудские гончары, обладала большой степенью жирности и требовала для улучшения ее технологических качеств значительного отощителя. Это предположение подтверждается тем, что керамика Новогрудка XIV–XV вв. визуально значительно лучшего качества, чем более ранняя, содержит такое же количество отощителя (30–35 %), отличающегося лишь лучшей окатанностью зерен и меньшим их размером (0,5–1,5 мм). Не наблюдается достаточно определенной закономерности и в применении разного теста для изготовления сосудов различного назначения. Можно лишь отметить, что из более пластичной глины изготовляли сосуды с вертикальным горлом (размер крупных зерен отощителя в основном — 1,5 мм, его количество 20–30 %). Сковородки же, наоборот, делали из наиболее тощей глины (размер максимального зерна отощителя 3 мм, а его количество 20–30 %).

Относительная однородность теста в различных группах керамики дает основание предположить, что в Новогрудке одновременно работало много гончаров, которые пользовались одинаковой по составу природной глиной, но каждый по своему усмотрению добавлял к ней больше или меньше отощителя. По всей вероятности один и тот же мастер изготовлял разные по назначению сосуды (горшки, миски, сосуды для хранения запасов, кувшины, мелкую столовую посуду и другие), так как близкая по составу глиняная масса встречается в посуде разного назначения. Это говорит о том, что гончарное ремесло Новогрудка в X–XIII вв. не было узкоспециализированным.

Некоторые данные свидетельствуют о том, что по составу теста керамика Новогрудка близка керамике Дрогичина.[1] Отощителем здесь тоже является дресва, преимущественно среднезернистая, в количестве 30–40 %, несколько лучшей окатанности, чем в Новогрудке. Более грубая примесь характерна только для ранних (XI в.) горшков с отогнутым наружу венчиком, но очень резкой разницы с другими формами нет,

[1] Musianowicz K. Drohiczyn we wczesnim sredniowieczu // MW. T. VI. 1969. S. 145.

как и в Новогрудке. Вероятно, близость состава теста керамики Дрогичина и Новогрудка определяется сходством природной глины, о чем свидетельствуют, как это уже отмечалось выше, одинаковые пределы колебаний показателя преломления остеклованной керамики Дрогичина и Новогрудка (табл. 1).

Несколько иная картина наблюдается на юго-западной Волыни. На основании визуального изучения и частично петрографического анализа керамики некоторых городов можно сказать, что дресва встречается в основном в глиняной посуде лишь X в., например, из жилища-полуземлянки на окраине Владимира-Волынского.[1] В посуде же Волыни XI–XIII вв. обычно в качестве отощителя применялся речной песок, а не дресва (Владимир-Волынский,[2] Острожец,[3] Данилов[4]). Кроме того на Волыни в течение всего интересующего нас периода широко использовалась беложгущаяся глина, в которую, как правило, добавляли мелкозернистый песок (максимальный размер зерен 0,5–0,7 мм) хорошей окатанности.

Несомненно, что по составу глиняного теста (природной глины, качеству и количеству отощителя, размеру и степени окатанности его зерен) керамика разных районов Руси была различной. Однако выявить эти различия можно будет только после более широкого применения микроскопического анализа и других методов изучения керамического сырья.

ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ НОВОГРУДКА

Как уже отмечалось, определить способ изготовления сосудов по готовой продукции с достаточной степенью точности удается не всегда. Это объясняется в первую очередь тем, что технология гончарного производства Древней Руси еще недостаточно разработана. В работах, посвященных древнерусской керамике, этот вопрос большей частью освещен недостаточно. До середины XX в. вопросы гончарного производства домонгольского периода были освещены лишь в работах Б. А. Рыбакова,[5] М. Г. Рабиновича,[6] Р. Л. Розенфельдта,[7] Я. В. Станкевич,[8] А. Л. Монгайта[9] и некоторых других. С конца 50-х годов техника древнерусского гончарства стала постоянным предметом исследования А. А. Бобринского, который значительно продвинул вперед эту область знаний.[10] Особенно много внимания он уделил изучению конструкции гончарного круга и его использованию древнерусскими гончарами. Однако и А. А. Бобринский и М. Г. Рабинович отмечали, что применяемые археологами методы определения древней технологии гончарного производства еще не совершенны и требуют уточнения.[11]

Значительное внимание вопросам керамического производства уделяют археологи Польши, как в специальных монографиях,[12] так и в исследованиях, посвященных средневековым городам Польши.

---

[1] Материалы раскопок М. К. Каргера во Владимире-Волынском в 1955 г. см.: Малевская М. В. О некоторых исторических связях Новогрудка в X в. // КСИА. Вып. 129. 1972. С. 16–17.

[2] Материалы раскопок М. К. Каргера во Владимире-Волынском в 1956 г., любезно предоставленные автору .

[3] Материалы раскопок П. А. Раппопорта в Острожице под Луцком в 1967 г. см.: Раппопорт П. А. Изучение древнерусских жилищ // АО 1965 года. 1966. С. 169–170.

[4] Материалы раскопок П. А. Раппопорта в Данилове в 1968 г. см.: Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII–XIII вв. // КСИА. Вып. 125. С. 31–32.

[5] Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 163–181, 342–373.

[6] Рабинович М. Г. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. М., 1971. С. 12–27.

[7] Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / САИ. Вып. Е1-39. 1968. С. 9–11.

[8] Станкевич Я. В. К вопросу о появлении гончарного круга у северо-восточных славян // Swiatowit. T. XXIV. 1962. Warszawa, 1962. С. 421–442.

[9] Монгайт А. Л. Старая Рязань / МИА. № 49. 1955. С. 108–130; Он же. Рязанская земля. М., 1961. С. 271–291.

[10] Бобринский А. А. Гончары-пидьбляне // СА. 1959. № 1. С. 228–242; Он же. К изучению гончарного круга на территории СССР // СА. 1961. № 2. С. 21–36; Он же. Древнерусский гончарный круг легкого типа на территории северо-западных областей РСФСР // Вестник МГУ. Серия IX. 1961. № 4. С. 54–69; Он же. К изучению техники древнерусского гончарства // Вестник МГУ. Серия IX. 1962. № 2. С. 39–54; Он же. Древнерусский гончарный круг // СА. 1962. № 3. С. 33–52; Он же. Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

[11] Рабинович М. Г. Указ. соч. С. 111, прим. 10; Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы… С. 11–14.

[12] Hołubowicz W. Garncarstwo wiejskie…; Он же. Garncarstwo wczesnośredniowieczne słowian // Acta Universitatis Wratislaviensis. No. 31. Wrołcaw, 1965; Lepówna B. Garncarstwo gdańskie w X–XIII wieku. Gdańsk, 1968.

Достижения польских археологов в этой области нельзя не учитывать при изучении технологии древнерусской керамики.[1] Всестороннему изучению техники изготовления сосудов препятствует не только недостаточность наших знаний по древнерусскому гончарному производству, но в значительной степени фрагментарность керамического материала Новогрудка, а также трудности выявления приемов формовки посуды по готовой продукции. Последнее обстоятельство особо подчеркнула Б. Лепувна, уделившая большое внимание приемам изготовления посуды.[2]

На протяжении второй половины X–XIII в. техника изготовления новогрудской кружальной посуды претерпела сравнительно незначительные изменения, как и состав ее теста.

Вся глиняная посуда Новогрудка выполнена при помощи налепочной техники, применение которой достаточно хорошо прослеживается на некоторых придонных частях и значительно реже улавливается в верхней половине сосудов. На некоторых фрагментах хорошо видно, что днище и нижнюю часть стенки горшка (на высоту 1–1,5 см) лепили из одного куска глины. Затем к основанию стенок прикрепляли глиняную ленту (валек) шириной 1,5–2 см (рис. 3а) и формовали сосуд техникой спирального или кольцевого налепа. Как исключение применялся другой способ прикрепления вальков: не к основанию стенок, а непосредственно к внешнему краю днища, что определяется по образующемуся при этом на днище плоскому бортику и углублению рядом с ним (рис. 3б). В некоторых случаях с внутренней стороны на придонной части сосуда видно, что валек, прикрепленный к основанию стенки, уложен по спирали (рис. 3в). О спиральном налепе свидетельствуют иногда и вмятины от пальцев, расположенные косо. В других случаях, благодаря наличию на внутренних стенках вмятин от пальцев, расположенных горизонтально, достаточно надежно выступает техника налепа кольцевого (рис. 3г). Однако большей частью выявить ту или иную технику налепа не удается по причине последующего заглаживания или обточки поверхности сосуда на гончарном круге. Сохранение же вмятин от пальцев или западин между вальками говорит о минимальном применении гончарного круга.[3] В Новогрудке немногочисленные фрагменты сосудов со следами техники налепа, в основном спирального и, реже, кольцевого, выявлены в керамическом материале второй половины X в. — первой половины XI в. Их почти нет в керамике второй половины XI и XII в. Однако в конце XII и в первой половине XIII в. техника налепа, в основном кольцевого, четко выступает на некоторых типах посуды (горшки IX типа и миски IV типа), где прослеживается не только в придонных, но и верхних частях сосудов (рис. 3д, е). Таким образом, на протяжении всего интересующего нас времени со второй половины X по XIII в. глиняная посуда в Новогрудке изготовлялась при помощи налепочной техники.

Надо отметить, что не только в западных землях Белоруссии, но, как это наблюдал А. А. Бобринский,[4] и в ряде других районов Руси (там, где до сих пор применяется один из ранних типов гончарного круга — круг легкого типа с грибовидным диском) еще имеет место архаическая традиция спирального налепа, когда предварительная формовка сосуда производилась почти без использования вращательного движения круга. А. А. Бобринский пишет, что это «явление, наиболее характерное для раннего этапа освоения гончарного круга и прослеженное на многочисленных образцах древнерусской керамики X–XI вв., найденной в Новгороде, Пскове, Гнездовских курганах и других памятниках этого времени на территории северо-западных областей и за ее пределами».[5]

Таким образом налепочная техника формовки керамики Новогрудка соответствует технике изготовления глиняной посуды, применявшимся в X–XIII вв. в других районах Древней Руси. Она соответствует также, как это вытекает из ряда исследований, приемам формовки керамики X–XIII вв., применявшимся в Польше (Гданьске, Мазовии, Малой Польше).[6]

---

[1] Radwański K. Wczesnośredniowieczna ceramika krakówsksa i zagadneinie jej chronołogii // Materiały archeologiczne. T. IX. Kraków, 1968. S. 5–90; Gardawski A., Chodlik, cz 1. Wczesnośredniowiczny sespól osadniczy. Wrołcaw, 1970; Musianowicz K. Drohiczyn… S. 142–145.

[2] Lepówna B. Op. cit. S. 77–82.

[3] Автор приносит благодарность А. А. Бобринскому за консультацию по технике изготовления новогрудской керамики и, в частности, за указание признаков спирального и кольцевого налепов.

[4] Бобринский А. А. Древнерусский гончарный круг… С. 62.

[5] Там же.

[6] Lepówna B. Op. cit. S. 75–79; Żaki A. Archeologia Małopolski wczesnośredniowiecznej. Kraków, 1971. S. 32–33.

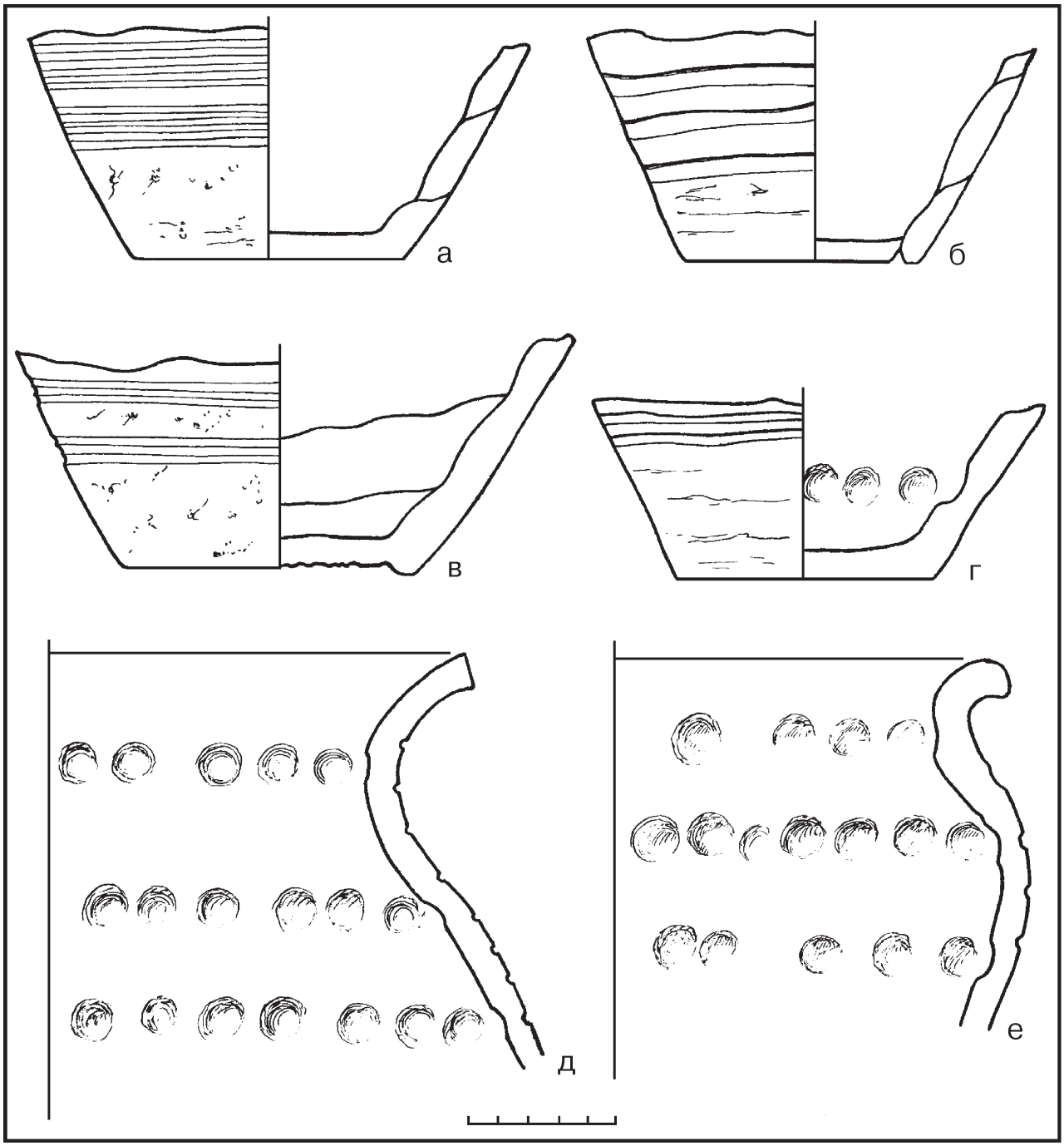


Рис. 3. Приемы формовки посуды:
а — прикрепление валька к нижней части стенки сосуда; б — прикрепление валька к краю днища; в — спиральный налеп; г, д, е — кольцевой налеп

Гончарный круг и обточка сосудов. Прежде чем обратиться к вопросам применения гончарного круга и его конструкции, надо отметить, что на территории посада в слое второй половины X–XI в. найдено несколько фрагментов сосудов, сделанных целиком вручную. К ним относятся три фрагмента стенок, два обломка венчика с плавно изогнутой шейкой и прямо срезанным краем и пять фрагментов от одного горшка, форма которого реконструируется почти полностью (рис. 4). Тесто горшка содержит около 25 % примеси крупнозернистой дресвы (до 3 мм в сечении) и плохо перемешано; поверхность горшка бугристая. Обломки других сосудов характеризуются почти таким же грубым составом массы. Однако

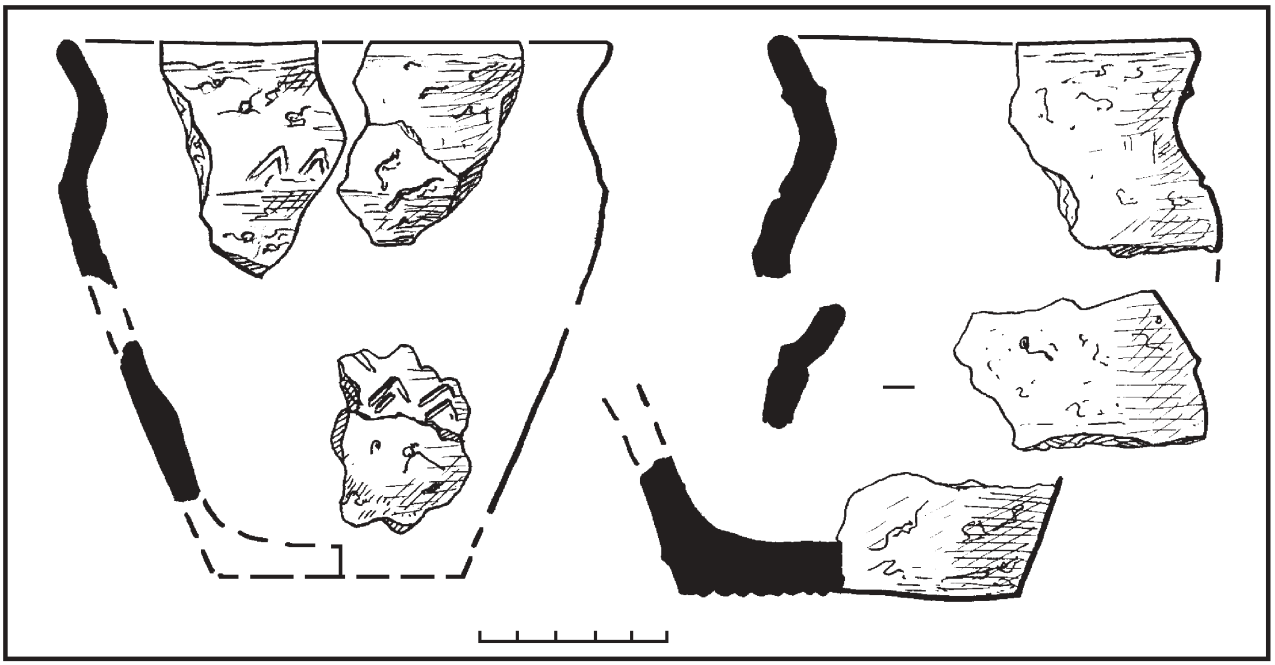


Рис. 4. Новогрудок. Лепная керамика второй половины X — первой половины XI в.

фрагменты лепной керамики в целом столь немногочисленны, что выделить их в самостоятельную группу и рассматривать ее как отражение предшествующей стадии развития гончарного дела, не представляется возможным. Как показано в последней главе работы, славяне, колонизовавшие земли Понеманья, пришли со знанием гончарного круга.

Переходя к рассмотрению степени использования гончарного круга в Новогрудке, необходимо иметь в виду, что на значительной части новогрудской посуды полностью отсутствуют какие-либо следы от техники ее изготовления. Всего лишь на трех днищах обнаружены отпечатки оси круга, на стенках не всегда прослеживаются следы обточки. Последнее явление объясняется, с одной стороны, сильной шероховатостью внутренней поверхности, образованной в результате включения в глину крупнозернистого отощителя, а с другой, — относительной гладкостью наружной поверхности, достигнутой, возможно, при помощи нанесения тонкого слоя жирной глины, разведенной водой.

Отмеченные выше моменты, а также фрагментарность материала затрудняют выяснение интересующих нас вопросов, но некоторые наблюдения все же сделаны.

Новогрудская посуда по степени обточенности на гончарном круге подразделяется на три группы: 1 — обточенная только по венчику; 2 — по венчику и плечику и 3 — целиком. Среди керамики второй половины X и начала XI в. больше половины придонных частей сосудов (около 70 % из числа определяемых) имеют с внутренней стороны вертикальные или косые следы заглаживания стенок после соединения вальков, свидетельствующие о том, что эти сосуды в своей нижней части не были обточены на круге (рис. 5а, б). Приблизительно такой же процент составляют в это время фрагменты верхних частей сосудов (в основном горшков I и частично II типов), на которых с внутренней стороны хорошо заметны горизонтальные линии от обточки на гончарном круге лишь венчика, а ниже (на плечике и тулове) прослеживаются такие же вертикальные или косые следы, как и на фрагментах придонных частей (рис. 5в, г).

Среди керамического материала Новогрудка XI–XII вв., встречаются сосуды, обточенные как по венчику, так и по всей верхней части (рис. 5д), но количественно преобладают горшки, обточенные целиком. На поверхности этих сосудов видны ровные горизонтальные узкие углубленные линии от мелкозернистого отощителя и пальцев гончара, образовавшиеся при обточке сосудов на довольно быстро вращающемся круге.

Наряду с целиком обточенными сосудами в конце XII и, особенно, в XIII в. в Новогрудке некоторые виды посуды (горшки IX типа, миски III типа и, реже, горшки VI, VIII типов) вновь стали изготовлять

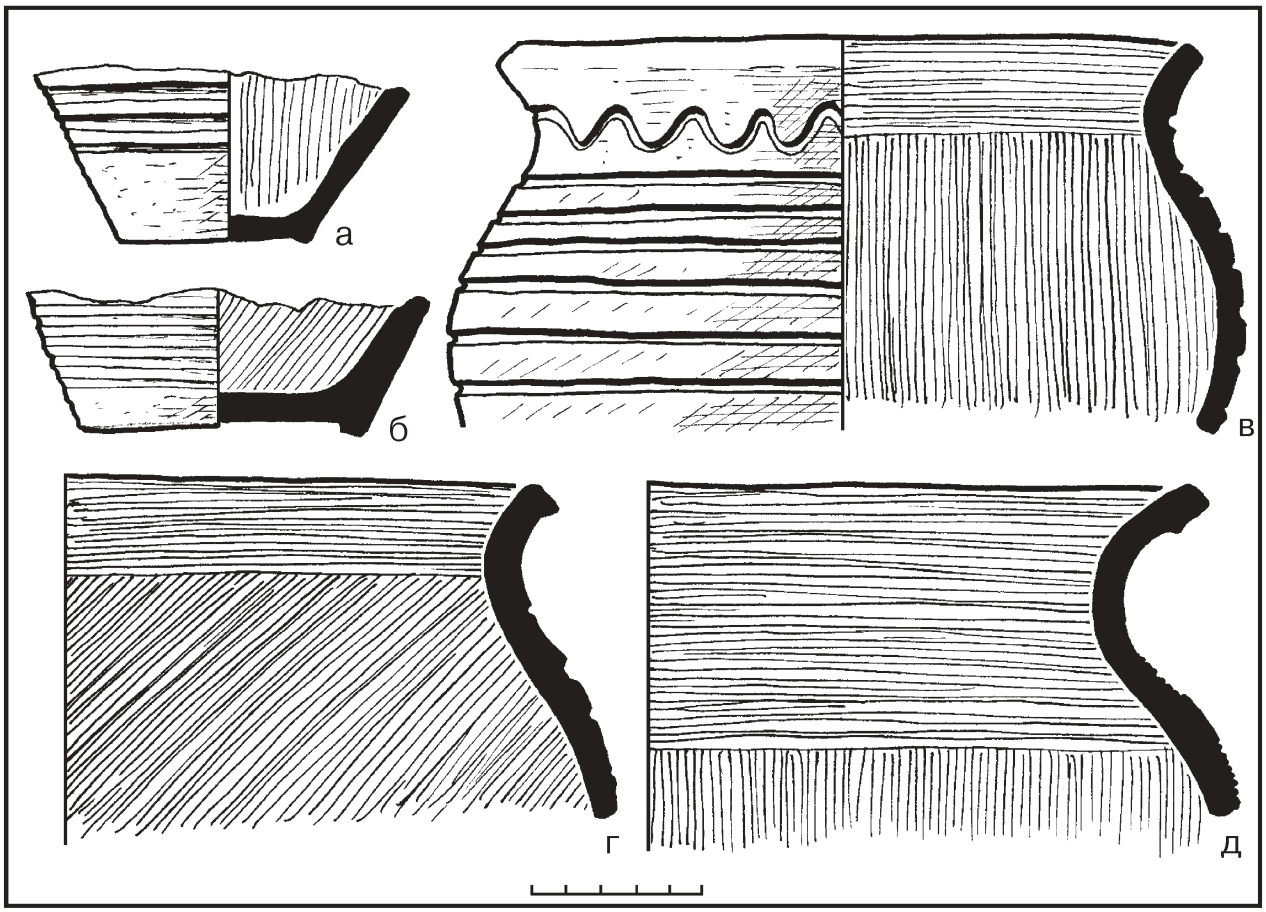


Рис. 5. Новогрудок. Обработка сосудов на гончарном круге:
а, б — вертикальные и косые следы заглаживания вальков на придонной части с внутренней стороны; в, г — следы обточки на круге по венчику и ниже следы заглаживания; д — следы обточки на круге верхней половины сосуда и ниже следы заглаживания

с меньшим использованием гончарного круга — следы обточки видны только на венчике. Возврат к более примитивной технике изготовления посуды является третьей архаической чертой (после ухудшений теста и способа формовки) керамики конца XII — первой половины XIII в.

При изучении техники изготовления керамики важным материалом являются днища сосудов. В Новогрудке различаются днища плоские и вогнутые.

Среди плоских днищ выделяются три разновидности: совсем гладкие и днища с бортиками двух типов по наружному краю. Бортики первого типа обычно невысокие, узкие или, когда смяты, широкие, иногда с расплывчатым краем (рис. 6а, б). Они соответствуют первой разновидности бортиков по А. А. Бобринскому[1] и образуются, как он справедливо считает, в момент среза лишнего слоя глины у днища сосуда и затека ее под днище или, в случае применения глиняной лепешки, к которой примазывают глиняные вальки.[2] Бортики второго типа имеют наклонную стенку и бывают узкими и широкими, высокими и низкими (рис. 6в). Они соответствуют второй группе бортиков по А. А. Бобринскому[3] и образуются, по его мнению, при изготовлении посуды на круге со сношенным диском,[4] имеющим след (канавку) от ножа гончара, которым он выравнивал придонную часть сосуда.[5]

[1] Бобринский А. А. К изучению техники древнего гончарства… С. 45.
[2] Там же. С. 49.
[3] Там же. С. 45–46.
[4] Там же. С. 49, рис. 3.
[5] Там же. С. 45–46.

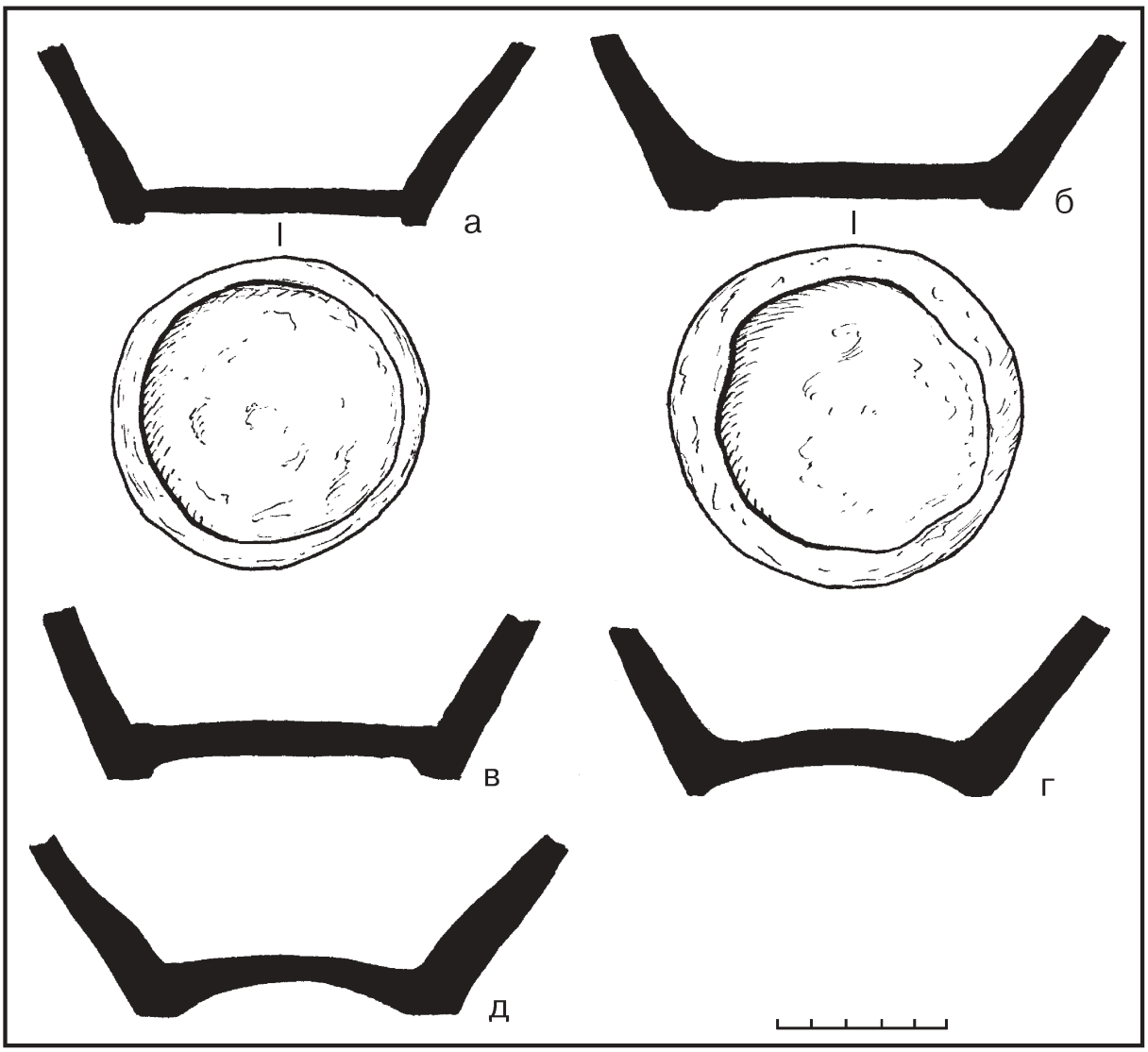


Рис. 6. Новогрудок. Плоские и вогнутые днища:
а, б — плоские днища с бортиками I типа (по Бобринскому);
в — плоское днище с бортиком II типа; г, д — вогнутые днища

Немногочисленная группа вогнутых днищ принадлежит, видимо, сосудам, сформованным на гончарном круге с выпуклой подставкой (рис. 6г, д). А. А. Бобринский связывает образование таких днищ (как и днищ с бортиками второго типа) с изношенной поверхностью диска гончарного круга, а не с выпуклой накладкой. Однако полностью согласиться с этим положением трудно. Может быть, некоторая часть сосудов со слегка вогнутыми днищами образовалась действительно при изготовлении их на сношенной, слегка выпуклой в центре поверхности диска круга. Но огромное количественное преобладание вогнутых днищ над плоскими в некоторых западнославянских землях свидетельствует об ином их происхождении. Так, например, в Гданьске, в керамике конца X–XIII в. вогнутые днища составляют 82 %, плоские с бортиками — 12 % и совершенно плоские — только 6 %.[1] Убедительно доказывая использование в Гданьске и в других городах Польши выпуклой накладки, Б. Лепувна отмечает, что в разных районах Польши количественное соотношение плоских и вогнутых днищ различное. Это, возможно, свидетельствует о наличии локальных вариантов гончарных кругов и форм накладок.[2] Б. Лепувна

[1] Lepówna B. Op. cit. S. 84–88.
[2] Там же. С. 91.

считает, что не только вогнутые, но и плоские днища с бортиками являются результатом использования накладки (плоской) небольшого диаметра. Большое количество вогнутых днищ в ряде районов Польши, а также значительный их процент на пограничье Польши и Руси,[1] в частности, в русском Дрогичине,[2] и наоборот — редкая встречаемость вогнутых днищ в городах Древней Руси и, в частности, в Новогрудке, позволяют предположить, что сосуды с вогнутыми днищами были сделаны, скорее всего, польскими (мазовецкими) гончарами, проникшими в Новогрудок. Что же касается использования новогрудскими мастерами плоских подставок небольшого диаметра, то можно допустить, что с их помощью были сделаны лишь единичные днища с высокими четкими бортиками.

На днищах новогрудской посуды хорошо прослеживается подсыпка дресвы, песка или золы, с помощью которой снимали посуду с гончарного круга. Часто подсыпки больше в середине, чем по краям, иногда она распределяется равномерно по всему днищу. На некоторых днищах подсыпка отсутствует. Видимо, в этих случаях сосуды снимали с помощью золы, следы которой не всегда заметны. Наличие подсыпки прослеживается на протяжении всего изучаемого периода.

На днищах новогрудской керамики встречаются гончарные знаки. Они обнаружены, в основном, в слоях X–XII вв. и лишь как исключение — в напластованиях XIII в. Днища со знаками составляют около 10 % определимых днищ.

Ответить на вопрос, какой тип гончарного круга применялся новогрудскими мастерами, весьма затруднительно. Рассмотренные выше особенности формовочной технологии, такие как налепочная техника, бортики на днищах сосудов, обточка сосудов на гончарном круге, подсыпка песка, наличие клейм, нельзя считать достаточно надежными для определения типа круга. Как показал на этнографическом материале А. А. Бобринский, эти признаки, характерные в основном для керамики, сделанной на ручном гончарном круге легкого типа, оказываются иногда свойственными и для керамики, выработанной на круге тяжелого типа и даже на ножном гончарном круге.[3] По мнению А. А. Бобринского, из всех упомянутых признаков только клеймо «действительно чаще всего следует связывать с ручным гончарным кругом, но определить преимущественную сферу его сочетаний с легким или утяжеленным типом пока трудно».[4] Поэтому мы можем пока довольно определенно говорить лишь о том, что керамика Новогрудка X–XIII вв. сделана с помощью ручного гончарного круга.

Из исследований В. Голубовича, основанных на этнографическом и археологическом материале, следует, что в X–XIII вв. на интересующей нас территории основным типом гончарного круга был примитивный круг, состоящий из одного диска с продольным цилиндром, закрепленным на неподвижной оси. Возможно, что использовался кроме того, но в меньшей степени, круг из одного диска, соединенного четырьмя спицами с крестовиной и также закрепленный на неподвижной оси.

К сходному с В. Голубовичем выводу приходит и А. А. Бобринский, который на основании археологического и этнографического материала других земель — северо-западных — считает наиболее ранней конструкцией гончарного круга круг с грибовидным диском,[5] полностью соответствующий наиболее раннему типу круга, описанному В. Голубовичем. А. А. Бобринский, однако, приводит примеры того, как при длительном пользовании именно таким кругом ось пробуравливала диск и выходила на рабочую поверхность круга, в результате чего на днище сосуда образовывался ее отпечаток.[6] Исходя из следов на днищах новгородской керамики А. А. Бобринский приходит к выводу, что гончарные круги такой конструкции существовали в Новгороде с X по XIV в., хотя грибовидные диски были найдены пока только в слоях XI и XII в.[7]

---

[1] Abramowicz A. Ceramika z Czermna nad Huczwa // AP. T. IV, z. 1. 1959. S. 158–159; Кучинко М. М. К вопросу о соотношении древнерусской и старопольской культур в междуречье Западного Буга и Нарева // Матеріали звітної наукової сесії Інституту суспільних наук АН УРСР. Київ, 1971. С. 84.

[2] Musianowicz K. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu … S. 142.

[3] Бобринский А. А. К изучению техники древнерусского гончарства… С. 39–54.

[4] Там же. С. 51.

[5] Бобринский А. А. Древнерусский гончарный круг легкого типа… С. 54–69.

[6] Там же. С. 57–80, рис. 3 и 4.

[7] Там же. С. 67.

Таким образом, на основании наблюдений В. Голубовича, с одной стороны, и А. А. Бобринского, с другой, можно предположить, что и в Новогрудке в X–XIII вв. применялся, в основном, ручной гончарный круг с грибовидным диском, укрепленным на неподвижной оси. Возможно, однако, что часть новогрудской посуды, в частности, целиком обточенная со строго параллельными линиями, из теста с мелкозернистым отощителем была выработана на более совершенном круге, состоявшем из диска, соединенного спицами с крестовиной или вторым диском. Отсутствие же технических следов на днищах новогрудской керамики свидетельствует, видимо, о том, что при использовании гончарного круга с пробуравленным диском гончары употребляли накладки большого диаметра, как это наблюдал В. Голубович.[1] Употребление подставок большего диаметра, чем днище сосуда, не отрицает и А. А. Бобринский.[2]

За пределами русских земель, судя по данным ряда исследований, в интересующее нас время применялся гончарный круг, сходный по конструкции с упомянутым выше. Так, Б. Лепувна, внимательно изучившая керамику Гданьска, приходит к заключению, что с конца X по XIII в. здесь применялся гончарный круг с неподвижной осью, но какого именно типа, установить невозможно.

Обжиг. Об обжиге керамических изделий Новогрудка можно судить также только по готовой продукции. Ни гончарные мастерские, ни отдельно стоящие гончарные горны обнаружены не были. Возможно, что обжигательные печи еще скрыты под культурными напластованиями неисследованной территории окольного города или посада, но возможно также, что глиняную посуду обжигали в обычных печах для приготовления пищи. Во всяком случае, качество обжига новогрудской керамики позволяет сделать такое предположение.

Больше половины массовой керамики окольного города Новогрудка (около 60 %), сделанной из цветной глины, имеет в изломе трехслойный черепок — красный–серый–красный. При этом толщина непрокаленной серой (или черной) прослойки (2–3 мм) часто значительно превосходит толщину внутреннего и наружного красных слоев (0,1–0,5, реже — 1–2 мм). Наружная поверхность этой группы керамики обычно красная различных оттенков: красно-коричневая, красновато-желтая, серовато-красная и других. Среди этой керамики есть небольшое количество с двухслойным черепком, у которого наружная поверхность красная, а середина и внутренняя поверхность серая или черная.

Следующую по численности группу (около 24 %) составляет керамика серая снаружи и серая или черная в изломе, то есть еще более слабо обожженная, чем рассмотренная выше.[3] И наконец, насквозь прокаленная керамика с красным в изломе черепком образует самую малочисленную группу (около 16 %). Такое соотношение хорошо и плохо обожженной посуды свидетельствует, по-видимому, о применении, в основном, печного, а не горнового обжига. Об этом же говорит и тот факт, что черепок новогрудской посуды почти всегда глухой, а не звонкий. Важно подчеркнуть, что на протяжении второй половины X–XIII в. какой-либо закономерности в изменении качества обжига керамики не наблюдается. Как в ранних, так и в поздних комплексах немногочисленные насквозь прокаленные черепки сочетаются с значительным количеством трехслойных или серых. Скорее даже можно отметить, что в XIII в. хорошо обожженной керамики меньше, чем в X–XII вв. Количество ее увеличивается лишь в XIV–XV вв. Не наблюдается также какая-либо закономерность в качестве обжига посуды различного назначения. В каждой группе сосудов преобладает трехслойный обжиг и лишь небольшое количество составляют серые и красные в изломе черепки.

Такая же картина наблюдается и в посуде, сделанной из беложгущейся глины: трехслойный в изломе черепок (белый–черный–белый) резко преобладает над полностью белым. Звук тоже глухой.

Из числа местной посуды насквозь прокаленный звонкий черепок имеет только большая часть поливной керамики, как красножгущейся, так и беложгущейся.

Таким образом, представляется возможным допустить, что новогрудские гончары обжигали посуду, в основном, в домашних печах. Такое заключение кажется тем более вероятным, что в домонгольский

[1] Hołubowicz W. Garncarstwo wiejskie … S. 57–58, рис. 5д, е.

[2] Бобринский А. А. К изучению техники древнерусского гончарства … С. 47–48.

[3] Можно было бы предположить, что серая керамика является результатом обжига посуды не в окислительной, а в восстановительной среде, но отсутствие звонкости черепка (его звук более глухой, чем у трехслойных черепков) не позволяет это сделать.

период и в других городах Руси наряду с горнами использовались и обычные печи. Так, например, в Галиче в гончарной мастерской первой половины XI в. была установлена обычная печь-каменка небольших размеров.[1] По всей вероятности, эта мастерская являлась одновременно и жилищем гончара. В Москве, как отмечает М. Г. Рабинович, керамика, относящаяся к XI–XIII вв., была обожжена, судя по качеству черепка, также в обычных печах.[2] Подобные примеры можно было бы умножить. Другим подтверждением высказанного положения может служить то обстоятельство, что еще совсем недавно, как отмечал В. Голубович, в сельских местностях Западной Белоруссии гончары обжигали посуду в обычных однокамерных печах, в которых готовили пищу.[3]

Закалка. Последней стадией обработки керамики была так называемая закалка уже готовой посуды. О применении ее новогрудскими мастерами свидетельствуют мелкие и крупные темные пятна на стенках многих сосудов. Целью закалки было придать сосуду большую прочность и водонепроницаемость, а также создать пятнистую поверхность. Способ этот, известный с древности, применяется и теперь.[4] Закалку производят путем погружения обожженного сосуда в специально приготовленный раствор, состоящий большей частью из предварительно заквашенной ржаной муки, разведенной теплой водой, но известны и другие рецепты раствора.[5] В древнем Новогрудке закаливали посуду, начиная с конца X в. в течение всего рассматриваемого периода.

Суммируя сделанные наблюдения по гончарному производству можно прийти к следующим выводам:

1. Вся керамика Новогрудка, начиная со времени возникновения поселения во второй половине или в конце X в., была сделана с помощью гончарного круга. Иначе говоря, гончарное производство с самого начала находилось в руках гончаров-ремесленников. Наличие небольшого количества лепной керамики не меняет высказанного положения.

2. С помощью микроскопического анализа образцов керамики разных категорий (массовой, поливной, амфорной) выделено пять групп теста, из которых одну, самую большую, составляет почти вся массовая керамика. Использование для ее изготовления однородной природной глины, требующей в силу своей пластичности значительного количества крупнозернистого отощителя, привело к тому, что новогрудские гончары для производства посуды разного назначения пользовались почти одинаковым тестом. Исключение составляют лишь сковородки и, в некоторой степени, сосуды с вертикальным горлом.

3. В развитии гончарного производства в Новогрудке заметно постепенное его совершенствование в XI–XII вв., которое выразилось в незначительном улучшении теста, в большей обточке сосудов на гончарном круге, лучшем обжиге. В конце XII–XIII в. наряду с хорошо изготовленной посудой появилась группа сосудов (горшки IX типа, миски IV типа и крышки III типа), свидетельствующая о некотором регрессе в гончарной технологии — огрублении теста, замене спирального налепа кольцевым, обточке сосудов вновь только по венчику, ухудшении обжига. Появление этих архаических черт объясняется, видимо, стремлением к увеличению количества продукции, ее стандартизации.

4. Технологические качества массовой керамики Новогрудка конца X–XII в. и другие ее признаки не дают возможности выделить группы одинаковых изделий, изготовленных в одной мастерской или одним мастером. По всей вероятности в это время работало одновременно много мастеров, каждый из которых производил сравнительно небольшое количество посуды, сочетая, видимо, гончарство с другими занятиями (обработкой земли и скотоводством). Лишь в некоторых закрытых комплексах иногда выявляются немногочисленные сосуды (4–5 горшков), сделанные, судя по их форме, орнаментации и техническим признакам, рукой одного мастера.

Иная картина наблюдается с начала XIII в., когда среди новогрудской керамики четко выделяется большая группа посуды, одинаковой как по технологическим качествам, так по форме, пропорциям

[1] Малевская М. В. Гончарная мастерская первой половины XI в. в древнем Галиче // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 33–38.

[2] Рабинович М. Г. Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. М., 1971. С.23–26.

[3] Hołubowicz W. Garncarstwo wiejskie … S. 221.

[4] Бобринский А. А. Обвар древнерусской керамики // Славяне и Русь. М., 1968. С. 17–24.

[5] В одной деревне близ Новогрудка гончары и сейчас закаливают посуду в растворе из мятной мякины.

и орнаментации. Ее образуют упомянутые выше сосуды худшей, чем другие, выделки — горшки IX типа, большие глубокие миски IV типа и крышки III типа. Эта керамика, составлявшая в XIII в. около половины всей гончарной продукции, несомненно выполнена не одним, а несколькими мастерами, вероятно, объединенными в мастерскую.

5. Наличие среди новогрудской керамики клейменой посуды свидетельствует о том, что гончары-ремесленники находились на переходной стадии от работы на заказ к производству на рынок. Небольшой процент такой посуды говорит о том, что они больше работали на рынок, чем на заказ. Почти полное исчезновение клейм к середине XIII в. свидетельствует об окончательном переходе к работе на рынок.

6. Насколько позволяет судить сравнительный материал, уровень развития гончарного ремесла в Новогрудке в рассматриваемый период соответствовал уровню его развития на соседних землях, как восточнославянских, так и западнославянских. Соответствие это заключается в способах подготовки теста, применении налепочной техники, в степени использования гончарного круга (степени обточки сосудов), в качестве обжига посуды и в других чертах.

7. Сопоставление техники изготовления новогрудской керамики X–XIII вв. с техникой ее изготовления в западных землях Белоруссии в середине нашего века говорит о большой традиционности гончарного ремесла.

3. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ НОВОГРУДКА

В монографии Ф. Д. Гуревич «Древний Новогрудок» при рассмотрении вопроса хронологии двух основных периодов в истории города привлечены и керамические материалы.[1] Но они охарактеризованы лишь кратко в связи с тем, что керамика Новогрудка являлась темой специального исследования автора данной работы.[2] Настоящий раздел исследования посвящен подробной характеристике отдельных групп и типов глиняной посуды Новогрудка по материалам, полученным при раскопках в окольном городе.

Коллекция новогрудской керамики второй половины X–XIII в., собранная в результате десятилетней работы Новогрудской экспедиции на территории окольного города, насчитывает 16235 единиц. Из них 2344 фрагмента принадлежат амфорам и 200 — поливной керамике (табл. 4). К массовой новогрудской посуде, типологическая классификация которой дана в настоящей главе, относится 13692 фрагмента (венчиков, стенок, днищ, ручек, крышек и других). Весь керамический материал распределен на группы, соответствующие назначению посуды.

В ассортимент массовой керамики Новогрудка и других городов Черной Руси второй половины X — первой половины XIII в. входят следующие группы изделий, представленные очень неравномерно: кухонные горшки, сосуды с вертикальным горлом, миски, кувшины, сосуды для хранения запасов, мелкая столовая посуда (стаканы, чашки, кружки), латки, сковородки, жаровни и крышки (рис. 7, табл. 5). Посуда почти каждой из этих групп подразделяется на несколько типов.

Но прежде, чем обратиться к характеристике отдельных групп новогрудской керамики, необходимо отметить, что вся она, включая наиболее многочисленную группу посуды — кухонные горшки, дошла до нас в очень фрагментарном виде. Часть сосудов удалось восстановить по отдельным фрагментам венчиков, стенок и днищ лишь графически с разной степенью точности. Но некоторые категории новогрудской посуды, как, например, кувшины, латки, сосуды для хранения запасов и другие, настолько фрагментарны, что не поддаются даже графической достаточно достоверной реконструкции.

В результате этого не все группы посуды Новогрудка и отдельные их типы могут быть охарактеризованы одинаково полно.

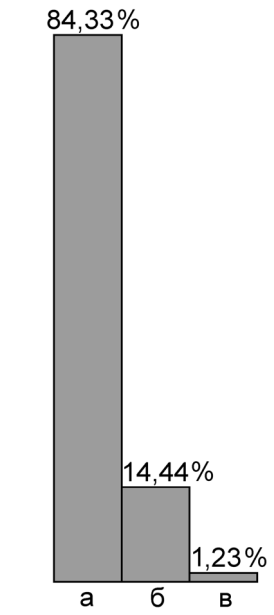
---

[1] Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок… С. 12–15.

[2] Автор глубоко признателен Ф. Д. Гуревич за предоставленный для исследования керамический материал. Участвуя в раскопках Новогрудской экспедиции 1950–1960-х гг., автор следил за сбором керамики и затем исследовал ее.

Таблица 4

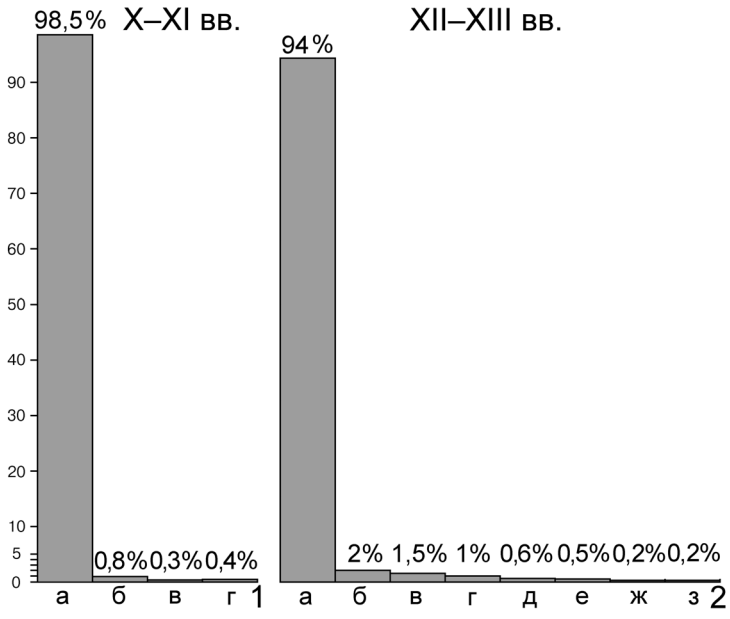
Соотношение категорий керамики Новогрудка второй половины X–XIII в.



а — массовая керамика;
б — амфоры;
в — поливная керамика

Таблица 5

Соотношение разных групп массовой керамики Новогрудка



1 — вторая половина X–XI в.: а — кухонные горшки; б — горшки с вертикальным горлом; в — сковороды; г — разное; 2 — XII–XIII вв.: а — кухонные горшки; б — горшки с вертикальным горлом; в — крышки; г — миски; д — корчаги; е — кувшины; ж — столовая посуда; з — разное

Это обстоятельство определило, в известной степени, принцип, на основании которого произведена типологическая классификация керамики. За основу ее взята главным образом верхняя часть сосуда, а для горшков, в первую очередь, — профиль венчика, шейки и плечика.

Во всех тех случаях, когда можно дополнительно указать размеры сосудов и их пропорции (соотношение диаметров венчика, максимальной раздутости тулова, днища и высоты сосуда), эти данные приводятся. Но положить в основу классификации новогрудской керамики пропорции сосудов, как это делают некоторые исследователи, или их размеры, за недостатком целых экземпляров нельзя.

Не представляется возможным также произвести типологическую классификацию новогрудской керамики по каким-либо другим признакам, например, технологическим.

Наблюдения за изменением формы венчика на керамических материалах многих археологических памятников X–XIII вв. приводят к заключению о наличии определенных закономерностей в ее развитии от ранних типов к поздним, что в сочетании с другими важными признаками (пропорциями, орнаментом, сырьем, технологией) позволяет проследить развитие керамики во времени.

Учитывая все вышесказанное, легко понять, что не весь имеющийся в нашем распоряжении керамический материал — 13692 единицы, состоящий из фрагментов венчиков, стенок, донцев, ручек, крышек и других, может быть использован в работе в равной степени. Во-первых, согласно указанному принципу классификации керамики, исходя из формы верхней части сосудов, для статистических подсчетов, определяющих соотношение различных групп посуды, привлечены, в основном, лишь венчики сосудов. Фрагменты стенок использованы, главным образом, для характеристики орнамента.

Во-вторых, в связи с тем, что типологическая классификация керамики произведена с учетом нахождения ее в постройках или культурном слое определенного времени, использованы прежде всего фрагменты посуды, найденные в закрытых или более или менее закрытых комплексах и в ненарушенном, хорошо датированном культурном слое. Однако, поскольку в Новогрудке по-настоящему закрытых

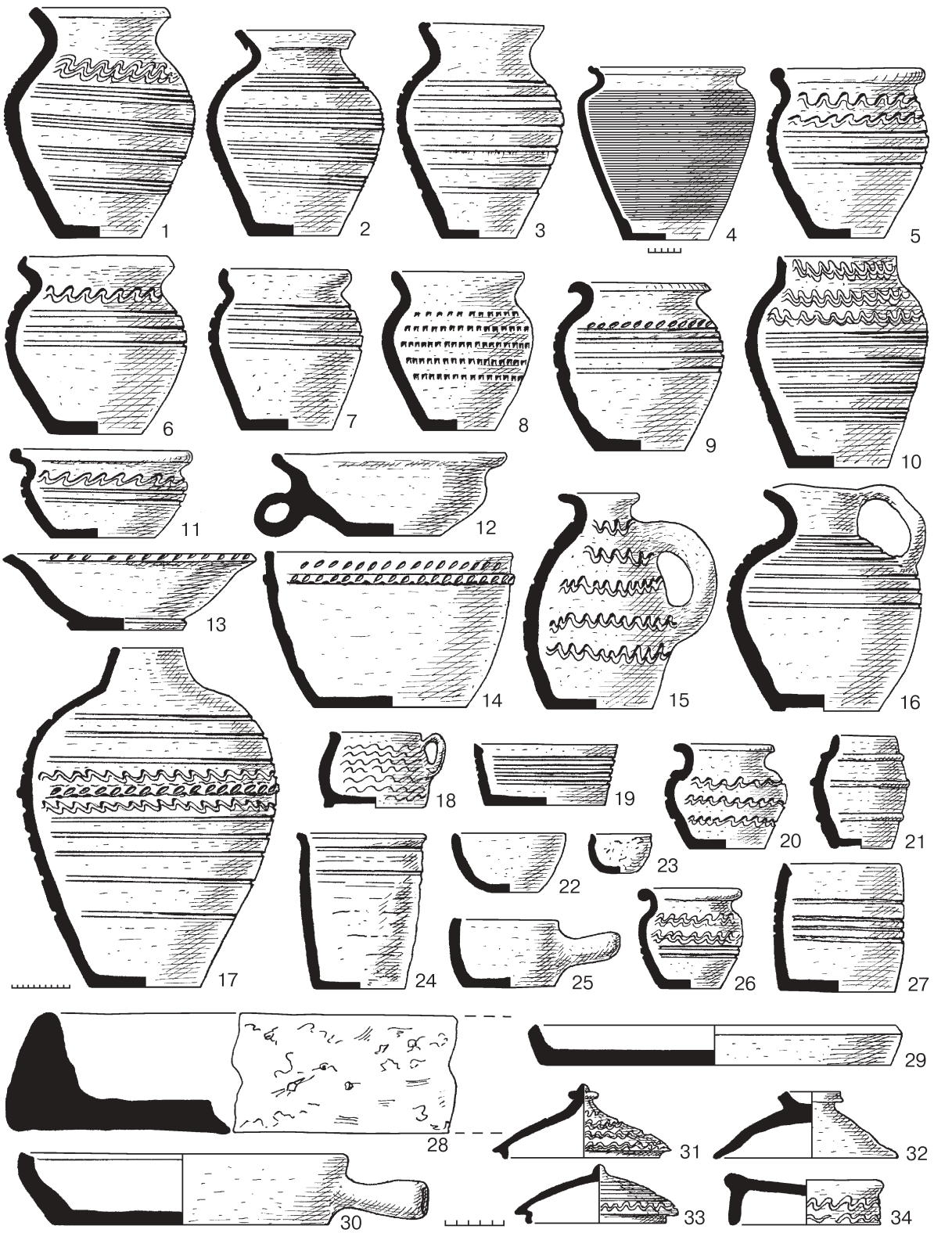


Рис. 7. Основные группы массовой керамики городов Черной Руси:
1–8 — горшки с отогнутым венчиком; 9–10 — горшки с вертикальным горлом; 11–14 — миски; 15–16 — кувшины; 17 — корчаги; 18–27 — мелкая столовая посуда; 28 — жаровня; 29 — сковородка; 30 — латка; 31–34 — крышки. 1–9, 11, 13–14, 16–17, 21, 26, 28–30, 32–34 — Новогрудок; 10, 15, 19, 27 — Гродно; 12, 18, 25, 31 — Волковыск

комплексов очень мало (что объясняется плохой сохранностью построек и их последующей нивелировкой), точную стратиграфическую привязку имеет очень небольшое количество керамики.

В результате этих двух обстоятельств число фрагментов посуды, составивших выборку для подсчетов количественного соотношения групп посуды, значительно сокращается (до 3000 ед.).

Перейдем к рассмотрению названных выше групп новогрудской керамики и отдельных типов и видов посуды внутри некоторых из них.

ГРУППА 1. КУХОННЫЕ ГОРШКИ (РИС. 7–17)

Как уже отмечалось, горшки образуют наиболее многочисленную группу сосудов, резко выделяясь по количеству из других групп керамики. Они составляют 96,3 % всей массовой новогрудской посуды X–XIII вв., не считая амфор и поливной посуды.

На основании формы сосудов горшки можно подразделить на 9 основных типов.

Тип I (рис. 8). К нему относятся горшки со слабо (редко сильно) отогнутым наружу венчиком, почти всегда мягко изогнутой шейкой, большей частью покатыми плечиками и конусовидно суживающимся туловом. Максимальный диаметр тулова лишь незначительно превышает диаметр венчика и приблизительно равен высоте сосуда. Наибольшее расширение тулова приходится обычно на 2/3 высоты горшка и лишь как исключение — на середину его высоты.

Размеры горшков I типа различны. Диаметр устья колеблется от 11 до 40 см, но преобладают горшки с диаметром 18–24 см. Диаметр днища — 9–12 см.

Характерной особенностью горшков I типа является простой венчик, по форме края которого можно выделить несколько разновидностей горшков I типа:

вид Iа — край венчика прямо или вертикально срезан;
вид Iб — край прямо или вертикально срезан и оттянут вниз;
вид Iв — край прямо или вертикально срезан и оттянут вверх, образуя при этом небольшую выемку с внутренней стороны венчика;
вид Iг — край прямо срезан и оттянут вверх и вниз;
вид Iд —венчик короткий и резко отогнут наружу, край его прямо срезан, часто скруглен или заострен.

Кроме указанных разновидностей венчиков имеются и другие, но встречаются они крайне редко.

Горшки I типа большей частью покрыты орнаментом по всему тулову (начиная с плечиков, а иногда с шейки и почти до днища, не достигая его на 3–5 см). Орнамент довольно разнообразен. Он выполнен при помощи двух инструментов: гребенчатого с разным количеством зубцов и палочки. Гребенкой нанесены многорядная волна, горизонтальные линии отдельными поясами или в виде сплошного рифления и косые наколы по плечикам в один-два ряда или в елочку. Часто встречается сочетание многорядной волны или наколов, нанесенных по плечику с рифлением, сделанным той же гребенкой по тулову. При помощи другого инструмента — палочки, наносили одинарную волнистую линию или зигзаг по шейке и плечикам (реже по тулову) и параллельные линии на различном расстоянии — по всему тулову. На горшках I типа линии большей частью широкие (2–4 мм) и неглубокие.

На многих горшках I типа встречается сочетание орнамента, нанесенного гребенкой (многорядной волны или косых наколов), с орнаментом горизонтальными линиями, проведенными палочкой. Другие виды орнаментации на горшках I типа применялись редко. К ним можно отнести некоторые виды решетчатого штампа — квадратный и круглый, семечковидные или круглые наколы и некоторые другие приемы. Однако каждый из них обнаружен всего лишь в нескольких случаях. Следует подчеркнуть, что около половины горшков I типа украшено палочкой, несколько больше 1/4 — гребенкой, а на остальных либо сочетаются эти приемы, либо применяются другие способы орнаментации. Горшки без орнамента составляют всего около 3 % горшков I типа.

Горшки I типа сделаны из глиняной массы, содержащей от 25 до 40 % отощителя, максимальный размер зерен которого в шлифе колеблется от 1,5 до 3,5 мм (средние показатели, полученные из 29 шлифов соответственно следующие: 31, 38 % и 1,87 мм). Поверхность сосудов шероховатая, реже бугристая, но иногда и гладкая. Толщина стенок 0,8–1,5 см. На горшках I типа лучше, чем на других прослеживается

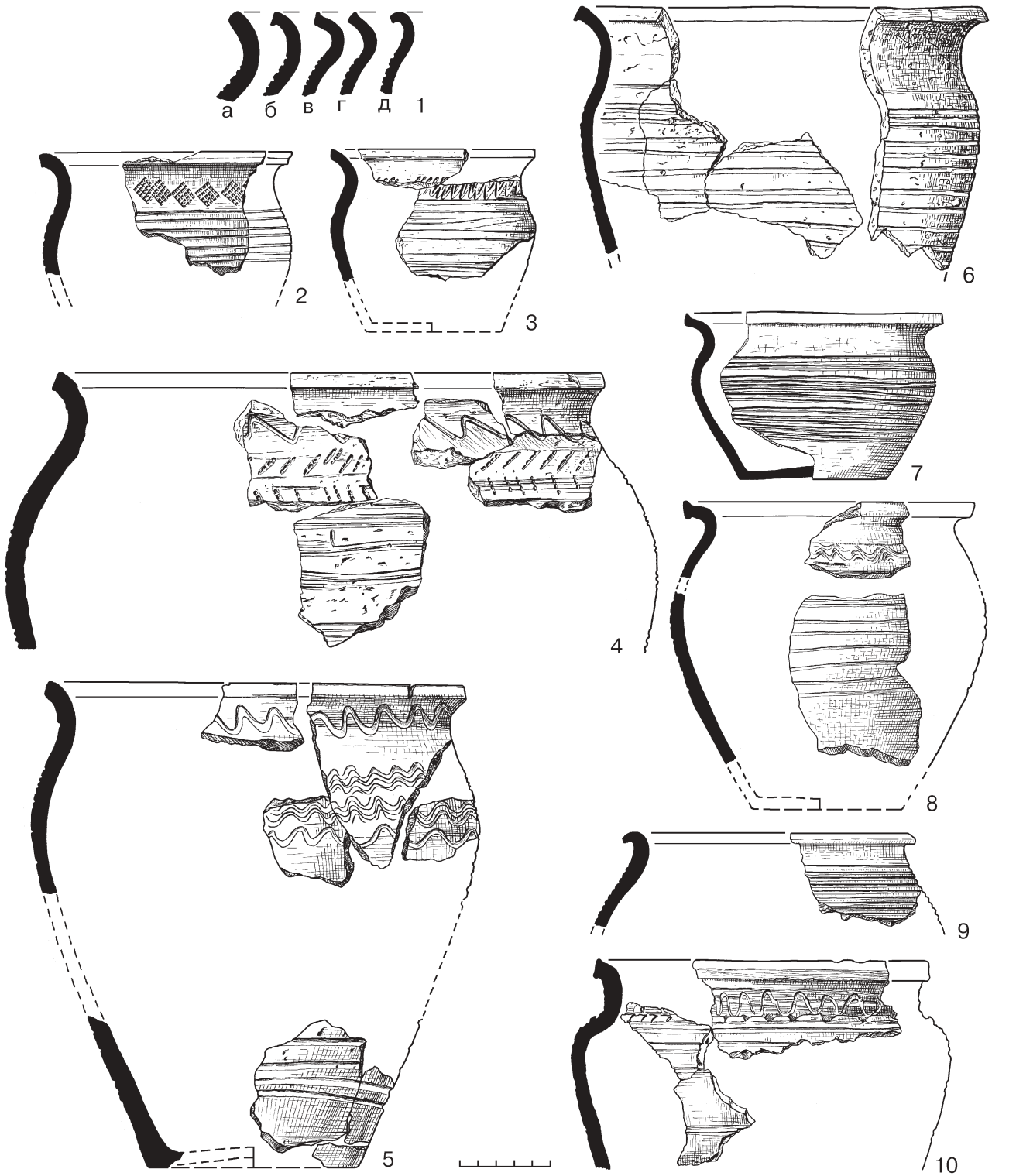


Рис. 8. Новогрудок. Горшки I типа

техника спирального налепа и следы обточки сосудов на круге по венчику или в верхней части и иногда целиком. Днища почти всегда плоские, но встречаются и вогнутые. Толщина их обычно соответствует толщине стенок, но есть днища очень тонкие и очень толстые. На днищах почти всегда видна подсыпка песка, дресвы или золы.

Горшки I типа найдены в постройках, ямах и культурном слое второй половины X в., где они преобладают над другими, в меньшем количестве — в комплексах XI в. и в единичных экземплярах — в комплексах первой половины XII в. (рис. 17).

Тип II (рис. 9). Горшки II типа отличаются от предыдущих сложным профилем венчика, более изогнутой шейкой и обычно более высокими плечиками. Судя по нескольким восстановленным экземплярам, максимальный диаметр тулова равен высоте сосуда или несколько превышает ее и больше, чем у горшков I типа, превышает диаметр устья. Диаметр венчика приблизительно в два раза больше диаметра дна. Максимальная раздутость тулова приходится на 2/3 высоты сосуда и реже — на 3/4. По своим размерам горшки II типа в среднем несколько меньше горшков I типа: преобладает диаметр венчика от 12 до 22 см.

Характерной отличительной особенностью горшков II типа является сложный венчик, который почти всегда прямо срезан (редко скруглен) и имеет снаружи различного рода выступы — карнизики-манжеты. По профилю венчика можно выделить несколько разновидностей горшков II типа:

вид IIа — венчик с треугольным выступом — наиболее многочисленный вариант;
вид IIб — венчик с круглым выступом (в виде валика);
вид IIв — манжетовидный венчик;
вид IIг — венчик снаружи уплощен и край иногда скруглен;
вид IIд — венчик с горизонтально (а не прямо) срезанным краем: карнизик различной формы.

Почти в каждой из указанных разновидностей имеются венчики как с прямой внутренней поверхностью, так и с вогнутой (или выемкой), служившей, видимо, гнездом для крышки. Встречаются, но редко и другие разновидности венчиков горшков II типа.

В отличие от горшков I типа горшки II типа орнаментировали преимущественно гребенчатым инструментом, а не палочкой. Основным орнаментальным мотивом является сплошное рифление или отдельные пояса, нанесенные гребенкой по всему тулову, начиная с плечиков.

Иногда рифление сочетается с одним или несколькими рядами многорядной волны, значительно реже — с рядами косых наколов гребенкой. Горшки, украшенные горизонтальными линиями, нанесенными палочкой, составляют значительный, но меньший процент, чем первые.

Намного реже встречается однорядная волна на плечиках и особенно на шейке, что характерно для горшков I типа. Новым приемом декорировки сосудов является применение налепного валика, украшенного косыми гребенчатыми наколами. Этот прием обнаружен на нескольких горшках II типа большого диаметра — 30–35 см, что позволяет предположить, что горшки эти служили сосудами для хранения продуктов, а не для варки пищи. Следы нагара на них не обнаружены.

Среди венчиков II типа нет орнаментированных штампом, однако, судя по фрагментам стенок со штампом, найденным в одном слое с венчиками горшков II типа, можно предположить, что и этот прием тоже использовался. Совсем неорнаментированных горшков II типа немного больше, чем горшков I типа. К ним, в частности, относятся несколько обломков горшков из белой глины с профилем, нехарактерным для новогрудских сосудов.

Горшки II типа сделаны из теста, содержащего от 25 до 40 % отощителя с размером максимального зерна от 1,5 до 3 мм (средние показатели, полученные из 18 шлифов соответственно следующие: 33 % 1,7 мм). Как и горшки I типа, они выполнены при помощи налепочной техники, но обточены на гончарном круге, как в верхней части, так и целиком.

Стенки горшков II типа несколько тоньше — 0,6–0,8 см, в придонной части — 1,0–1,2 см. Днище по толщине приблизительно равно толщине стенок. Почти все днища плоские с подсыпкой песка или золы. Вогнутых днищ мало.

Горшки II типа встречаются в сооружениях и культурном слое, начиная с конца X в., заметно преобладают над другими в XI в. и постепенно исчезают в первой половине XII в. (рис. 17).

Тип III (рис. 10). Горшки III типа составляют небольшую группу сосудов, характеризующихся простым отогнутым наружу венчиком, край которого срезан горизонтально. По пропорциям горшки III типа близки горшкам II типа. По форме края венчика и изгибу шейки можно выделить три разновидности горшков III типа:

Рис. 9. Новогрудок. Горшки II типа

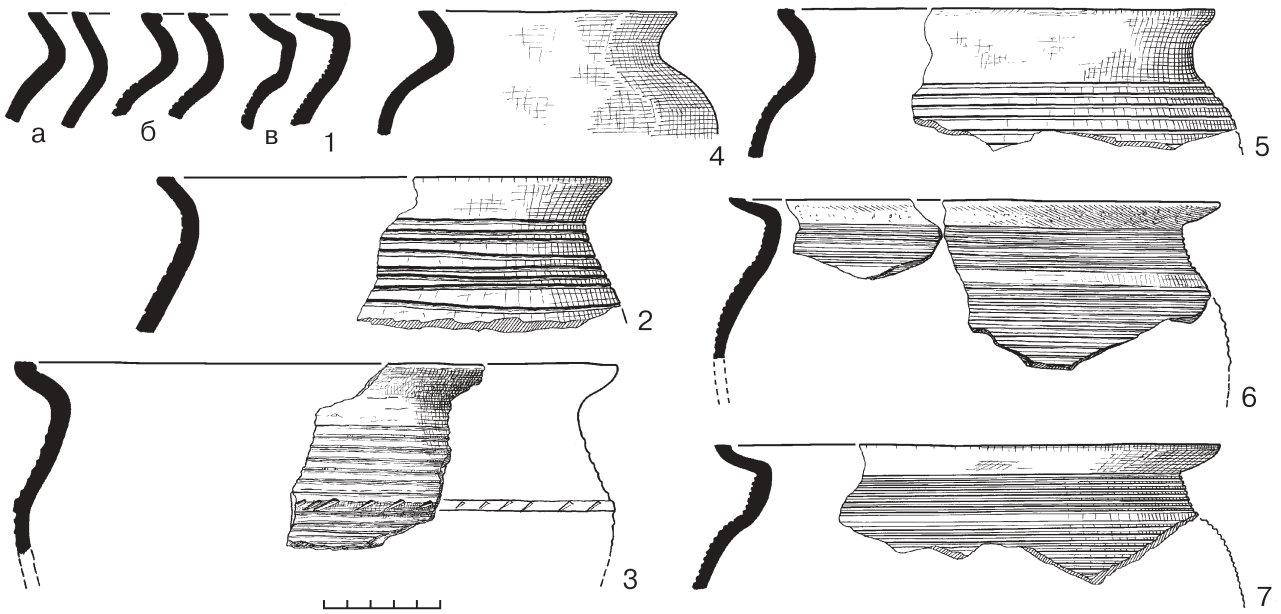


Рис. 10. Новогрудок. Горшки III типа

вид IIIа — край венчика горизонтально срезан;
вид IIIб — край венчика горизонтально срезан и имеет небольшую закраину с внутренней стороны;
вид IIIв — край венчика горизонтально срезан и имеет закраину с внутренней стороны; шейка не изогнутая, а прямая, почти вертикальная, четко выделенная, украшенная горизонтальными линиями или рифлением. Эта разновидность близка горшкам дрогичинского типа (рис. 10: 6–7).[1]

Среди орнаментальных мотивов горшков III типа, как и среди предшествующих, значительно преобладают сплошное рифление или пояса горизонтальных линий, нанесенных гребенкой. Иногда рифление сочетается с многорядной волной. Горизонтальные линии, нанесенные палочкой, как и одинарная волна, встречаются значительно реже. Неорнаментированных сосудов мало.

Глиняное тесто горшков III типа содержит от 30 до 40 % отощителя, максимальный размер зерен которого колеблется от 1 до 2 мм (средние показатели получены по шести шлифам соответственно 34 %, 1,6 мм).

По своим размерам горшки III типа разнообразны, но преобладают сосуды с диаметром венчика 17–24 см.

Горшки III типа связаны с комплексами и культурным слоем XI и XII в., но большая их часть приходится на XI — первую половину XII в. (рис. 17).

Тип IV (рис. 11). Горшки IV типа по степени отогнутости венчика, изогнутости шейки, выносу плечиков и форме тулова близки горшкам II и III типов, но судя по немногим восстановленным экземплярам, они имеют несколько менее вытянутые пропорции, максимальный диаметр тулова незначительно превышает высоту сосуда. Диаметр венчика колеблется от 16 до 28 см, преобладает диаметр 18–22 см.

Основным отличительным признаком горшков IV типа является форма венчика, край которого слегка загнут внутрь и уплощен, в результате чего образуется небольшое скошенное утолщение и закраина с внутренней стороны. Можно выделить следующие разновидности формы венчика:

вид IVа — край венчика с внутренней стороны незначительно утолщен;
вид IVб — край венчика с внутренней стороны утолщен и скошен;
вид IVв — по утолщенному краю венчика с внутренней стороны проходит небольшой желобок;
вид IVг — венчик имеет слабое или сильное утолщение с внутренней стороны и прямую (а не мягко изогнутую), четко выраженную шейку, покрытую, как и тулово, линейным орнаментом (как горшки вида IIIв).

[1] О горшках дрогичинского типа см. в главе III.

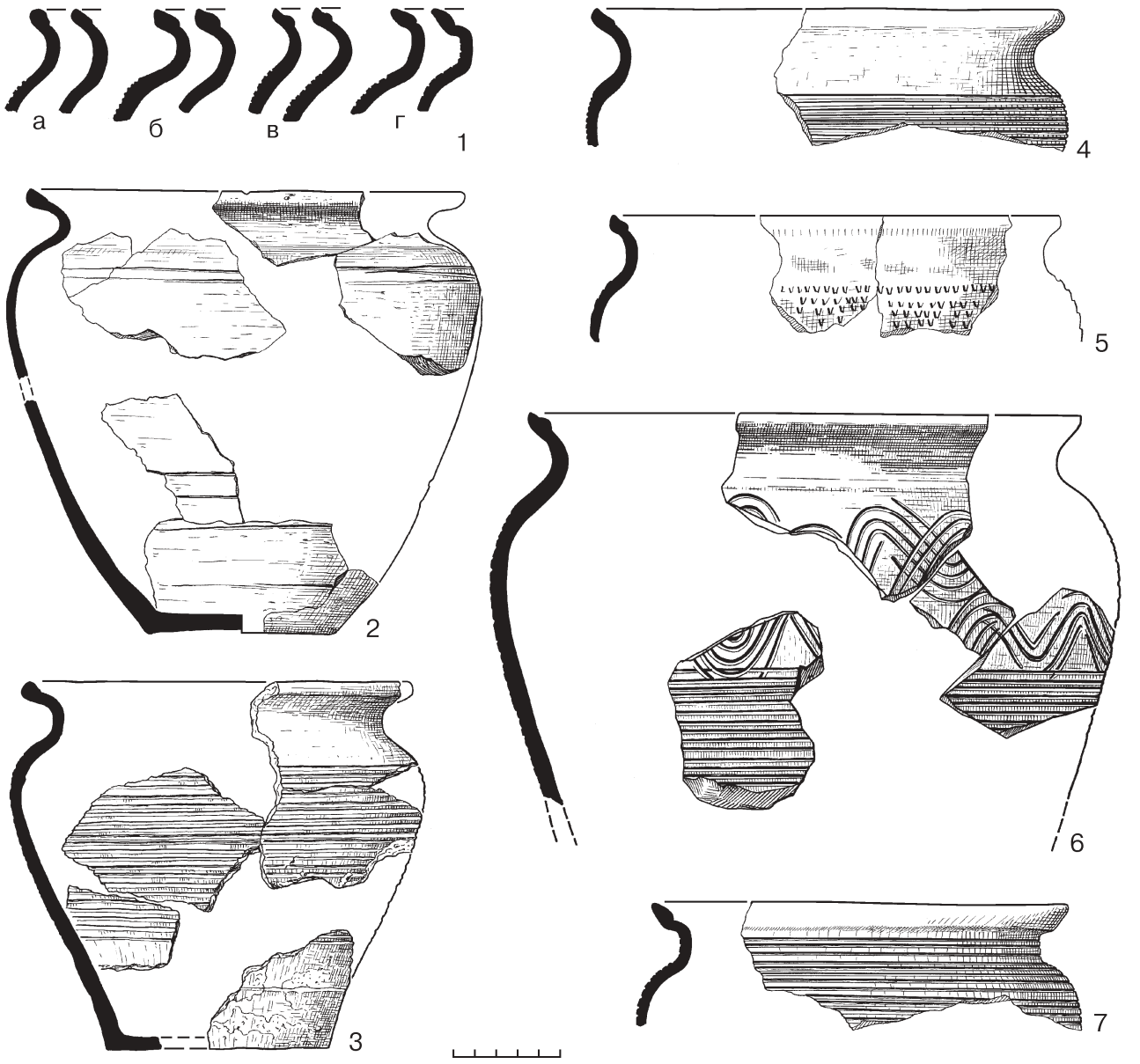


Рис. 11. Новогрудок. Горшки IV типа

Эти разновидности выступов с внутренней стороны венчика сочетаются с различными приемами оформления края — слегка скругленным или срезанным. Имеются и иные разновидности, но они менее характерны.

Горшки IV типа, как и предыдущие, орнаментированы по всей поверхности двумя приемами: сплошным рифлением или отдельными поясами, нанесенными гребенкой и горизонтальными линиями, проведенными палочкой. При этом гребенчатый орнамент почти в два раза превышает орнамент палочкой. Отличительными особенностями декорировки горшков IV типа являются, во-первых, почти полное отсутствие волнистых линий, как многорядных, так и одинарных (исключение составляет горшок с переплетающимися волнистыми линиями), во вторых, появление нового приема орнаментации — наколов, близких по форме к треугольным, нанесенным, видимо, при помощи штампа, горизонтальными рядами по всему тулову, и в третьих, увеличение количества сосудов без орнамента, которые составляют около 1/4 определимых горшков IV типа.

Глиняная масса этих горшков содержит 30–35 % отощителя с размером максимальных зерен от 1,5 до 3 мм (средние показатели по восьми шлифам соответственно — 33 % и 2,3 мм). Толщина стенок — 0,4–0,7 мм. Горшки IV типа, как правило, целиком обточены на гончарном круге. Днища в основном плоские, но есть и вогнутые.

Горшки IV типа характерны для построек XI в. и первой половины XII в., но в небольшом количестве бытуют и во второй половине XII в.

Тип V (рис. 12). Горшки V типа отличаются рядом особенностей от ранее рассмотренных. Они имеют более короткий венчик, различного изгиба невысокую шейку (иногда почти вертикальную), четко выраженные округлые плечики и конусовидносуживающееся (редко слегка округлое) тулово. Максимальный диаметр тулова приходится на уровень 2/3 ил 3/4 высоты сосуда и равен или незначительно превышает ее. Горшки V типа в массе своей несколько более приземистые, чем горшки I–III типов, но есть и стройные сосуды. Диаметр их венчика колеблется от 10 до 26 см, преобладает диаметр 15–22 см.

Наиболее характерным признаком горшков V типа являются отогнутый наружу венчик, край которого скруглен и загнут внутрь, образуя выступ округлой формы и закраину с внутренней стороны, служившую опорой для крышки. По степени отгиба венчика и форме шейки выделяются следующие разновидности горшков V типа:

вид Va — шейка плавно изогнута;
вид Vб — венчик сильно отогнут, шейка круглая, низкая;
вид Vв — венчик короткий, сильно отогнут, шейка низкая, утолщенная с внутренней стороны;
вид Vг — венчик сильно отогнут, шейка четко выражена, вертикальная.

Имеются и другие менее характерные разновидности.

Горшки V типа сделаны из глины, содержащей 30–35 % отощителя с размером максимальных зерен от 1 до 2,5 мм (средние показатели по шести шлифам — 32,5 %, 1,6 мм, то есть по размеру зерен отощитель близок к отощителю горшков III типа). Среди горшков V типа сосуды, сделанные из беложгущейся глины, составляют не боле 2 %. Почти все сосуды целиком обточены на гончарном круге. Толщина стенок — 0,4–0,6 см, реже — 0,7–0,8 см. Днища плоские с подсыпкой песка, дресвы или золы.

Орнаментация горшков V типа заметно отличается от ранее рассмотренных сосудов. Совсем не встречается многорядная волна и очень редко рифление, то есть почти полностью выходит из употребления многозубчатый инструмент (гребенка). Основным видом орнаментации становятся врезные горизонтальные линии (чаще узкие, чем широкие), наносимые палочкой. Они составляют около 3/4 орнаментации горшков этого типа. Значительно реже встречается волнистая линия и сочетание одной или нескольких таких линий с горизонтальными. Другие виды орнаментации единичны: горизонтальные ряды наколов, производимые зубчатым колесиком, косые вдавления, насечка и другие. Орнамент покрывает весь сосуд или верхнюю его половину. Увеличивается количество горшков без орнамента.

Горшки V типа появляются в середине XI в. и особенно в конце его, господствуют над другими в XII в. и постепенно сокращаются в количестве в первой половине XIII в.

Тип VI (рис. 13). Горшки VI типа по всем основным признакам соответствуют горшкам V типа и отличаются от них лишь профилем венчика, край которого прямой, а не скругленный и почти не загнут внутрь, а лишь оттянут вверх. По степени изгиба шейки они подразделяются на те же разновидности, что и горшки V типа. Глиняная масса содержит такой же по составу отощитель, но несколько меньшее его количество — 25–30 % при более крупных зернах от 1 до 3,5 мм (средние показатели по пяти шлифам — 29 %, 2 мм). Основным орнаментальным мотивом также являются горизонтальные линии, нанесенные палочкой, но, в отличие от горшков V типа, найдены единичные экземпляры, украшенные гребенкой (линии и волна). Другой отличительной чертой является еще большее количество неорнаментированных сосудов, которые составляют половину всех определенных горшков VI типа.

Горшки VI типа найдены в сочетании с горшками V типа во всех постройках XII в. (хотя и в меньшем количестве) и почти отсутствуют в сооружениях XIII в.

Тип VII (рис. 14). К горшкам VII типа следует отнести сосуды с прямыми или слегка изогнутыми венчиками, край которых скошен внутрь (реже горизонтально срезан) и часто имеет продольный

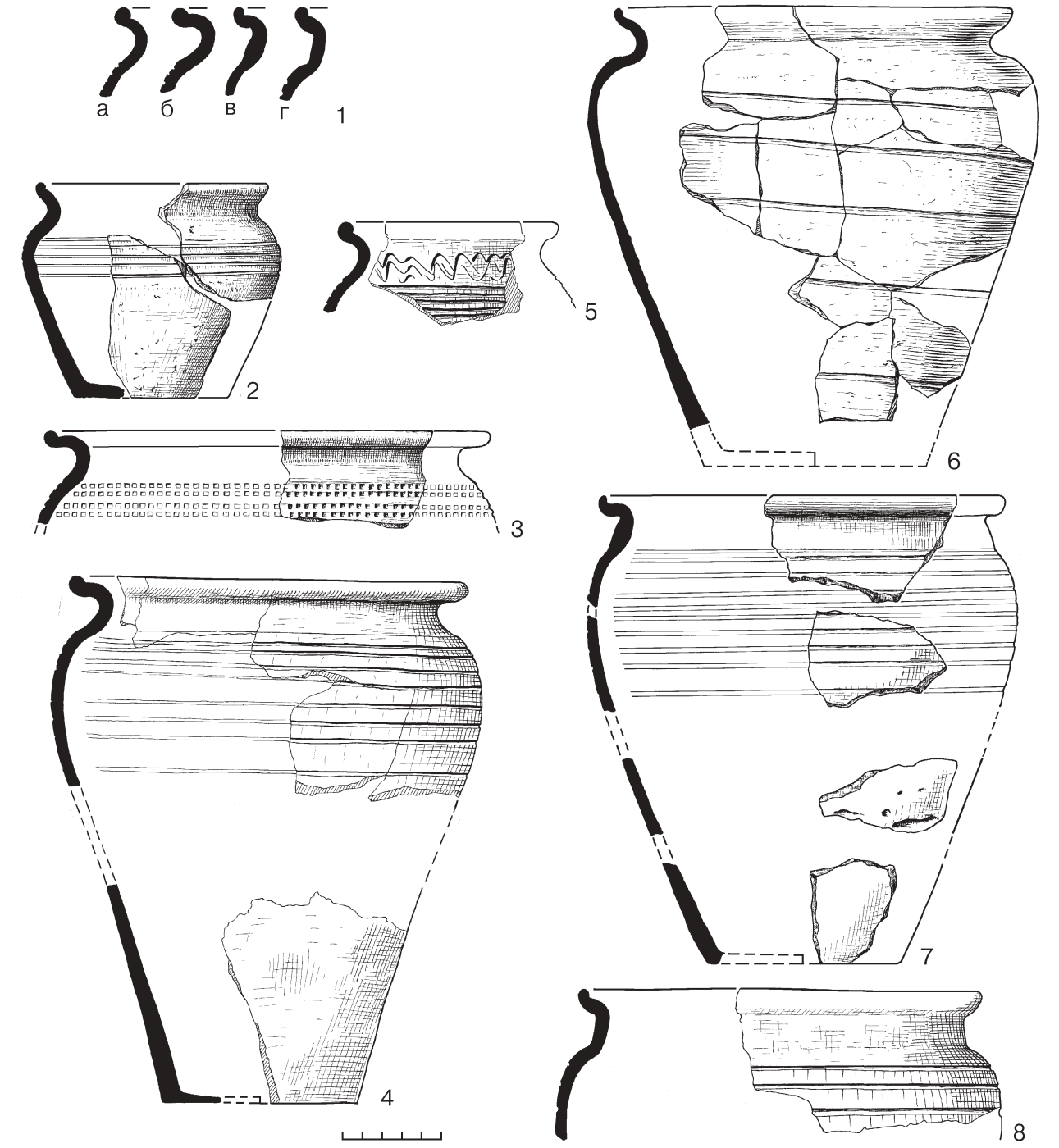


Рис. 12. Новогрудок. Горшки V типа

желобок или закраину с внутренней стороны. Шейка большей частью короткая (перехват), плечики высокие, размеры близки к таковым горшков V и VI типов.

По профилю венчика горшки VII типа подразделяются на следующие разновидности:

вид VIIа — венчик прямой, горизонтально срезан и иногда имеет желобок вдоль края или закраину с внутренней стороны;

вид VIIб — венчик прямой, скошен внутрь и имеет небольшую закраину;

вид VIIв — венчик изогнутый, горизонтально срезан и иногда имеет желобок вдоль края;

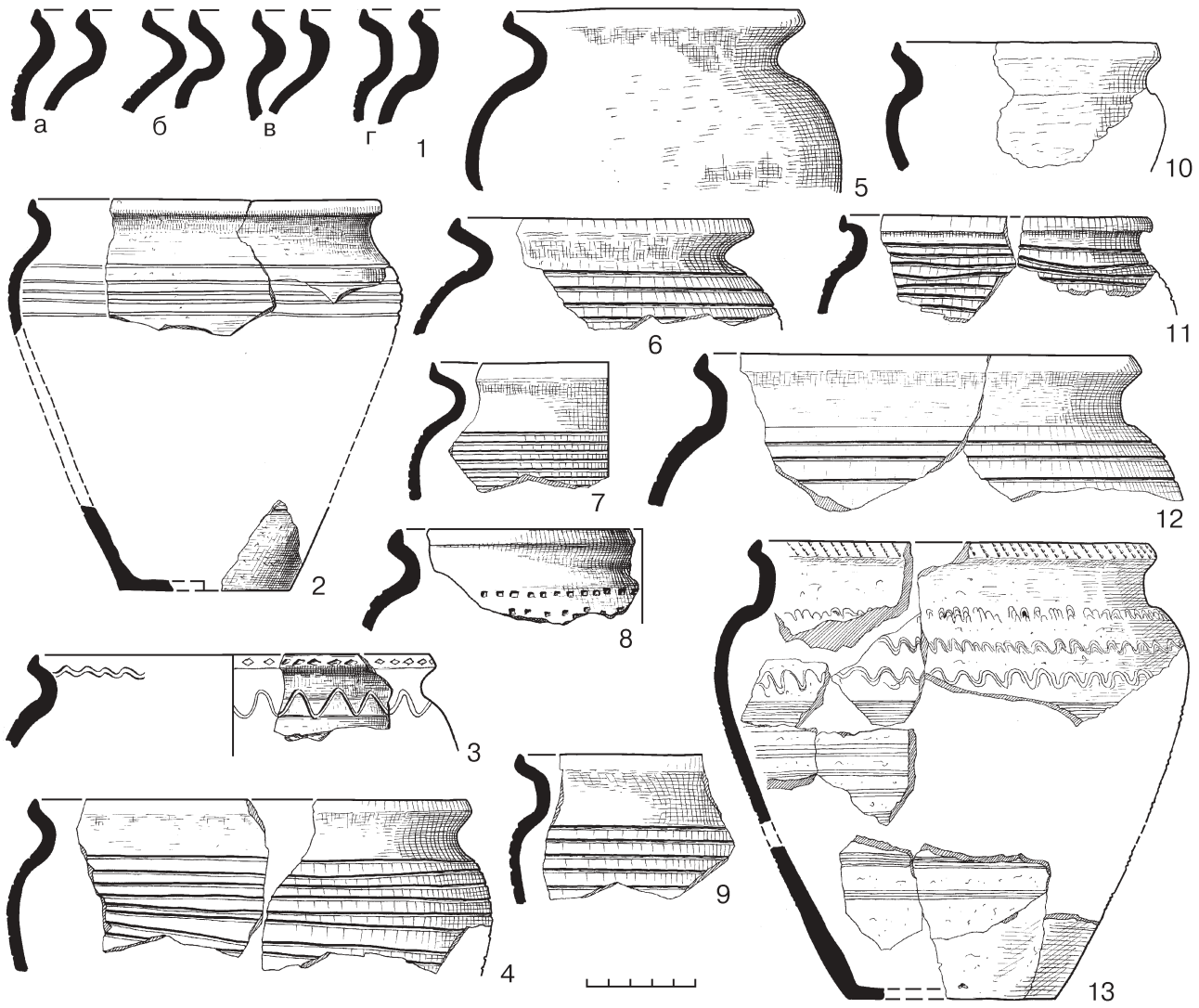


Рис. 13. Новогрудок. Горшки VI типа

вид VIIг — венчик изогнутый, скошен внутрь и иногда имеет желобок вдоль края.

Глиняная масса содержит примесь дресвы или песка в количестве 25–35 % с максимальным размером зерен в шлифе от 1 до 2 мм (средние показатели по семи шлифам — 32 % и 1,6 мм). Орнаментация состоит из горизонтальных линий, покрывающих верхнюю половину или весь сосуд. Иногда горизонтальные линии сочетаются с одной или двумя волнистыми, проведенными по шейке или плечикам. Другие мотивы представляют исключение. Сосуды без орнамента составляют несколько меньше половины горшков VII типа.

Горшки VII типа найдены почти во всех постройках XII в., но в небольшом количестве; еще меньше их в сооружениях и культурном слое XIII в.

Тип VIII (рис. 15). Горшки VIII типа характеризуются простой формой венчика, похожей на профиль венчиков горшков I типа, но имеют более низкую шейку, иногда приближающуюся к перехвату, более высокие и крутые плечики и менее толстые стенки (0,4–0,7 см). Максимальный диаметр тулова бóльшей частью превосходит высоту сосуда и редко равен ей. Днища плоские, с подсыпкой песка или золы.

По профилю венчика горшки VIII типа подразделяются на следующие разновидности:

вид VIIIа — край венчика прямо срезан;
вид VIIIб — край венчика скруглен или утончен;

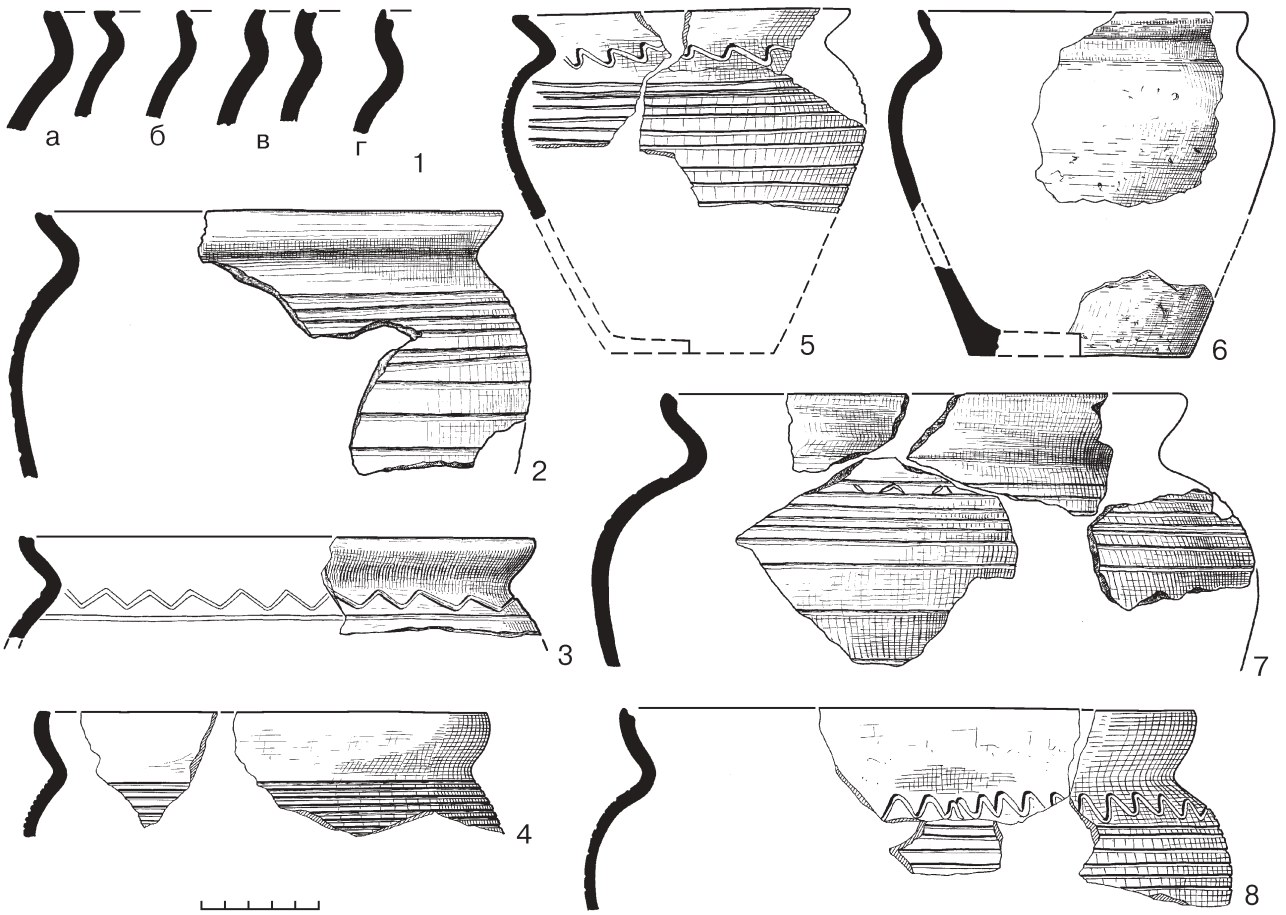


Рис. 14. Новогрудок. Горшки VII типа

вид VIIIв — край венчика прямо срезан или скруглен и утолщен снаружи и внутри.

Среди горшков VIII типа преобладают сосуды небольших размеров с диаметром венчика 10–16 см, или средних — с диаметром венчика 16–18 см. Больших горшков мало.

Горшки сделаны из глины с примесью песка или дресвы в количестве 30–35 % с размером максимального зерна 1,5–2 мм (средние показатели по девяти шлифам соответственно — 31 % и 1,8 мм). Орнаментация такая же, как и на предыдущих типах — горизонтальные линии, нанесенные палочкой по плечику, верхней части тулова и, реже, до низа. Чаще, чем на горшках V–VII типов, встречается 1–3 волнистых линии в сочетании с горизонтальными. Как исключение использовались различные наколы. Горшки без орнамента составляют около половины всех сосудов.

Горшки VIII типа найдены во всех постройках и культурном слое XII в. и значительно в большем количестве, чем горшки V, VI и VII типов, в слое и постройках XIII в.

Тип IX (рис. 16). Горшки этого типа отличаются от других целым рядом особенностей. Они характеризуются коротким венчиком, мягко изогнутой шейкой, покатыми плечиками и большей частью округло суживающимся, а не конусовидным туловом. В отличие от других горшков максимальный диаметр тулова приходится чаще на 1/2, чем на 2/3 высоты сосуда и значительно превосходит диаметр венчика и высоту горшка. Диаметр венчика колеблется от 10 до 23 см, преобладает диаметр 14–18 см.

На основании профиля венчика горшки IX типа можно подразделить на несколько видов:

вид IXа — край венчика скруглен;
вид IXб — край венчика сужен;
вид IXв — край венчика заостроен и оттянут вниз;
вид IXг — венчик очень короткий, шейки почти нет.

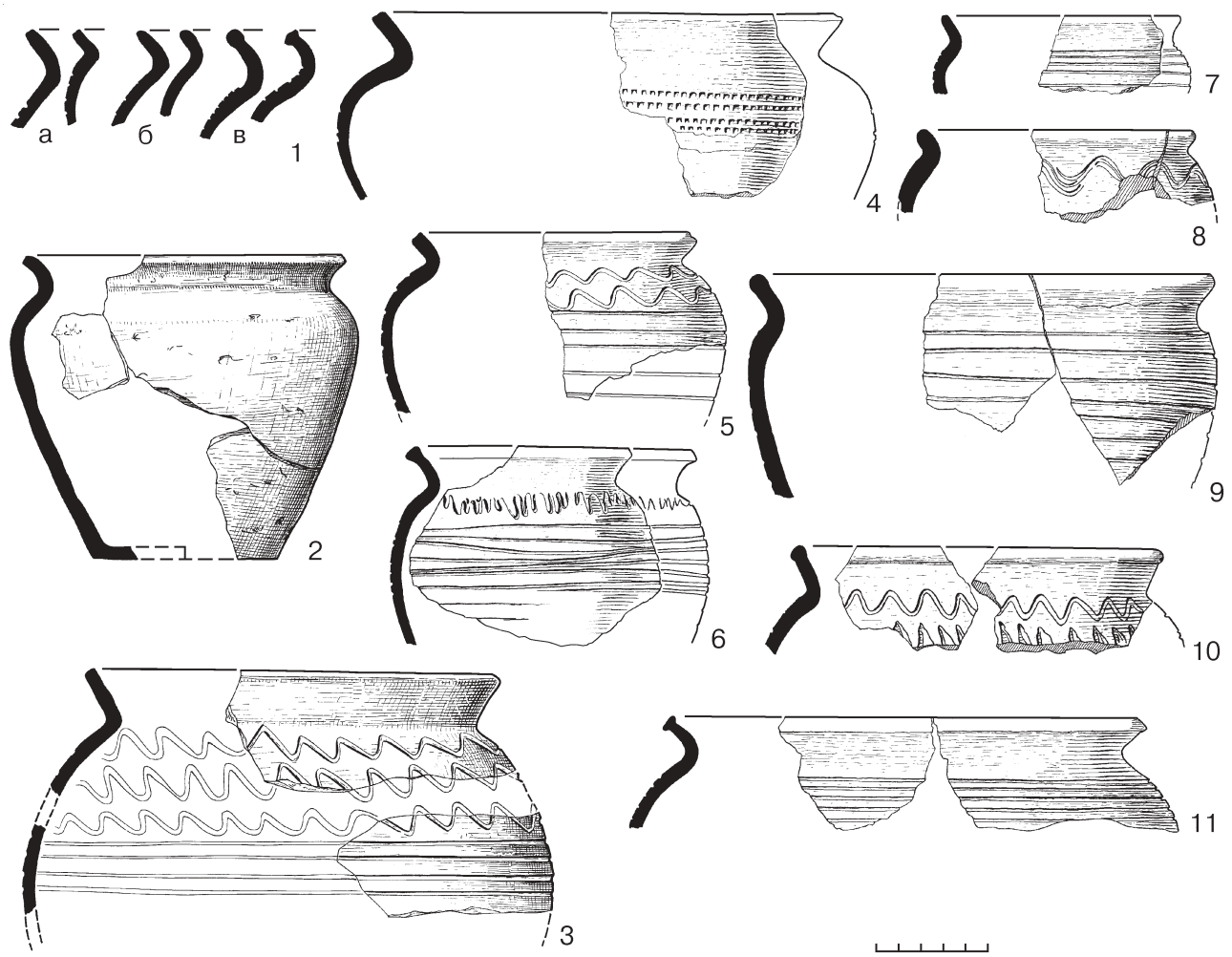


Рис. 15. Новогрудок. Горшки VIII типа

Есть и другие менее характерные разновидности.

Горшки IX типа сделаны из более грубого теста, чем предшествующие. Количество дресвы в них составляет 30–35 %, при максимальном размере зерен 2–2,5 мм, причем крупных зерен в тесте этих горшков больше, чем в тесте других (средний показатель по шести шлифам соответственно 34 % и 2,3 мм).

Горшки IX типа, в отличие от ранее рассмотренных, сформованы в технике кольцевого, а не спирального налепа, что хорошо прослеживается по горизонтальным рядам отпечатков пальцев на внутренней поверхности стенок. Толщина стенок — 0,5–0,8 см. Днища плоские, с подсыпкой песка или дресвы и, как правило, без затека глины со стенок (без бортиков). На многих днищах вдоль наружного края проходит гладкая полоса шириной 0,3–1,0 см без подсыпки, может быть, свидетельствующая о срезе бортиков при снятии сосуда с круга. Диаметр днищ, равный 10–12 см, несколько превосходит средний размер днищ других горшков. Цвет наружной поверхности этих горшков — желтый, серо-желтый и, реже, серый — также выделяет их из числа других, большей частью красно-коричневых и коричневых.

Орнаментация горшков IX типа тоже имеет свои характерные особенности. Наряду с горизонтальными линиями (часто неровными), покрывающими плечики или верхнюю половину тулова (а не весь сосуд), часто встречаются косые ногтевые вдавления в один или два ряда, нанесенные по плечикам над горизонтальными линиями. Реже вместо наколов проведена волнистая линия. Иногда хорошо прослеживается орнамент, переходящий из волны в наколы. Новым видом орнаментации является слабо выступающий налепной валик с косой насечкой на плечиках сосуда. Совсем неорнаментированные горшки составляют не более 10 %.

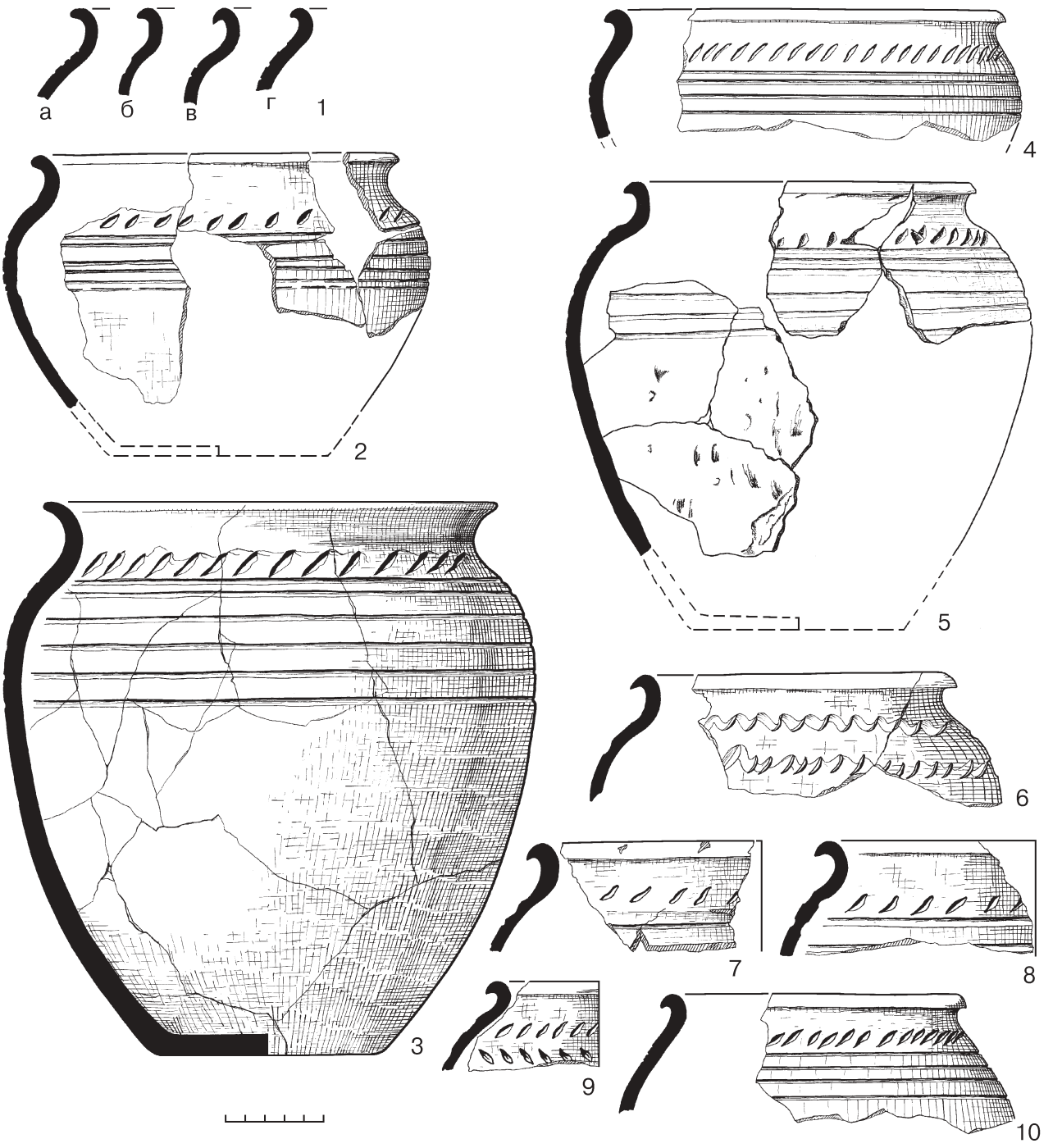


Рис. 16. Новогрудок. Горшки IX типа

Горшки IX типа найдены в небольшом количестве в постройках и культурном слое второй половины XII в. и господствуют в XIII в., заходя во вторую его половину.

Завершая раздел типологической классификации кухонных горшков, надо подчеркнуть, что к нижнему культурному слою окольного города второй половины X — XI в. (1–3 строительным периодам) относятся горшки I–IV типов, к слою XII — первой половины XIII в. (4–6 строительным периодам) — горшки V–IX типов и в первой половине XII в. еще продолжали бытовать горшки III и IV типов (рис. 17).

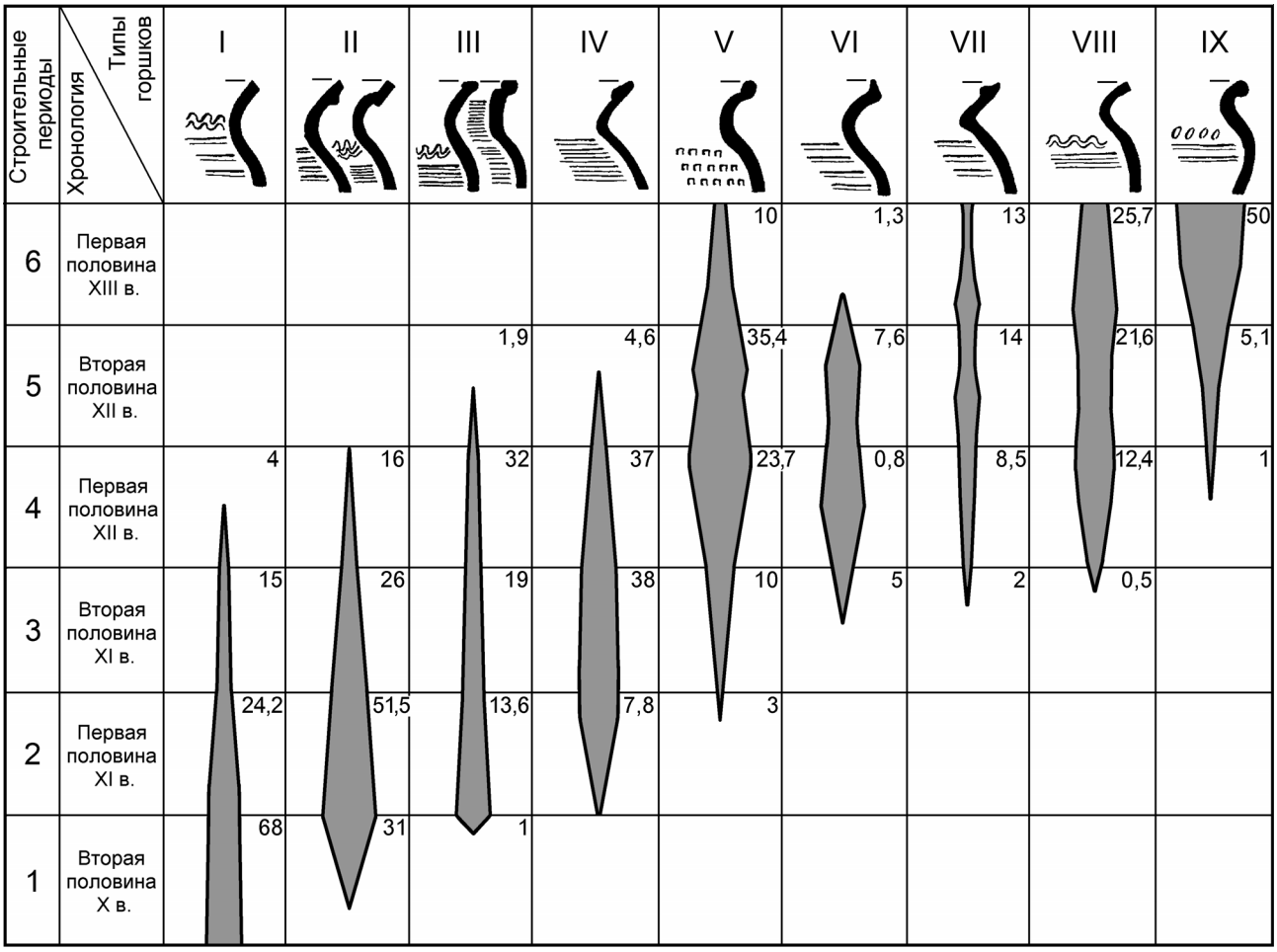


Рис. 17. Новогрудок.
Распределение кухонных горшков по строительным периодам (в процентах)

ГРУППА 2. ГОРШКИ С ВЕРТИКАЛЬНЫМ ГОРЛОМ (РИС. 18)

Горшки с вертикальным горлом (или, как их называют в польской литературе, — с цилиндрической шейкой) составляют следующую по количеству группу посуды.

За исключением двух сосудов они представлены очень фрагментарно. По форме тулова и размерам горшки с вертикальным горлам близки горшкам с отогнутым венчиком. Переход от горла (иногда слегка наклоненного внутрь или наружу) к плечикам почти всегда четко выражен и редко плавный, плечики округлые, тулово конусовидное. Судя по двум восстановленным сосудам, максимальный диаметр тулова равен приблизительно высоте сосуда и значительно превышает диаметр горла. Наибольшее расширение тулова приходится приблизительно на 2/3 высоты сосуда. Горшки эти имеют разные размеры: диаметр горла колеблется от 9 до 20 см, наиболее частый — 15–18 см. Высота горла равна 2,5–3,5 см, редко меньше или больше.

Горшки с вертикальным горлом подразделяются на два основных типа, главным образом, по приемам украшения наружной поверхности.

Тип I характеризуется использованием тех же декоративных элементов, которые применялись для украшения горшков с отогнутым наружу венчиком. К ним относятся, в первую очередь, линейно-волнистый орнамент, наносимый гребенкой или палочкой, и некоторые виды наколов — круглые, овальные, семечковидные, косая насечка. Орнамент покрывает верхнюю половину или все тулово сосуда (рис. 18: 1–3, 8–11). По богатству орнаментации выделяются фрагменты трех маленьких сосудов, на которых сочетаются разные приемы декорировки (рис. 18: 5–7). Горшки без орнамента составляют около 5 % сосудов.

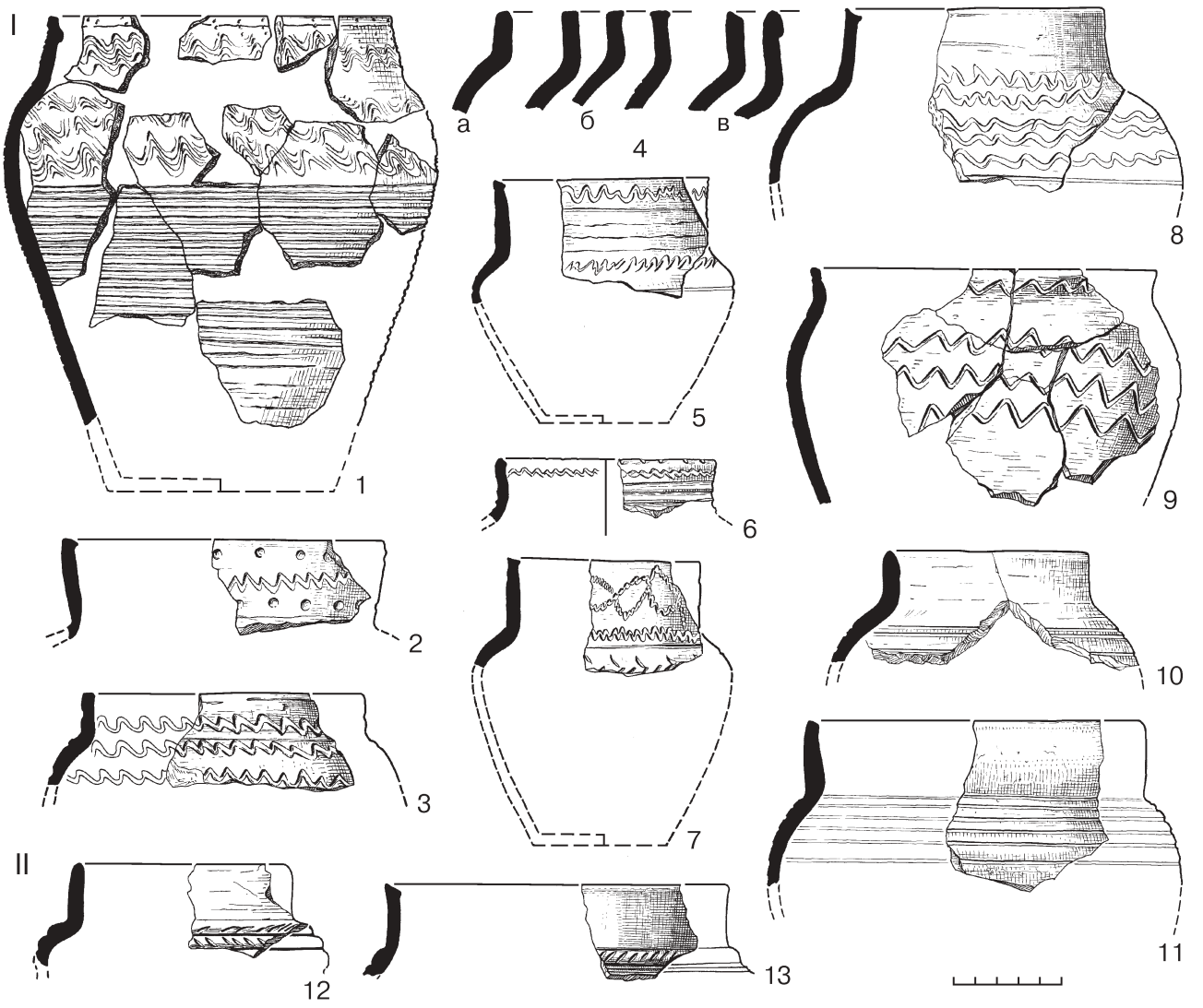


Рис. 18. Новогрудок. Горшки с вертикальным горлом: 1–11 — тип I; 12–13 — тип II

По оформлению края горла горшки подразделяются на несколько видов:

вид Iа — край горла скруглен;
вид Iб — край горла горизонтально срезан и иногда имеет закраину с внутренней (реже — с внешней) стороны;
вид Iв — край горла скошен внутрь и иногда имеет закраину с внутренней стороны.

Тип II характеризуется использованием двух декоративных приемов: а — полукруглых в сечении налепных валиков, иногда украшенных косой насечкой или наколами и б — глубоких округлых в сечении горизонтальных желобков, между которыми как бы образуются валики. Сосуды II типа представлены всего тремя фрагментами: один — с валиком у основания горла (рис. 18: 13) и два — с желобчатой поверхностью (рис. 18: 12).

Горшки с вертикальным горлом сделаны из теста несколько менее грубого, чем другие горшки. Оно содержит меньше отощителя — 20–30 %, максимальный размер зерен которого колеблется от 1,5 до 2 мм (средние показатели по семи шлифам соответственно — 26 % и 1,6 мм). Горшки эти (как и другие) выполнены в ленточной технике и обточены на гончарном круге по венчику, в верхней части или целиком.

Толщина стенок — 0,5–0,8 см.

Горшки с вертикальным горлом появились в конце X в., бытовали в XI и особенно в XII в., а в XIII в. их производство почти прекратилось (рис. 26).

ГРУППА 3. МИСКИ (РИС. 19)

Миски составляют около 1 % новогрудской керамики. Они дошли до нас в очень фрагментарном виде — не сохранилось почти ни одного полного профиля. Тем не менее, на основании верхних частей сосудов, можно выделить четыре типа мисок.

Тип I (рис. 19: 1–7). К ним относятся миски, напоминающие по отогнутому наружу венчику и четко выраженным плечикам горшки открытой формы: диаметр венчика превосходит диаметр тулова или, реже, равен ему. Высота мисок может быть реконструирована лишь приблизительно, как равная половине величины диаметра венчика.

Миски I типа имеют различную форму венчика, соответствующую форме венчиков горшков I, IV, V и VII типов. Диаметр венчика колеблется от 14 до 24 см.

Большая часть мисок I типа орнаментирована, начиная с плечиков и, видимо, до днища, горизонтальными линиями. Одна миска украшена волнистыми линиями по наружной поверхности и по внутреннему краю венчика, и одна — многорядной волной в сочетании с горизонтальными линиями. Некоторые сосуды совсем не орнаментированы.

Миски I типа служили, видимо, как столовой посудой, так и для приготовления пищи, судя по закопченности и нагару на некоторых из них.

Большая часть мисок I типа обнаружена в постройках и культурном слое XII в., две или три — в слое рубежа XI–XII вв., и лишь одна (с многорядной волной и простым венчиком) — в слое второй половины X в.

Тип II. Миски II типа характеризуются почти прямыми конусовидно сужающимися стенками со слегка отогнутым наружу краем, прямо или косо срезанным (рис. 19: 8–10). Диаметр венчика равен 16–20 см, диаметр днища — 9–12 см. Высота мисок II типа, видимо, в 3–4 раза меньше диаметра венчика, то есть они значительно ниже и площе мисок I типа. Отсутствие нагара и закопченности на этих сосудах позволяет отнести их к столовой посуде. Одна из мисок (или плошек) украшена косыми наколами по наружному краю венчика. Два сосуда не орнаментированы.

Миски II типа найдены в постройках XII в. и лишь одна (с насечкой по краю венчика), видимо, в культурном слое XI в.

Тип III. К нему относятся миски с выпуклыми стенками и простым слабоотогнутым венчиком, близкие к полусферической форме (рис. 19: 11–16). Диаметр венчика — 16–18 см, высота не установлена. Одна из мисок украшена волнистой линией снаружи и по внутреннему краю венчика.

Миски I, II и III типов сделаны из такого же теста, как и горшки. Оно содержит от 25 до 35 % отощителя с размером максимального зерна от 0,5 до 2,5 мм (средние показатели по 11 шлифам соответственно — 30,5 % и 1,9 мм). Они обточены на гончарном круге в верхней части или целиком. Толщина стенок 0,5–0,9 см, чаще — 0,6–0,7 см. Цвет мисок преимущественно красный или коричневый, за исключением одной серой. Миски II и III типов датируются в основном XII в.

Тип IV (рис. 19: 17–18). Миски IV типа резко отличаются от других по целому ряду признаков и отнесены к группе мисок условно (их скорее надо называть мисами и рассматривать как самостоятельную группу посуды, но для этого их слишком мало — 4 экземпляра). Миски IV типа (или мисы) имеют почти вертикальные, слегка выпуклые стенки, немного суживающиеся книзу. Венчик слабо выражен или отсутствует, верхний край стенки слегка уплощен. Диаметр устья колеблется от 17 до 21 см.

По орнаментальным мотивам миски IV типа близки горшкам IX типа: верхняя часть их декорирована одним или двумя рядами косых ногтевых наколов, под которыми большей частью расположен слабо выступающий налепной валик треугольной или прямоугольной в сечении формы. Под валиком, часто украшенным косой насечкой, обычно проведены горизонтальные линии.

По грубости теста (как и по орнаментации) миски IV типа похожи на горшки IX типа. Отощителем служит большей частью крупнозернистая дресва, максимальный размер зерен которой колеблется от 1,5 до 2,5 мм, а количество — от 25 до 35 % (средние показатели по пяти шлифам — 2,3 мм и 30,5 %). Миски

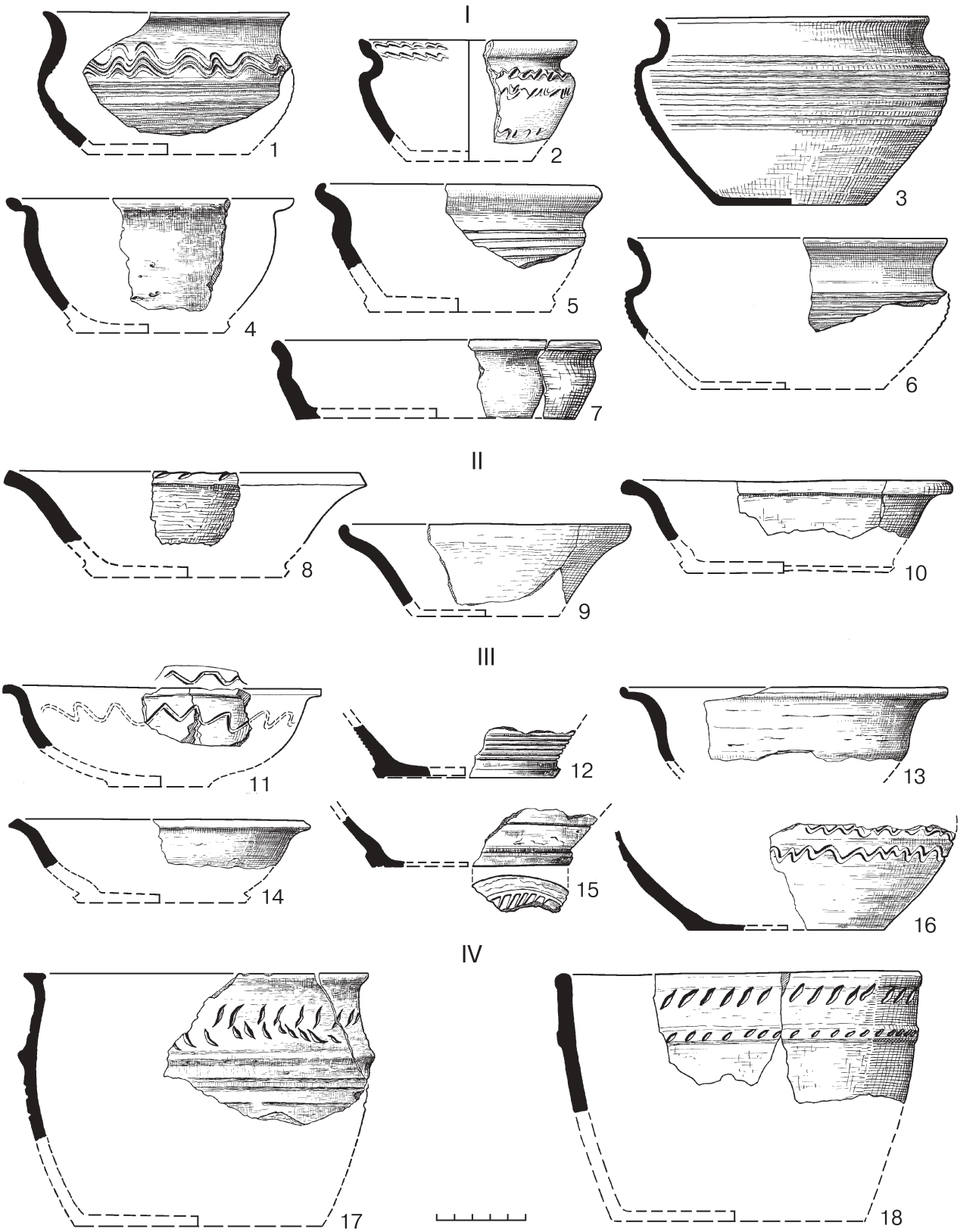


Рис. 19. Новогрудок. Миски: 1–7 — тип I; 8–10 — тип II; 11–16 — тип III; 17–18 — тип IV

эти, как и горшки IX типа, сделаны в технике кольцевого, а не спирального налепа и обточены на гончарном круге лишь в верхней части. Толщина стенок — 0,5–0,9 см. Цвет сосудов снаружи, как и у горшков IX типа, желтый или серо-желтый, черепок в изломе серый.

Эти мисы служили, вероятно, для хранения пищи, возможно, для подачи ее на стол. Они были найдены в постройках и культурном слое второй половины XII–XIII вв.

ГРУППА 4. КУВШИНЫ (РИС. 20)

Кувшины составляют всего лишь около 0,6 % керамики окольного города. Их обломки относятся к 14 экземплярам. Они очень различные и могут быть разделены на две небольшие группы.

Тип I (рис. 20: 1–3). К нему относятся 4 кувшина, объединенные рядом признаков, но несколько различающиеся по форме тулова и горловины. Это небольшие сосуды с раздутым в нижней части туловом (в двух случаях биконическим), покатыми плечиками, невысокой горловиной и массивной, круглой в сечении ручкой, прикрепленной одним концом к основанию горла, а другим — к средней или нижней части тулова. Диаметр тулова равен 12–14 см, высота, полностью ни в одном случае не сохранившаяся, равнялась приблизительно 14–16 см. Один кувшин имеет прямое, слегка наклоненное внутрь горло, диаметром 6,5 см, другой — очень низкую шейку с отогнутым наружу краем и сливом, диаметром устья — около 7 см. У остальных кувшинов верхняя часть не сохранилась. Характерной особенностью всех четырех кувшинов является одинаковая орнаментация, выполненная как бы одной рукой. Она состоит из многорядных зигзаговидных линий, нанесенных по горлу и тулову горизонтальными рядами и наискось. На кувшине, сохранившемся лучше других, под волнистыми линиями расположены горизонтальные, нанесенные не гребенкой, а палочкой.

Несмотря на большое внешнее сходство этих кувшинов, микроскопический анализ трех черепков показал, что они сделаны из разной глиняной массы, отличающейся по своей структуре, количеству и размеру отощителя. Отощитель (дресва) составляет 30–35 % при размере максимального зерна от 2 до 3 мм (средние показатели по трем шлифам соответственно 33 % и 2,5 мм).

Все кувшины имеют красную наружную и внутреннюю поверхности и серый излом.

На некоторых экземплярах хорошо прослеживается ленточная техника их изготовления. Толщина стенок — 0,7–0,9 см.

Все кувшины найдены в культурном слое начала XII в. и приблизительно в одном районе. Однако, как уже было отмечено, разный состав теста свидетельствует о том, что они были сделаны либо разными мастерами, либо одним мастером, но в разное время (из глины разного замеса).

Тип II (рис. 20: 4–7). От кувшинов этого типа сохранились лишь верхние части — горловины, характеризующиеся широким раструбом (от 6 до 12 см в диаметре). На некоторых из них есть слив и виден след от места крепления ручки несколько ниже уровня верхнего края.

Плечики у двух сосудов высокие, крутые, и диаметр их значительно превышает диаметр устья. Кувшины II типа украшены нанесенными палочкой горизонтальными линиями по горлу и зигзагообразными по плечикам (на лучше сохранившихся экземплярах).

К кувшинам II типа можно условно отнести небольшой кувшинчик, профиль которого реконструируется почти полностью (рис. 20: 8). Он, как и другие кувшины, имеет широкий раструб, но отличается от них покатыми плечиками и максимальной раздутостью не в верхней, а в средней части тулова. Высота кувшина равна приблизительно 14–15 см, диаметр устья — 6 см, диаметр тулова — 10,5 см. Кувшинчик орнаментирован узкими, слабо врезанными горизонтальными линиями и одним рядом часто нанесенных ногтевых вдавлений.

Кувшины II типа сделаны из глины с примесью дресвы, за исключением одного, изготовленного из белой глины с примесью песка. Количество отощителя в трех образцах составляет 30–35 %, максимальный размер зерен от 1,5–2 мм (средний показатель соответственно 32 % и 1,8 мм). Почти все кувшины снаружи и внутри красные, в изломе серые. Маленький кувшинчик по технике изготовления и цвету похож на горшки IX типа и миски III типа: с внутренней стороны хорошо видны горизонтальные ряды вмятин от пальцев гончара, свидетельствующие о спиральном налепе. Цвет сосуда снаружи и внутри желтый, излом серый.

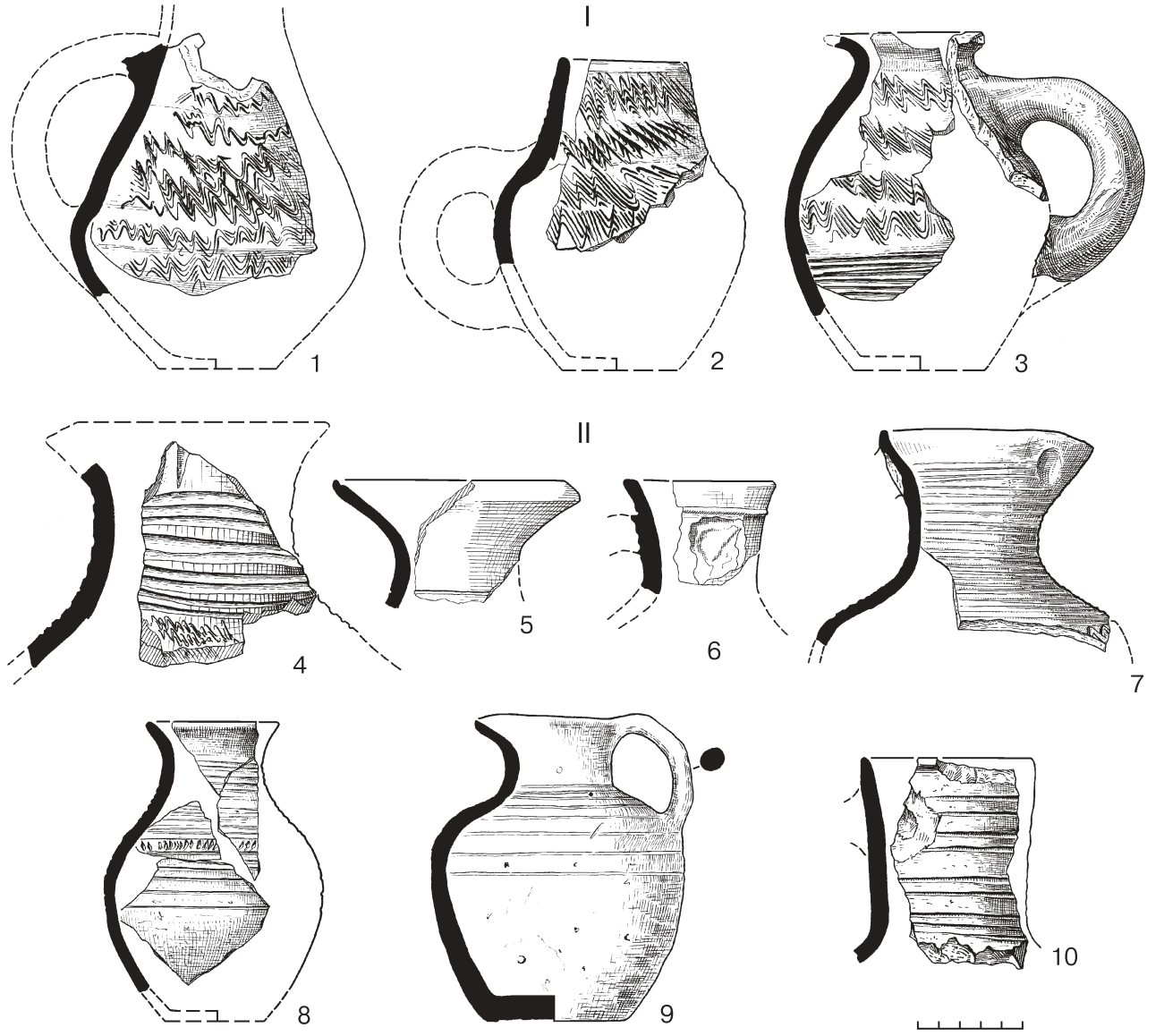


Рис. 20. Новогрудок. Кувшины: 1–3 — тип I; 4–8 — тип II.
9–10 — индивидуальные формы

Кувшины II типа найдены: один (из белой глины) в постройке № 16 второй половины XII в., остальные — в постройках и культурном слое первой половины и середины XIII в.

Кроме кувшинов двух основных типов следует назвать еще два сосуда, стоящих особняком. Это, во-первых, один маленький, целиком сохранившийся кувшин (рис. 20: 9). Он имеет низкое широкое горло с отогнутым наружу краем и четко выраженным сливом, высокие крутые плечики и суживающееся книзу слегка округлое тулово. Маленькая, овальная в сечении ручка прикреплена, в отличие от кувшинов первых двух типов, к краю горла и, поднимаясь несколько выше его уровня, опускается на плечо. Высота кувшина — 14,5 см, диаметр устья — 5,5 см, максимальный диаметр тулова — 12 см, диаметр дна — 6,5 см. Верхняя часть тулова кувшина покрыта слабо врезанными горизонтальными линиями. Тесто содержит незначительную примесь крупнозернистого песка. Обжиг трехслойный (черепок желтый–серый–желтый). Во-вторых, особняком стоит фрагмент горла кувшина иной формы, чем у всех ранее рассмотренных сосудов этой группы (рис. 20: 10). Оно высокое (8,5 см), прямое, слегка расширенное кверху. Диаметр устья — 8,0 см, толщина черепка — 0,8 см. Немного ниже уровня верхнего края устья

виден след прикрепления ручки. Горловина орнаментирована горизонтальными линиями. Глиняная масса содержит примесь дресвы; черепок весь серый.

Целый кувшин найден в постройке № 17 середины XIII в.

ГРУППА 5. СОСУДЫ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ ЗАПАСОВ — КОРЧАГИ (РИС. 21)

Большие сосуды для хранения запасов малочисленны (0,4 % от всей керамики) и представлены настолько фрагментарно, что для восстановления их полного профиля даже графически мало оснований.

Отнесенные к ним фрагменты горловин различной формы ни в одном случае не подходят к фрагментам стенок, выделенным, в первую очередь, на основании их большого диаметра и частично по наличию на них налепного валика.

Дополнительными признаками, отличающими сосуды для хранения запасов от горшков, иногда служат состав теста и толщина стенок, однако, значительная часть сосудов была сделана из обычной глины с примесью крупнозернистого песка или дресвы. Количество отощителя колеблется от 25 до 35 %, размер максимальных зерен 1,5–2 мм (средние показатели по 7 шлифам соответственно — 33 % и 1,8 мм). Обжиг во всех случаях, кроме одного, — трехслойный (черепок красный–серый–красный). Почти все сосуды обточены на гончарном круге в верхней части или, реже, целиком.

Таким образом, об облике сосудов для хранения запасов можно судить лишь приблизительно, учитывая отчасти облик и некоторые детали сосудов аналогичного назначения из других городов Руси.

На основании имеющихся фрагментов горловин представляется возможным выделить два типа сосудов для хранения запасов — с узким и с широким горлом.

Тип I характеризуется невысоким (4–6 см) прямым, слегка наклонным внутрь горлом от 11 до 16 см в диаметре, плавно переходящим в покатые плечики. Некоторые фрагменты горловин орнаментированы волнистыми или горизонтальными линиями (рис. 21: 9–11).

К корчагам I типа условно отнесен один фрагмент высокого вертикального горлам (рис. 21: 8).

К корчагам **II типа** отнесены три фрагмента верхних частей сосудов с отогнутым наружу венчиком большого диаметра (24–34 см) и покатыми плечиками (рис. 21: 1–3). На плечиках всех фрагментов имеются налепные валики, украшенные разного рода косыми наколами.

Перечисленные фрагменты горловин I и II типа найдены в основном в слое XII в. и первой половины XIII в., за исключением одного, обнаруженного в горелом слое XI в.

К фрагментам тулова сосудов для хранения запасов отнесены обломки стенок с налепными валиками диаметром более 30 см (рис. 21: 5–7, 12–14). Валики на этих фрагментах более массивные, чем декоративные налепные валики на других сосудах, что говорит об их не декоративном, а конструктивном значении. На некоторых фрагментах валик нанесен по плечику, на других — по месту наибольшей раздутости тулова, на третьих — по придонной части. Это позволяет предположить, что сосуды для хранения запасов иногда были снабжены тремя валиками.

Одни фрагменты стенок (вернее, плечиков) могут быть увязаны с сосудами I типа, то есть узкогорлыми, другие — с сосудами II типа, то есть широкогорлыми.

Часть фрагментов стенок (5 экземпляров) была найдена в постройках и культурном слое XI в. (главным образом, второй его половины), остальные — в постройках и слое XII–XIII вв. (рис. 26).

Достаточно определенно можно говорить о форме и размерах тулова лишь двух новогрудских сосудов для хранения запасов, реконструированных графически на основании ряда обломков стенок. Один из них, от которого сохранилось 15 фрагментов стенок и фрагмент днища, имеет округлое тулово, конусовидно суживающееся книзу (рис. 34: 12). Максимальный диаметр равен приблизительно 60 см и приходится на 2/3 высоты сосуда, диаметр днища — 26–28 см, высота сосуда без горловины не меньше 64–70 см. Форма горловины неизвестна, но на основании горловин других сосудов может быть условно восстановлена как прямая, слегка наклоненная внутрь.

Сосуд орнаментирован налепным валиком с косой насечкой по наиболее широкой части тулова, волнистыми линиями с двух сторон от него, широкими, слабо врезанными горизонтальными линиями под валиком. Придонная часть не орнаментирована.

Сосуд сделан из обычной глины, но содержит мелкозернистый отощитель — максимальный размер зерен 1 мм, количество — 35 %. Он хорошо обожжен (весь черепок желто-розовый). Толщина стенок

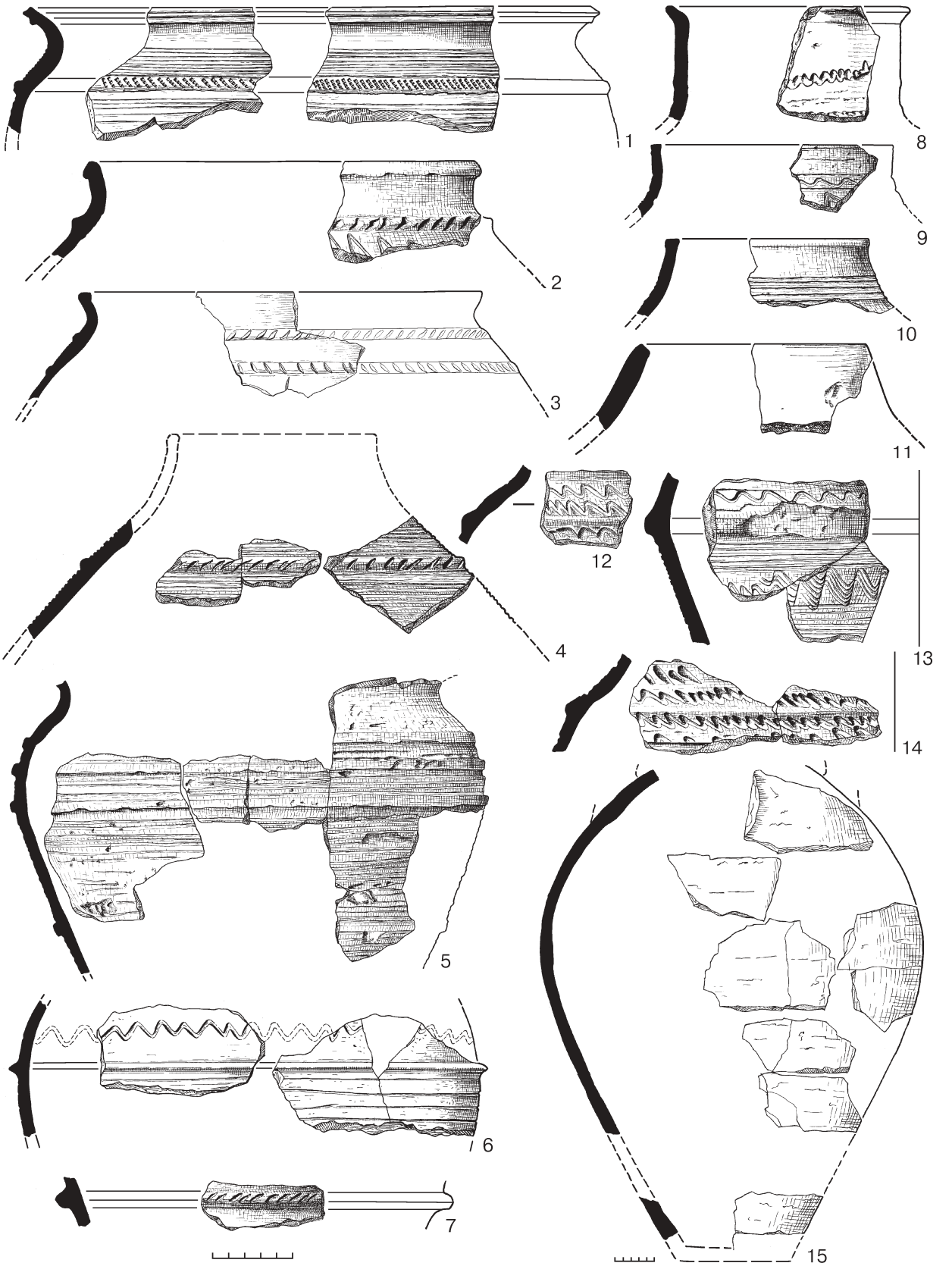


Рис. 21. Новогрудок. Сосуды для хранения запасов: 1–3 — венчики корчаг типа II; 8–11 — горловины корчаг типа II; 4–7, 12–14 — стенки корчаг; 15 — корчаги со следами ручек

незначительная — 0,7–1,0 см, днища — 1–2 см. Сосуд целиком обточен на гончарном круге. На внутренней его поверхности, особенно в нижней части, хорошо видны коричневые пятна и подтеки, свидетельствующие о закалке сосуда в мякине. Сосуд целиком обточен на гончарном круге.

Другой сосуд для хранения запасов, от которого сохранилось 9 обломков стенок, похож на первый по форме и размерам, но отличается от него составом теста, толщиной стенок и отсутствием орнаментации (рис. 21: 15). Максимальный диаметр тулова равен приблизительно 50 см, диаметр не сохранившегося днища (судя по фрагментам придонной части) не превышал 14–15 см, высота до горловины составляла не менее 64–66 см. Сосуд этот имел, вероятно, две ручки, о чем говорит след одной из них на фрагменте плечика. Наличие ручек заставляет предположить довольно высокую горловину, к которой крепился один конец ручек. Сосуд этот сделан из глины с примесью дресвы, но менее крупной, чем первый. Стенки его значительно толще — 1,2–1,6 см. Обжиг трехслойный (черепок красный–серый–красный). Внутренняя поверхность покрыта черным веществом, являющимся, по-видимому, остатками его содержимого или результатом смоления. Если первый сосуд служил для хранения зерна или других сыпучих тел, то второй (с ручками) использовался, видимо, для содержания жидкостей.

Обломки первого сосуда найдены в постройке № 10 второй половины XII в. и за ее пределами, обломки второго — в постройке первой половины XII в. и далеко от нее.

Говоря о сосудах для хранения запасов с налепными валиками, необходимо учитывать, что валиками украшены и обыкновенные горшки (например, типа II) большей частью больших размеров. Поэтому, может быть, не все приведенные выше стенки с валиками принадлежат сосудам, отличающимся от горшков иной горловиной и покатыми плечиками. Но большие горшки с валиками, а иногда и без них, видимо, исполняли функцию сосудов для хранения запасов и поэтому не будет ошибкой причислить их к последним. Это положение особенно справедливо по отношению к раннему периоду — второй половине X — первой половине XI в., в культурном слое которого большие горшки (I и II типов) найдены в большем количестве, чем в более позднее время, а сосуды для хранения запасов особой формы почти не обнаружены.

ГРУППА 6. МЕЛКАЯ СТОЛОВАЯ ПОСУДА (РИС. 22)

К этой группе отнесены небольшие сосуды различной формы, служившие, видимо, для приема пищи или подачи ее на стол. Они составляют 0,5 % всей керамики. Точное наименование разных форм определить трудно, и поэтому оно дано условно.

Четыре сосуда можно назвать **кружками** или **стаканами** (рис. 22: 1–4). Они имеют прямые или чуть выпуклые расширяющиеся кверху стенки и слегка отогнутый наружу край. Диаметр устья равен 9–11 см, диаметр дна — 7–8 см, высота приблизительно соответствует диаметру устья. Один сосуд украшен слабо врезанными горизонтальными линиями, остальные не орнаментированы. На днище двух сосудов есть клейма: одно в виде окружности, другое — в виде окружности с двумя перпендикулярными диаметрами. Три кружки имеют гладкую желто-розовую поверхность и серый излом, четвертая сильно ошлакована.

Две почти одинаковые кружки найдены в постройке № 6 первой половины XII в. (рис. 22: 1–2), третья — в постройке № 5 второй половины XII в., четвертая — в яме с керамикой XI в. (рис. 22: 3).

Один фрагмент придонной части сосуда с основанием ручки можно отнести к кружкам уже более определенно. Она имеет днище диаметром 6 см и слегка расширяющиеся кверху стенки. Сосуд целиком прокален. Фрагмент кружки найден в постройке № 7 второй половины XII в. (рис. 22: 4).

Два маленьких сосуда служили, вероятно, **мисочками** или **чашками**. Одна из них имеет коническую форму (диаметр устья — 12 см, дна — 7 см, высота — 5 см; рис. 22: 6), другая — округлую (диаметр устья — 10,5 см; рис. 22: 7). Обе сделаны из глины с примесью мелкой дресвы, обжиг трехслойный, цвет снаружи желто-розовый, орнамента нет. Коническая чашка найдена в постройке № 16 второй половины XII в., а чашка с округлыми стенками — в слое второй половины XII или первой половины XIII в.

К столовой посуде отнесены также **маленькие горшочки** без следов нагара и копоти, не имевшие, видимо, отношения к кухонной посуде. Они могли служить для подачи на стол таких продуктов как сметана, сливки, масло и другие, а может быть, являлись детской посудой.

Судя по дошедшим до нас фрагментам венчиков, стенок и днищ, относящимся к 10 сосудам, горшочки имеют диаметр венчика около 6–7 см, высоту — около 7–9 см и диаметр дна — 4–6 см. По форме своей они

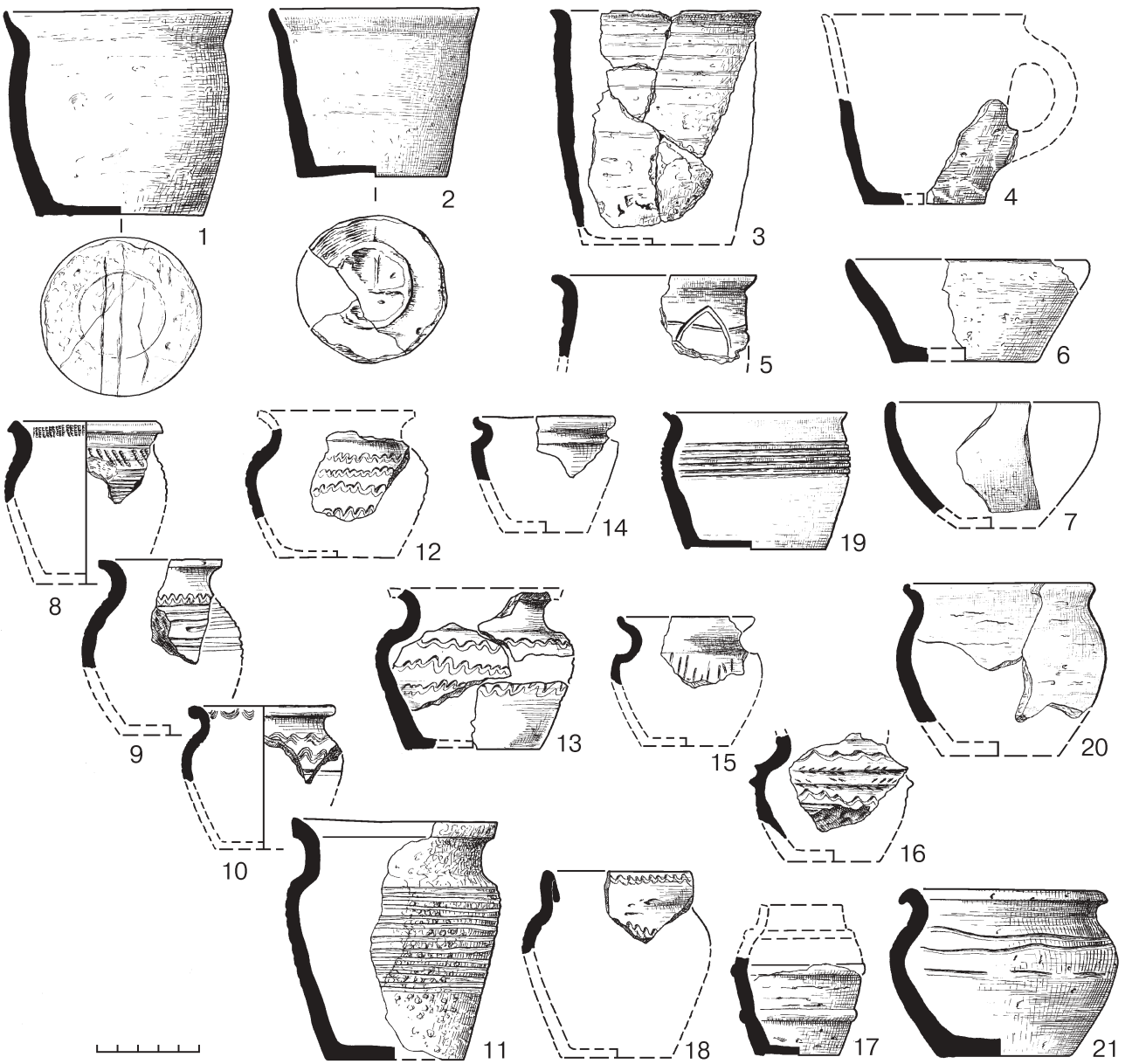


Рис. 22. Новогрудок. Мелкая столовая посуда:
1–5 — кружки; 6–7 — мисочки; 8–21 — маленькие горшочки

воспроизводят некоторые типы больших горшков и орнаментированы теми же приемами. Два горшочка с простым венчиком и покатыми плечиками близки к горшкам I типа (рис. 22: 8–9). Один из них орнаментирован гребенчатыми наколами не только снаружи, но и по внутреннему краю венчика. По стратиграфическим данным эти горшки относятся к концу X — началу XI в. К XI в. относится еще один горшочек, не имеющий аналогий среди больших горшков (рис. 22: 10). Он украшен многорядной волной тоже не только снаружи, но и по внутреннему краю венчика. К этому же времени относятся еще два горшочка, украшенные рядами волнистой линии. Сохранившиеся фрагменты настолько схожи по качеству теста, размерам и орнаментации, что можно предположить изготовление сосудов одним мастером (рис. 22: 12, 13).

Венчики двух других горшочков напоминают по профилю венчики горшков V типа, но отличаются от них сильно подчеркнутым плечиком (в виде ребра; рис. 22: 14, 15). Как по форме, более совершенной, чем ранее рассмотренные сосуды, так и по стратиграфическим данным они относятся к XII в. (один из них найден в постройке № 5 второй половины XII в., другой — вне комплекса).

Фрагменты еще двух маленьких горшочков без венчиков интересны по приему орнаментации их налепными валиками (рис. 22: 16, 17). В одном случае они имеют полукруглое сечение, а в другом — остроугольные с украшением косой насечкой. Первый сосуд найден в постройке № 20 конца X в., второй — в культурном слое XI в.

Один фрагмент маленького горшка выделяется из числа других тем, что повторяет форму горшков с вертикальным горлом (рис. 22: 18). Диаметр устья его равен 7 см. Горшочек украшен волнистой линией по краю горла и по плечику. Сосуд найден в культурном слое с керамикой рубежа XI и XII вв. Весьма вероятно, что вторым сосудом с вертикальным горлом был маленький горшочек без венчика с полукруглыми в сечении налепными валиками (рис. 22: 17).

Как показал микроскопический анализ шести шлифов (двух — от кружек и четырех — от горшочков), мелкая столовая посуда сделана из глиняной массы, близкой по составу к массе других групп посуды. Отощитель в количестве 25–35 % состоит также из частиц кварца полевого шпата плохой окатанности (дресва) с размером максимального зерна в шлифе от 1 до 2,5 мм. На фрагментах многих сосудов хорошо прослеживается ленточная техника и на некоторых — обточка по венчику на гончарном круге. Один сосуд, возможно, был сделан без помощи круга. Почти все сосуды имеют трехслойный обжиг. Наружная поверхность — желто-розовая, красная и красно-коричневая. По составу теста, выделке и цвету поверхности резко отличается от остальных венчик маленького горшка без орнамента с четко выраженным плечом (рис. 22: 14). В отличие от других отощитель этого сосуда состоит только из кварцевых частиц, при этом очень мелких (максимальный размер 0,7 мм) и хорошей окатанности; количество его 30 %. Черепок насквозь прокален и имеет розовый цвет. По качеству теста и обжигу этот сосуд очень близок найденным в Новогрудке привезенным с юга кувшинам и, видимо, имеет тоже не местное происхождение.

ГРУППА 7. СКОВОРОДЫ (РИС. 23: 1–4)

В окольном городе Новогрудка найдены фрагменты шести сковородок, что составляет 0,2 % всей керамики. Две из них сделаны целиком вручную, а четыре подправлены на гончарном круге. Последние имеют наклонные бортики высотой 2,5–3 см. Диаметр по верхнему краю бортиков — 19–22 см, по днищу — 18–20 см. Край бортиков большей частью прямо или косо срезан, в одном случае скруглен и в двух имеет сложный профиль с уступами с наружной стороны. Тесто, из которого сделаны сковородки, содержит примесь крупной дресвы, что видно и невооруженным глазом. Микроскопический анализ показал, что размер зерен отощителя достигает 3 мм, количество — 30 %.

Фрагменты сковородок обнаружены в постройках и культурном слое второй половины X–XI вв.

ГРУППА 8. ЖАРОВНИ (РИС. 23: 5–6)

Фрагменты жаровен, служивших для подсушки зерна, составляют всего 0,1 % керамики окольного города. Найдены фрагменты стенок (бортов) трех жаровен и семь фрагментов стенок и днища четвертой. Толщина расширяющихся книзу стенок колеблется от 1,5 до 3 см. Верхний край их скруглен. Обломки трех жаровен найдены близ печей, с которыми они, видимо, были связаны. Судя по хорошо заглаженному фрагменту днища одной жаровни, она, несомненно, была съемной. Этот же обломок позволяет предположить, что жаровня имела прямоугольную в плане форму. Такая форма, наряду с округлой, свойственна хорошо сохранившимся жаровням древнерусских городов. По аналогии с ними можно допустить, что высота новогрудских жаровен достигала приблизительно 10–12 см.

Тесто, из которого сделаны жаровни, составляет, как уже отмечалось, совершенно особую группу. Оно включает в себя очень небольшое количество отощителя — 10–15 % (за исключением одной — 30 %), состоящего из очень мелких частиц: максимальный размер их — 0,2–0,5 мм. Кроме того, в глиняную массу входили солома (или мякина), отпечатки которой после ее сгорания хорошо заметны на всех фрагментах. Бортики жаровен снаружи желтые или розовые, а внутри, за исключением одной, — почти черные.

Фрагменты всех жаровен, как и сковородок, были найдены только в нижнем культурном слое X–XI вв.

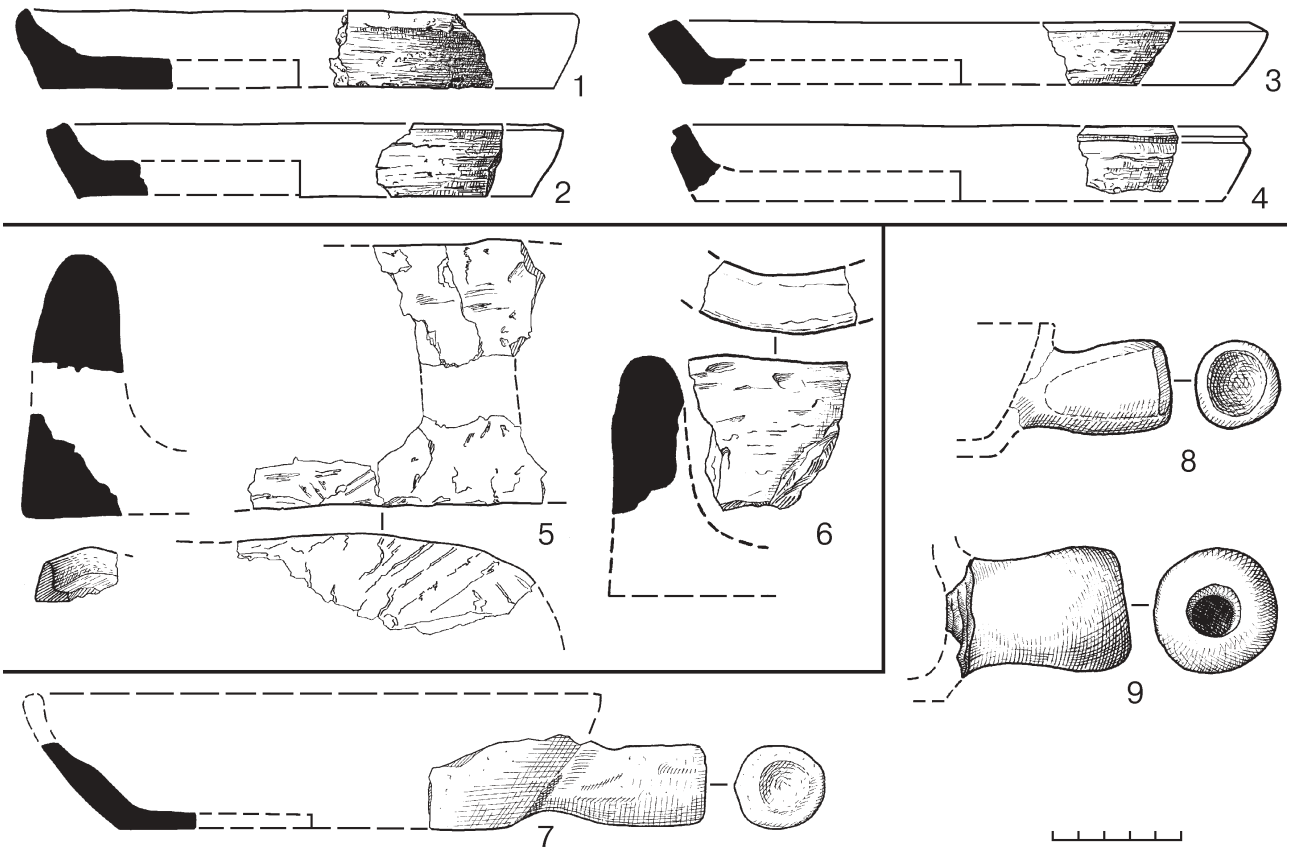


Рис. 23. Новогрудок:
1–4 — сковороды; 5–6 — жаровни; 7–9 — латки

ГРУППА 9. ЛАТКИ-СКОВОРОДКИ (РИС. 23: 7–9)

В Новогрудке найдены три ручки от сосудов, которые можно представить лишь по аналогии с сосудами с такими же полыми ручками, известными во многих древнерусских городах. Исследователи называют их по-разному; в зависимости от пропорций сосудов: сковородками или латками, если борт невысокий — 6–7 см, а диаметр устья большой 24–26 см,[1] мисками или кастрюльками, если сосуды высокие — 8–10 см, а диаметр устья небольшой — 14–16 см.[2] Полая ручка служила втулкой для деревянной рукоятки, с помощью которой сосуд помещали в печь.

Новогрудские полые ручки имеют следующие размеры: длина — 6–7 см, наружный диаметр — 4,5–5 см, диаметр отверстия в ручке — 1,5–2 см, глубина отверстия — 3,5–4 см. Они сделаны из глины, с крупнозернистым отощителем (максимальный размер зерна — 3,5 мм), за исключением одной ручки с мелкозернистым отощителем (максимальный размер зерна — 1 мм). Количество отощителя в обоих случаях — 30 %. Все ручки с поверхности коричневые, в изломе серые. Две из них найдены в культурном слое начала XIII в., третья — середины XIII в.

СОСУДЫ НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ ФОРМЫ (РИС. 24)

В окольном городе найдены фрагменты сосудов, формы и назначение которых не удается окончательно выяснить. Можно лишь определенно сказать, что они не принадлежат к какой-либо из рассмотренных выше групп посуды.

Среди таких фрагментов выделяется группа обломков, принадлежащая сосудам без венчиков, имеющим вертикальные или слегка наклоненные внутрь верхние части стенок (рис. 24: 1, 3–6). Край их

[1] Воронин Н. Н. Пища и утварь. История культуры древней Руси. Т. 1. М.; Л., 1948. С. 274, рис. 175.
[2] Розенфельдт Р. П. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. С. 15, табл. II, 15–16.

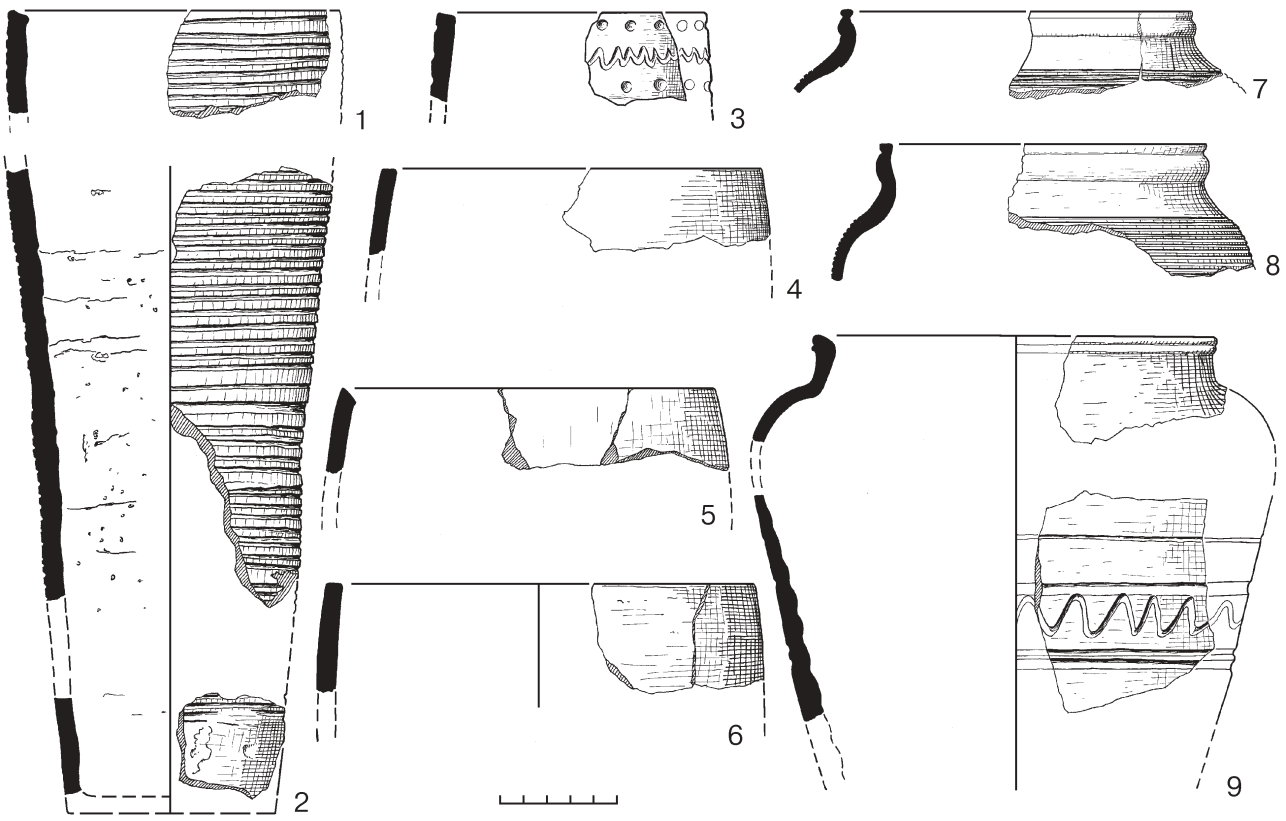


Рис. 24. Новогрудок. Сосуды неопределенной формы

горизонтально срезан или скошен внутрь. Диаметр устья — 14–18 см. Орнамент, как правило, отсутствует; лишь один фрагмент украшен от самого края слабо врезанными горизонтальными линиями, и второй — волнистой линией, заключенной между двумя рядами округлых наколов. Все сосуды сделаны из глины с примесью дресвы, один из них, кроме того, включает мелкий шамот, а другой — слюду. Цвет черепков снаружи желтый или красный, в изломе — серый или черный, кроме одного, насквозь прокаленного. Толщина стенок — 0,7–0,9 см.

Для реконструкции формы сосудов, которым принадлежат названные фрагменты, нет оснований. Можно только предположить, что они относятся и сосудам цилиндрической или боченковидной формы, не характерной для восточнославянской керамики, и в этом случае могли принадлежать предшествующим обитателям Понеманья. Все рассмотренные фрагменты обнаружены только в нижнем культурном слое X–XI вв.

Фрагменты других сосудов, форма и назначение которых неясны, единичны (рис. 24: 7–9).

КРЫШКИ (РИС. 25)

Глиняные крышки сохранились так же фрагментарно, как и другие изделия. Только три обломка дают полный профиль трех крышек. Крышки окольного города можно подразделить на три типа, исходя из формы основной их части (без учета головок, которые почти не сохранились).

Тип I — сфероконические крышки с карнизиком, приспособленным для покрытия горшков с отогнутым наружу венчиком (рис. 25: 1–3). Диаметр основания колеблется от 9 до 16 см, высота (без головки) — 3,5–6 см. Головки двух почти полностью сохранившихся крышек имеют расширяющуюся кверху форму с валиком в середине (рис. 25: 10).

Тип II — сфероконические крышки с карнизиком, приспособленным для горшков с вертикальным горлом. Диаметр их основания колеблется от 8 до 17 см, высота (без головки) — 3–5 см. Головки, судя по одному экземпляру, имели такую же форму, как головки крышек I типа. У многих крышек карнизик отбит и не всегда можно определить, к какому типу они относятся (рис. 25: 5–10).

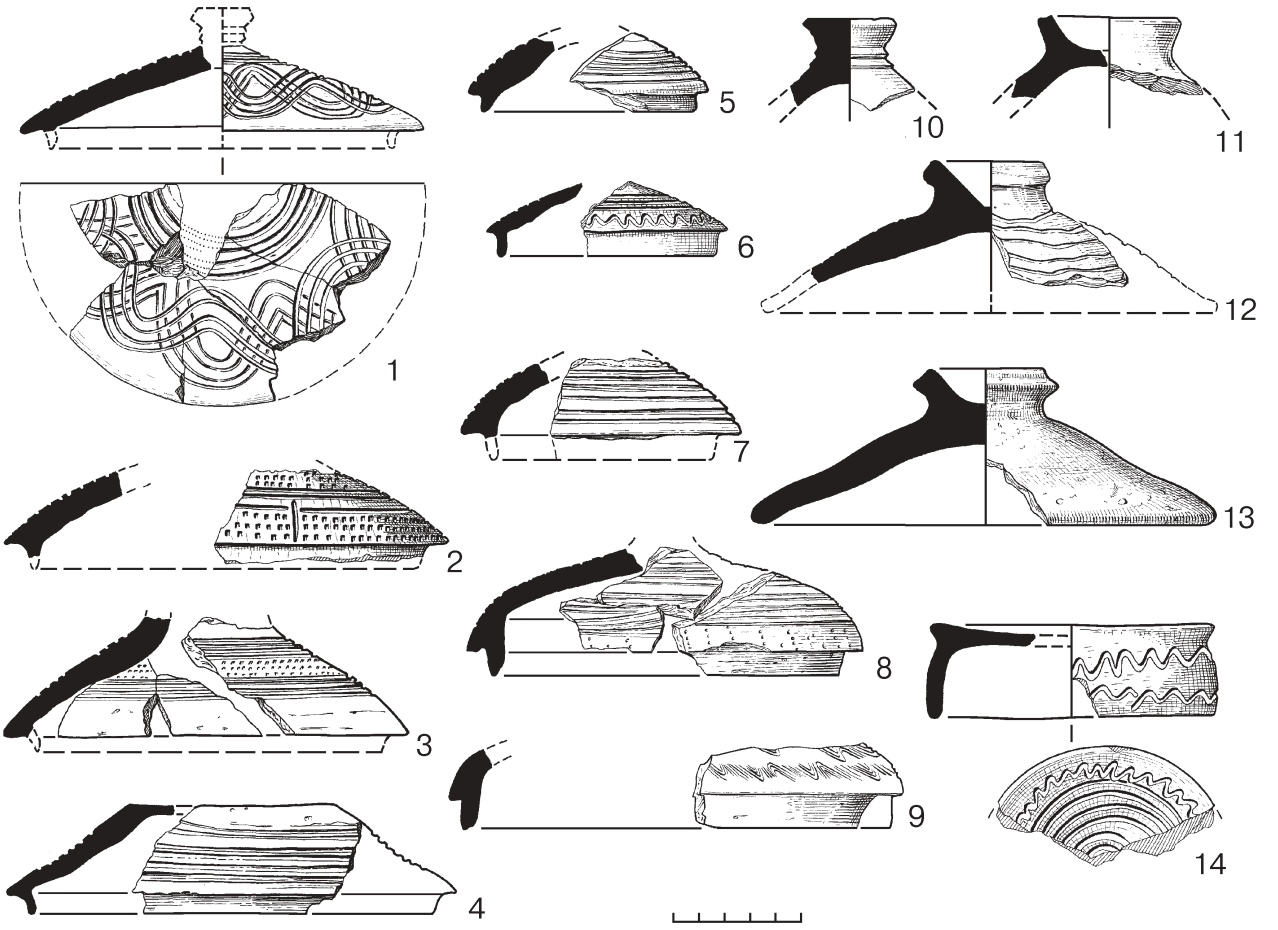


Рис. 25. Новогрудок. Крышки:
1–4 — тип I; 5–10 — тип II; 11–13 — тип III

Все крышки I и II типов орнаментированы различными приемами: горизонтальными и волнистыми линиями, их сочетанием с гребенчатыми наколами, зубчатым колесиком и другими. По богатству орнаментации выделяется одна крышка конической формы, которую условно можно отнести к крышкам I типа. Она украшена плетенкой, состоящей из четырех разных пересекающихся волнистых линий и горизонтальными линиями в верхней части.

Все крышки сделаны из такого же теста, как и горшки. Отощитель — дресва с размером максимальных зерен от 1,5 до 2 мм составляет от 25 до 35 % образца. Обжиг трехслойный. Наружная поверхность обычно красная, красно-коричневая, розовато-желтая.

Крышки I и II типов обнаружены в постройках и культурном слое XI и XII в.

Тип III — конические или сфероконические крышки без карнизика. Диаметр основания — 17–20 см, высота головки — 5 см. Эти крышки характеризуются более грубым тестом и выделкой (нет следов обточки на круге), более толстыми стенками (0,6–1 см) и серо-желтым цветом поверхности, то есть признаками, сближающими их с горшками IX типа и мисками IV типа, для покрытия которых они, вероятно, и производились и с которыми обнаружены в культурном слое XIII в. (рис. 25: 11–13).

Тип IV — крышки с плоским верхом вместо головки — плоскоцилиндрические. Одна такая крышка цилиндрической формы орнаментирована по плоской верхней поверхности волнистой и концентрическими линиями (рис. 25: 14).

Небольшой процент крышек в Новогрудке и отсутствие крышек большого диаметра (20–30 см) для горшков соответствующего размера свидетельствуют о том, что помимо глиняных крышек использовались деревянные (может быть, не крышки, а просто диски).

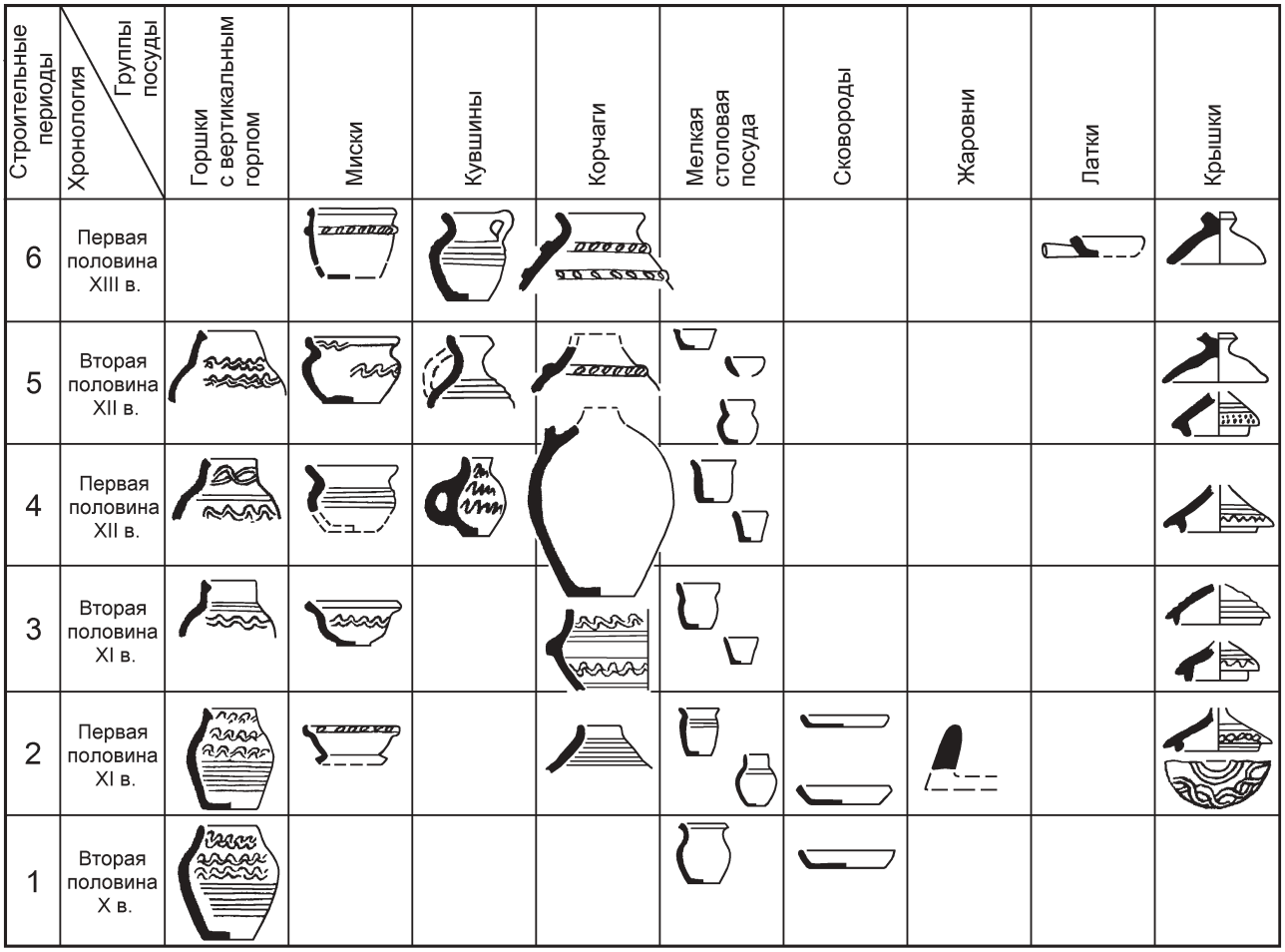


Рис. 26. Новогрудок. Распределение различных групп посуды по строительным периодам

Завершая типологическую классификацию глиняной посуды Новогрудка подытожим время бытования рассмотренных выше групп керамики в двух первых стратиграфически выделенных горизонтах.

К нижнему культурному слою второй половины X–XI в. относятся кухонные горшки I–IV типов (преобладают типы I и II), горшки с вертикальным горлом, сковороды, жаровни, маленькие горшочки и единичные экземпляры мисок, корчаг и крышек, которые в XI в., видимо, только начали производить (рис. 26).

Ко второму горизонту — XII — середине XIII в. (периоду расцвета города), относятся кухонные горшки V–VIII типов (хотя в начале XII в. еще продолжают бытовать горшки II–IV типов, но заметно преобладают горшки V типа), горшки с вертикальным горлом, почти все миски и кувшины, большая часть корчаг, столовой посуды и крышек. Надо отметить, что в конце этого периода (в первой половине — середине XIII в.) в ассортименте посуды и ее типах произошли некоторые изменения: совсем не обнаружены горшки с вертикальным горлом и мелкая столовая посуда, среди кухонных горшков ведущим стал тип IX, появились новые типы мисок (тип IV) и крышек (тип III), а также новая группа посуды — латки.

4. КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НОВОГРУДКА X–XIII вв.

Рассмотрев различные группы и типы глиняной посуды Новогрудка и отметив относительно широкие хронологические рамки бытования каждой из них, остановимся на анализе состава отдельных керамических комплексов соответственно тем основным шести строительным периодам, о которых говорилось выше. При этом для выяснения или уточнения ряда важных вопросов можно пользоваться лишь

по-настоящему закрытыми комплексами, которых в Новогрудке немного. Поэтому остановимся лишь на некоторых закрытых или почти закрытых комплексах, к которым относим заполнение ям, вырытых в материке, а также материалы построек, перекрытых их развалом, и, особенно, построек, расположенных друг над другом и имеющих, благодаря этому, хорошую относительную хронологию.

Перейдем к анализу посуды в десяти закрытых керамических комплексах второй половины X–XIII в., начиная с наиболее ранних. Их описание сопровождается статистическими таблицами[1] и рисунками.[2]

1-Й СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД — ВТОРАЯ ПОЛОВИНА X В.

К числу наиболее ранних закрытых керамических комплексов относятся остатки глиняной посуды **постройки № 38**, основанной непосредственно на материке в культурном слое конца X–XI в. в юго-восточной части окольного города (рис. 1; кв. Г–Д-VI–VII). От нее сохранился нижний венец обгоревшего сруба площадью около 16 м^2, печь-каменка в северо-восточном углу и небольшая яма с дощатым покрытием рядом с печкой.[3] На материковом полу, испещренном мелкими ямками и покрытом сгоревшей соломой, лежал мощный завал верхних частей постройки — обгорелые бревна, глина и песок. Под этим завалом на полу и в развале печки было обнаружено 11 фрагментов венчиков и 17 фрагментов стенок горшков (все очень мелкие), которые составляют хотя и небольшой, но, несомненно, закрытый комплекс (рис. 27, табл. 6). Важно подчеркнуть, что все венчики относятся к горшкам только I типа (из них 8 фрагментов — вид Iа, два фрагмента — вид Iб, один фрагмент — вид Iг). Характерна также орнаментация сосудов, которая состоит в основном из параллельных линий, проведенных начиная с шейки, и волнистых по плечикам. При этом линии, нанесенные палочкой, в два раза превышают линии, нанесенные гребенкой (соответственно 54 % и 25 %).

Все горшки сделаны из глины с примесью значительного количества (до 25–30 % образца) крупнозернистой и среднезернистой дресвы (размер зерен до 2–3 мм). Глиняная масса плохо перемешана. Обжиг почти во всех случаях трехслойный. Судя по наиболее крупным фрагментам, лишь верхняя часть сосудов (или только венчик) подправлена на гончарном круге.

Кроме керамики на полу постройки № 38 найдено 11 глиняных пряслиц (зонных и биконических лощеных), среди которых украшенные волнистой линией, насечками и наколами имеют очень архаический вид. Такие пряслица встречаются в IX–X вв.[4] По совокупности находок (раннекружальных горшков и архаических пряслиц), а также на основании полного отсутствия более развитого II типа горшков, постройку № 38 можно широко датировать второй половиной X в. Однако представляется возможным несколько уточнить эту датировку, если принять во внимание, что в последнем десятилетии X в., правда, на более южных территориях — в Белгороде близ Киева в культурном слое под валом 991 г.,[5] в Переяславле-Русском, под валом 992 г.[6] и на городище Заречье (близ Киева) под валом 938 г.,[7] сложнопрофилированные горшки II типа (с карнизиком) уже существовали. Тогда, видимо, правильнее будет постройку № 38, где этих горшков нет, отнести к третьей четверти X в. или ее концу.

Еще одним закрытым комплексом рассматриваемого строительного периода является материал **ямы № 59**, вырытой в материке к северу от постройки № 38 (рис. 1; кв. Д-V–VI). Яма имеет округлую форму (4,5 × 3 м) и углублена в материк на 0,4 м. Ее заполнение, как и многих других ям, состояло из чередующихся слоев углистой земли, золы и угля.

К глиняной посуде, обнаруженной в заполнении ямы, относятся обломки трех горшков, из которых один удалось восстановить полностью (рис. 28: 1) и два графически (рис. 28: 3, 4), а также 15 венчиков

[1] На таблицах 6–15 указано количество найденных фрагментов разных форм посуды (и разных типов кухонных горшков); показаны также все виды орнамента и приемы его нанесения (гребенкой и палочкой).

[2] На рисунках керамика комплексов дана не полностью, а лишь в наиболее крупных и орнаментированных ее фрагментах.

[3] Гуревич. Ф. Д. Древний Новогрудо … С. 20, рис. 10.

[4] Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 194.

[5] Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв. / МИА. № 52. 1956. С. 82.

[6] Там же. С. 87.

[7] Там же. С. 90.

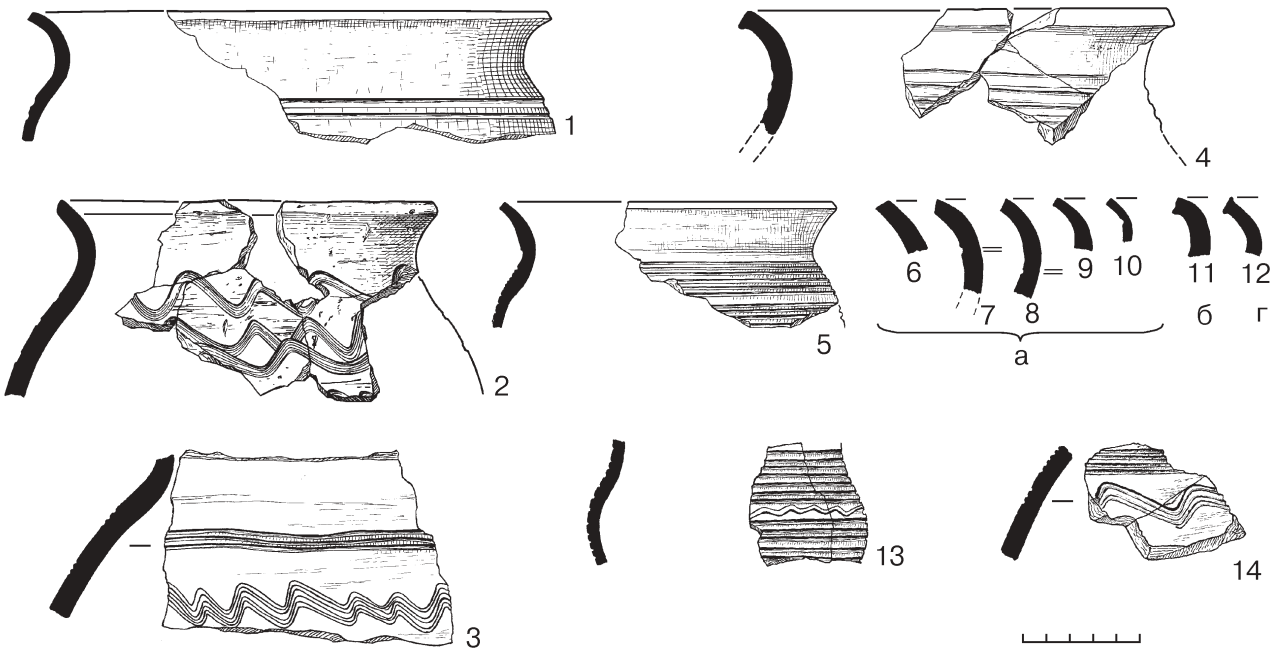


Рис. 27. Новогрудок. Керамика постройки № 38 третьей четверти X в.
Венчики горшков: 1, 2, 5–10 — тип Iа; 4, 11 — тип Iб; 12 — тип Iг

от других горшков, 1 фрагмент венчика сосуда, неопределенной формы, 29 обломков стенок и 9 фрагментов днищ (табл. 7). Все венчики, за исключением двух, относятся к горшкам I типа (рис. 28: 1–5) и два венчика — к горшкам II типа (рис. 28: 6). Фрагментарность венчиков не дает достаточного представления об орнаментации сосудов, но, судя по восстановленным горшкам, обломкам стенок и придонных частей, здесь, как и в посуде постройки № 38, среди декоративных мотивов резко преобладают горизонтальные линии. Большая часть их нанесена палочкой — 75 % и лишь 17,5 % — гребенкой. Волнистые линии встречаются лишь в сочетании с горизонтальными. Других мотивов нет. Орнаментация покрывает большей частью все тулово сосуда, не доходя до днища на 3–5 см. Неорнаментированной посуды мало — 7,5 %. Все днища плоские за исключением одного слегка вогнутого (рис. 28: 9). На семи днищах видна подсыпка крупного или мелкого песка, на двух — золы.

Качество теста и техника изготовления посуды из ямы № 59 совпадают с таковыми из постройки № 38. Можно лишь отметить наличие в яме № 59 трех обломков стенок очень грубых лепных сосудов. Тесто их содержит большое количество крупной дресвы, поверхность шероховатая с вмятинами.

Кроме горшков в яме № 59 найден один фрагмент сосуда, видимо, цилиндрической формы со слегка наклоненной внутрь верхней частью. Диаметр устья равен 17 см (рис. 28: 8).

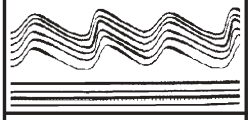
Возможно, что несколько фрагментов стенок большого диаметра принадлежали одному сосуду для хранения запасов (рис. 21: 15). Внутренняя поверхность их черная. Помимо фрагментов керамики в яме № 59 найдены две костяные проколки и обломок бронзовой трапециевидной подвески. Такие подвески датируются VII–X вв. Таким образом, яму № 59 следует связывать с постройкой № 38 и датировать третьей четвертью X в.

К первому периоду относится и **постройка № 20**, расположенная в северо-восточной части раскопа непосредственно на материке (рис. 1; кв. О–С-XVI–XIX). Ее керамический комплекс нельзя считать полностью закрытым, так как от постройки сохранились лишь обгорелый пол без четких контуров, под печи и отдельные упавшие обгоревшие бревна от перекрытия.[1] Поэтому учтены, в основном, лишь фрагменты с пола постройки (рис. 29, табл. 8). В составе керамического комплекса постройки № 20, помимо горшков I и II типов, которые здесь обнаружены почти в равном количестве, но с незначительным

[1] Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок … С. 18–21, рис. 9.

Таблица 6

Керамический комплекс постройки № 38. Третья четверть X в.

Группы и типы сосудов / Виды орнамента	Венчики горшков: Тип I	Стенки сосудов	Всего	Группы орнамента
	4	6	10	
	1		1	52%
		1	1	
	1	3	4	
		1	1	26%
		1	1	
Без орнамента		5	5	22%
Орнамент не определим	5		5	
Всего	11	17	28	100%

преобладанием горшков II типа (соответственно 14 и 15 фрагментов, то есть 44 и 47 %), найдены обломки горшков III и IV типов (рис. 29: 11, 12), несколько фрагментов горшка с вертикальным горлом, профиль которого удалось восстановить (рис. 29: 14), венчик сосуда неопределенной формы (возможно, для хранения запасов (рис. 29: 10), 63 обломка стенок и 17 днищ, из которых лишь одно с клеймом (рис. 29: 7).

Керамика постройки № 20 отличается от ранее рассмотренной иным характером и соотношением орнаментальных мотивов. Если раньше преобладал орнамент, нанесенный палочкой, а не гребенкой, то здесь тот и другой приемы использованы почти в одинаковом количестве (39 и 35 фрагментов). Кроме того, важно подчеркнуть, что появились новые орнаментальные элементы — гребенчатые наколы, валики с гребенчатыми наколами по ним, косые ногтевые вдавления.

Инвентарь постройки № 20 — пятичастная пронизка и лимоновидные бусины, обломок одностороннего рогового гребня, железная прямоугольная пряжка с вогнутыми сторонами, железная оковка колчана и некоторые другие, позволяют датировать постройку второй половиной X — первой половиной XI в. Однако наличие в керамическом комплексе большого количества горшков I типа, обточенных, как и горшки II типа в основном только в верхней части, заставляет отнести постройку № 20 ко времени не позднее конца X в. или рубежа X и XI в.

Весь приведенный выше материал свидетельствует о том, что во второй половине X в. основную массу керамики Новогрудка составляли горшки I типа, а с последней четверти его — и горшки II типа. Кроме них были известны сосуды с вертикальным горлом, миски, столовая посуда, сковородки и сосуды, имеющие прямую наклоненную внутрь верхнюю часть, но полностью не выявленную форму.

2-ОЙ СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XI В.

К этому периоду относится керамический комплекс **постройки № 14**, расположенной в северной части раскопа (рис. 1; кв. Ч–Щ-12–14). От постройки сохранился лишь пол в виде интенсивного угольного слоя без четких границ (площадью около 25 м^2) и печь-каменка.[1] Собранная с пола керамика составляет, может быть, неполный, но достаточно закрытый комплекс, в который входят не только черепки посуды, как во многих других сооружениях, но и найденные in situ (близ печи) раздавленные горшки (рис. 30, табл. 9). Постройка лежит на черном гумусе толщиной около 20 см и отделена слоем мощностью до 30 см от выше лежащей постройки № 13, довольно надежно датирующейся концом XI в.

Вещи, происходящие с пола постройки № 14 — две лимоновидные бусины (двойная и тройная), калачевидное кресало, подковообразная железная фибула со спирально-загнутыми концами, три костяных

[1] Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок … С. 22–23.

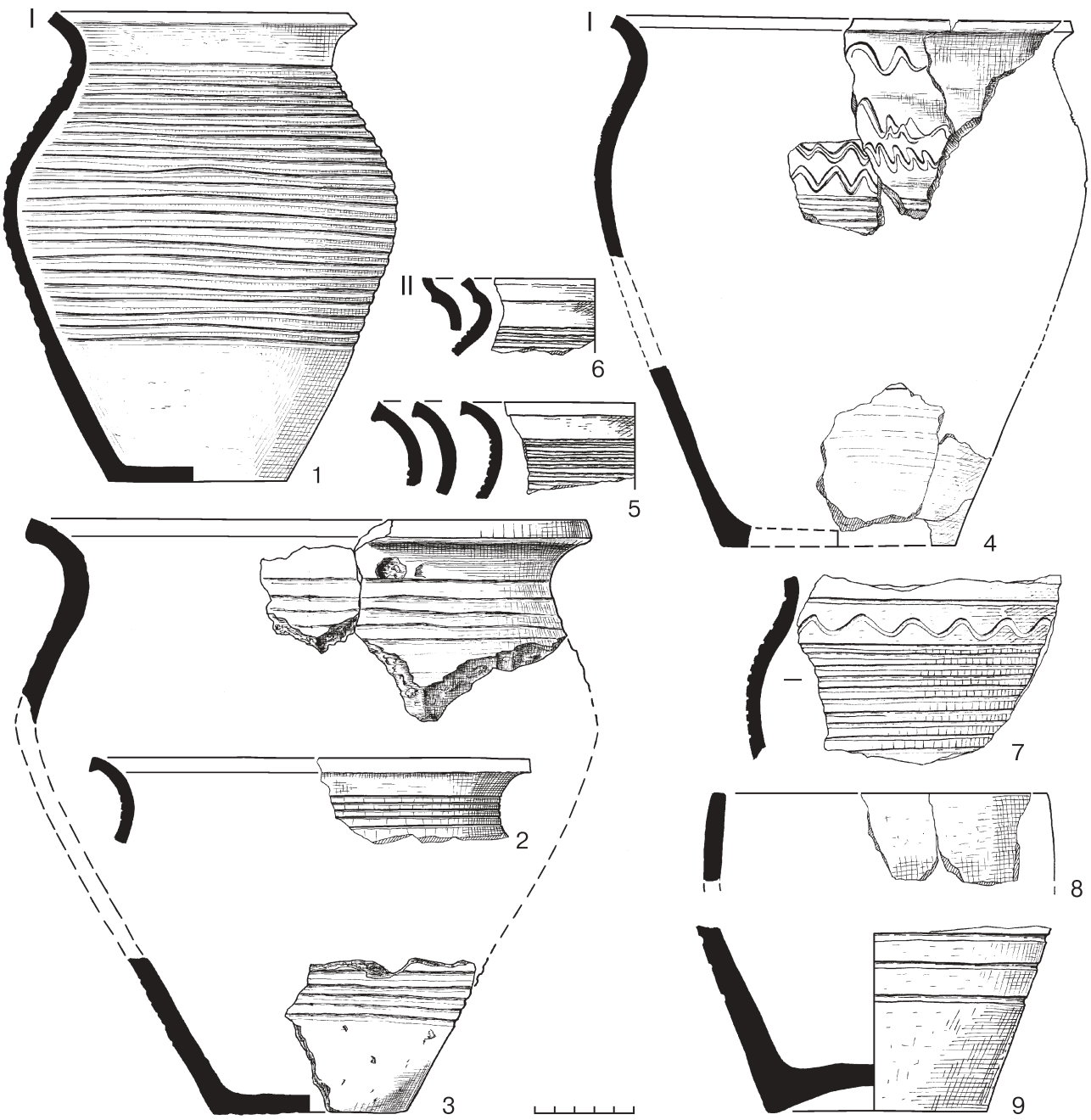


Рис. 28. Новогрудок. Керамика ямы № 59 третьей четверти X в.
Горшки: 1–5 — тип I; 6 — тип II. 8 — индивидуальная форма

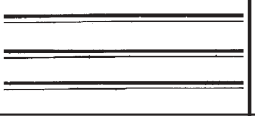
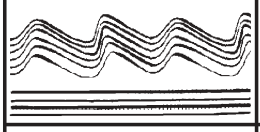
проколки, фрагмент коричневого стеклянного перстня с желтой инкрустацией и два обломка тигелька — позволяют, как и ее стратиграфическое положение, отнести постройку № 14 к первой половине XI в.[1]

Соотношение горшков различных типов в постройке № 14 заметно отличается от соотношения их в ранее рассмотренных сооружениях. Горшки II типа в два раза превышают горшки I типа, в то время как в конце X в. они распределялись почти равномерно. При этом среди венчиков горшков I типа есть переходные к типу II (рис. 30: 2–3). Венчики горшков IV типа имеют здесь еще едва заметное утолщение с внутренней стороны (рис. 30: 7). Среди горшков индивидуальных форм три фрагмента из четырех

[1] Подробнее о датировке построек № 13 и 14 см.: Малевская М. В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка … С. 87–90.

Таблица 7

Керамический комплекс ямы № 59.
Третья четверть X в.

Группы и типы сосудов / Виды орнамента	Горшки с отогнутым венчиком		Неопределенная форма	Стенки сосудов	Всего	Группы орнамента
	Типы					
	I	II				
	6	2		19	27	75%
	2			1	3	
				6	6	18%
	1			1	1	
Без орнамента			1	2	3	7%
Орнамент не определим	7	1			8	
Всего	15	3	1	29	48	100%

принадлежат нехарактерным для Новогрудка сосудам с резко отогнутым наружу венчиком со скругленным краем, четко выделенной вертикальной шейкой и округлыми плечиками, покрытыми, как и тулово, рифлением (рис. 30: 11). Кроме фрагментов горшков в постройке № 14 найдено днище миски с выступом за край стенки (рис. 30: 14) и нижняя часть миниатюрного сосудика с горизонтальными налепными валиками (рис. 30: 8), принадлежащего к группе мелкой столовой посуды. Все днища — 8 экземпляров — плоские, одно имеет клеймо (рис. 30: 12).

Орнаментация сосудов гребенчатым инструментом почти в два раза превышает орнамент, нанесенный палочкой. Помимо многорядной волны, гребенкой нанесены косые наколы по плечикам (рис. 30: 6) и по налепному валику (рис. 30: 13).

В других постройках первой половины XI в. и в культурном слое этого времени, как и в постройке 14, в процентном соотношении горшков различных типов первое место занимают горшки II типа, второе — горшки I типа, значительно меньше горшков III и IV типов, появляются горшки V типа (рис. 17).

В культурном слое первой половины XI в., кроме перечисленных групп посуды, обнаружены и другие: миски, сосуды для хранения запасов, сковородки, обломки одной жаровни, мелкая столовая посуда и крышки (рис. 26).

3-Й СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД — ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XI В.

Наиболее закрытым комплексом этого горизонта является **яма № 6** овальной формы (2,2 × 1,6 м), глубиной 30 см (рис. 1; кв. Б–В-6). В заполнении ямы, состоящем из черного гумуса, найдены два крестика с желтой выемчатой эмалью, бусина из лазурита, зеленая кольцевая бусина, костяное изделие, железный скребок, которые не имеют узкой датировки. Поэтому материалы ямы можно датировать, во-первых, по количественному соотношению различных типов посуды и сравнению его с соотношением в других, хорошо датированных комплексах, а, во-вторых, на том основании, что некоторые фрагменты керамики из ямы № 6 склеились с фрагментами посуды из культурного слоя, лежащего на материке близ края ямы и, судя по отсутствию стеклянных браслетов, относящегося ко второй половине XI — началу XII в.

В яме № 6 найдено 68 обломков венчиков, 108 обломков стенок и 14 днищ. Соотношение различных типов горшков и видов орнамента показано на табл. 10, а формы посуды — на рис. 31. Отличительной особенностью этого керамического комплекса, по сравнению с более ранними, является преобладание не II, а IV типа горшков, составляющих 38 % всех венчиков, а также незначительное увеличение процента горшков V типа. Интересно отметить, что из фрагментов горшков IV типа удалось восстановить полностью или почти полностью четыре сосуда. Все они, как и фрагменты других горшков этого типа, очень схожи между собой по профилю венчиков и обработке поверхности рифлением, так что производят

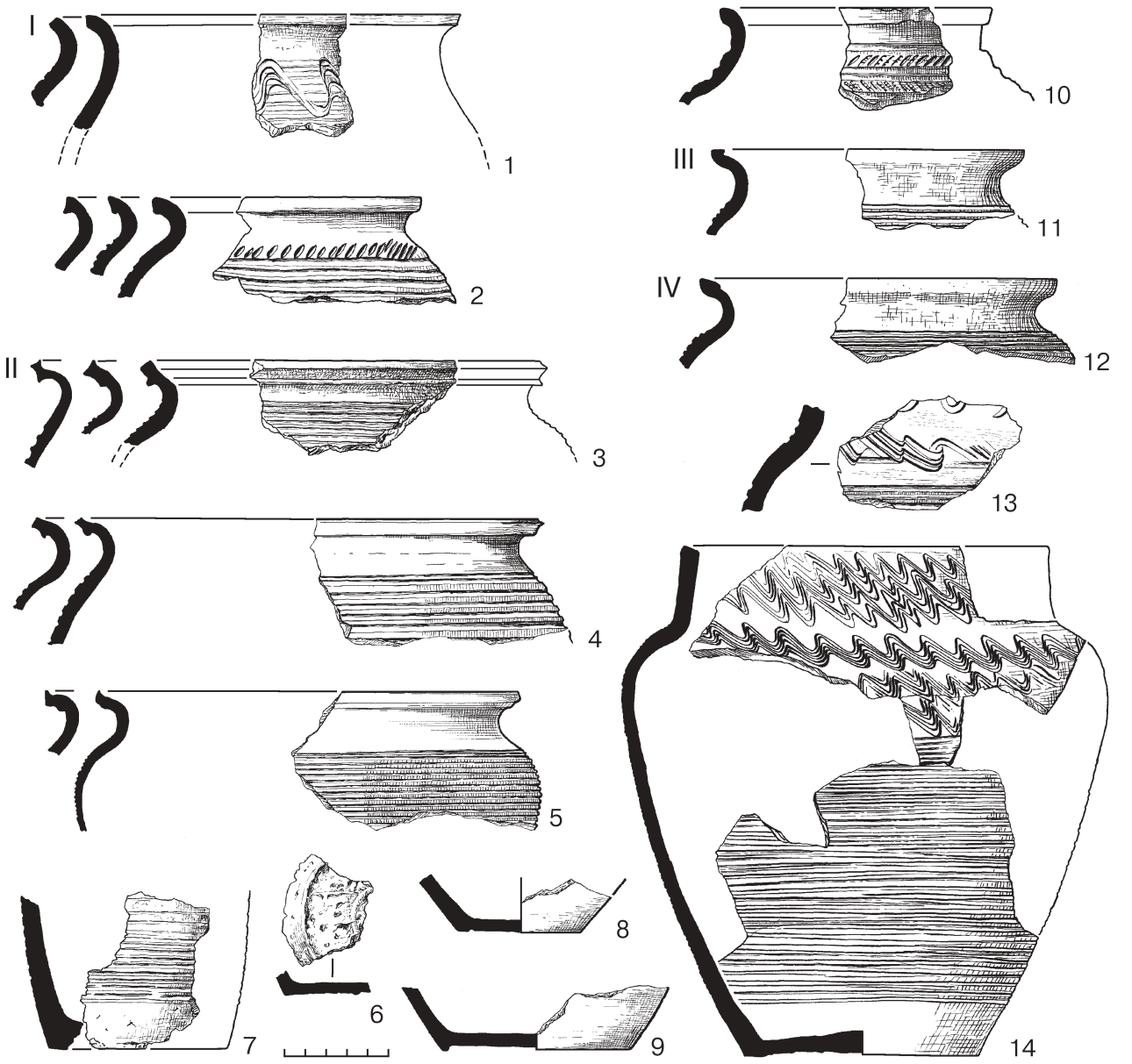
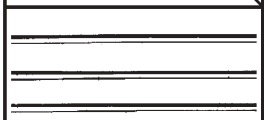
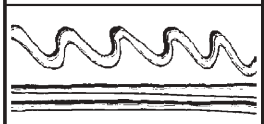
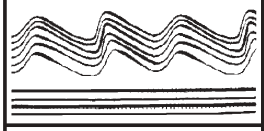
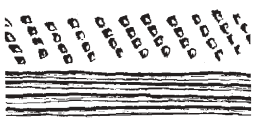


Рис. 29. Новогрудок. Керамика постройки № 20 конца X в.
Венчики горшков: 1–2 — тип I; 3–5 — тип II; 11 — тип III; 12 — тип IV.
10 — венчик корчаги (?); 14 — горшок с вертикальным горлом

впечатление изготовленных одним мастером. Лишь один горшок отличается более приземистыми пропорциями, иной орнаментацией и вогнутым днищем (рис. 31: 9). Два из трех фрагментов горшков III типа относятся к сосудам с резко отогнутым венчиком и хорошо выделенной шейкой, покрытой, как и тулово, рифлением (рис. 31: 4). В нижележащих напластованиях подобные сосуды не встречались. Горшки V типа имеют еще слабо загнутый внутрь край венчика (рис. 31: 6). Среди орнаментальных мотивов волнистые и горизонтальные линии, нанесенные гребенкой, в меньшей степени, чем раньше, превосходят линии, нанесенные палочкой (соответственно 39,3 и 26,2 %). Новым мотивом в орнаментации посуды являются ряды наколов (треугольных и прямоугольных) по всему тулову сосуда (рис. 31: 9). Из 14 днищ два — вогнутые, остальные — плоские, с подсыпкой песка или золы; три из них имеют слабо выступающий бортик от затека глины со стенок, одно — с клеймом (рис. 31: 7).

Таблица 8

Керамический комплекс постройки № 20. Конец X в.

Группы и типы сосудов / Виды орнамента	Горшки с отогнутым венчиком				Горшки с вертикальным горлом	Неопределенная форма	Стенки сосудов	Всего	Группы орнамента
	Типы								
	I	II	III	IV					
							25	35	47,5%
	2	7		1			1	1	
	1						2	3	
							1	1	40%
		3	1				23	27	
	1				1		3	5	
						1		1	2,5%
	1							1	
							2	2	2,5%
Без орнамента							6	6	7,5%
Орнамент не определим	9	5	2	2				18	
Всего	14	15	3	3	1	1	63	100	100%

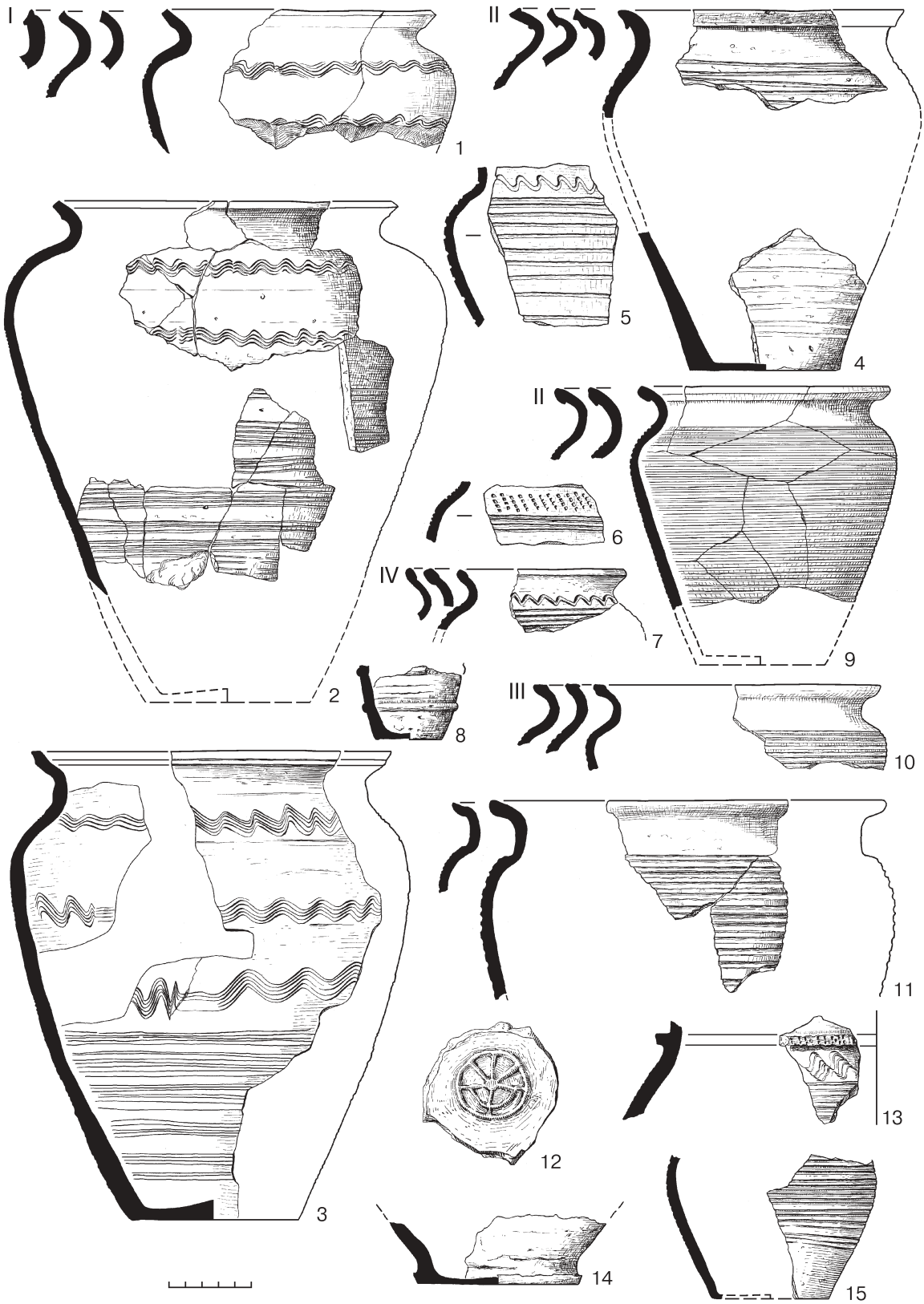
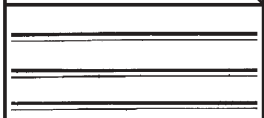
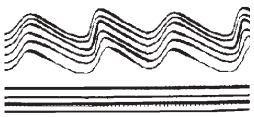
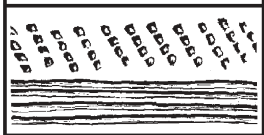
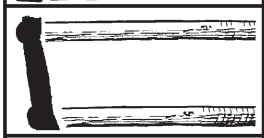


Рис. 30. Керамика постройки № 14 первой половины XI в.
Горшки: 1 — тип I; 2–3 — тип, переходный от I ко II; 4, 9 — тип II; 10 — тип III; 7 — тип IV.
8 — маленький горшочек; 11 — индивидуальные формы

Таблица 9

Керамический комплекс постройки № 14. Первая половина XI в.

Группы и типы сосудов / Виды орнамента	Горшки с отогнутым венчиком					Миски	Столовая посуда	Стенки сосудов	Всего	Группы орнамента
	Типы									
	I	II	III	IV	Вне типа					
	2	4	3	3	1			2	15	
		1						2	3	29%
				1				1	2	
		9			1			17	27	
	2							3	5	56,8%
	2	2						3	7	
								1	1	
								1	1	2,8%
							1		1	1,4%
Без орнамента								7	7	10%
Орнамент не определим	3	2	1	2	2	1			11	
Всего	9	18	4	6	4	1	1	37	80	100%

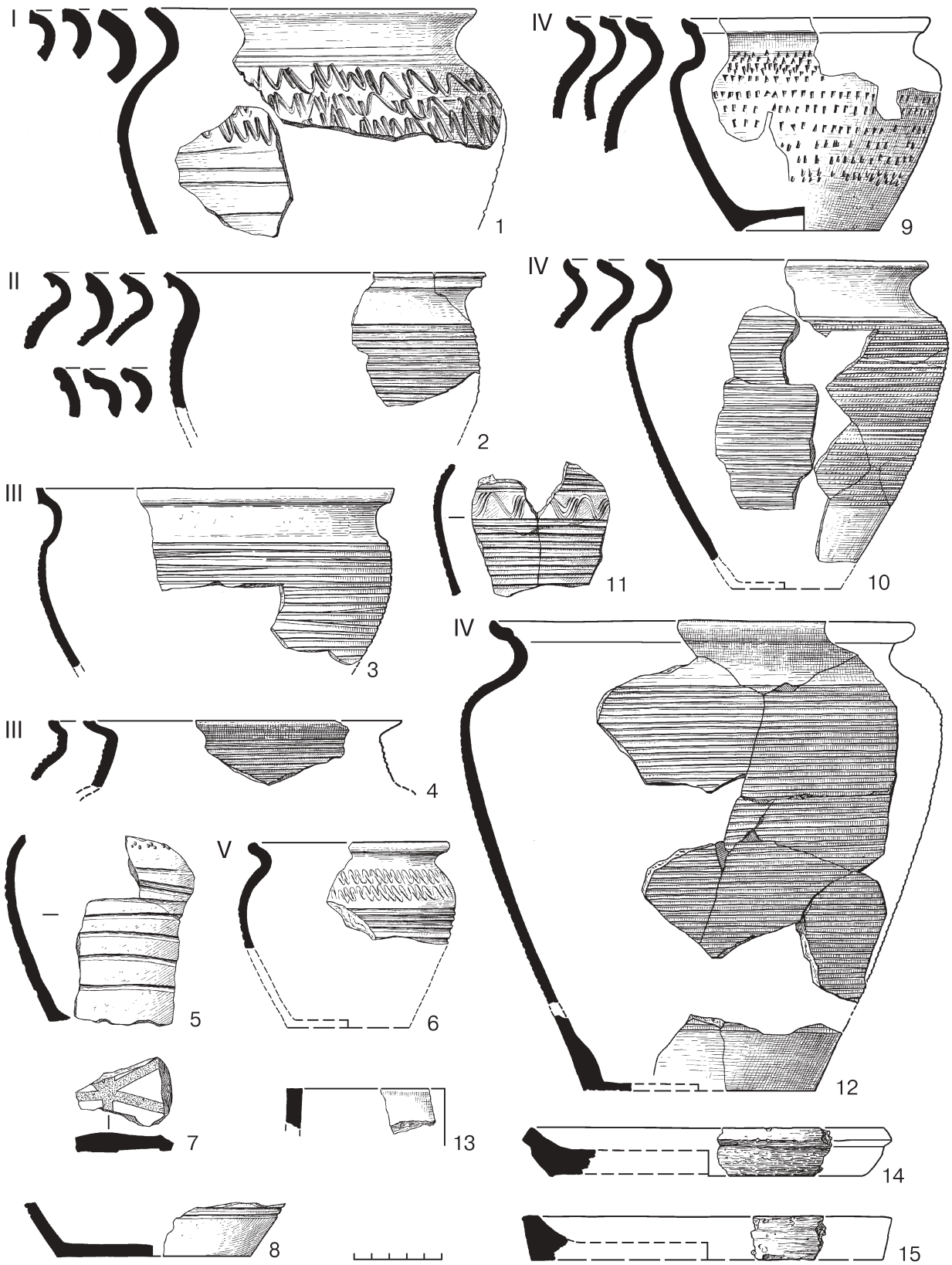
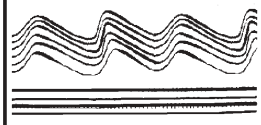
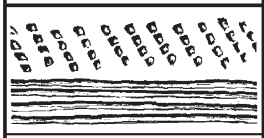


Рис. 31. Новогрудок. Керамика ямы № 6 второй половины XI в.
Горшки: 1 — тип I; 2 — тип II; 3–4 — тип III; 9–10, 12— тип IV; 6 — тип V. 14–15 — сковороды

Таблица 10

Керамический комплекс ямы № 6. Вторая половина XI в.

Группы и типы сосудов / Виды орнамента	Горшки с отогнутым венчиком						Сковородки	Неопределенная форма	Стенки сосудов	Всего	Группы орнамента
	Типы										
	I	II	III	IV	V	Вне типа					
		4	1		1	2			35	43	36%
	2				1				1	4	
		3	2	12					48	65	54%
									4	4	
		1							1	2	
									1	1	2,3%
				1					1	2	
Без орнамента							2	1	8	11	7,7%
Орнамент не определим	7	7	1	13	3	7		2	9	48	
Всего	9	15	4	26	5	9	2	2	108	180	100%

Кроме фрагментов горшков, в яме № 6 найден один обломок сосуда со слегка наклоненной внутрь верхней частью (рис. 31: 13) и фрагменты двух сковородок (рис. 31: 14, 15).

По количественному соотношению венчиков горшков различных типов можно сказать, что керамика ямы № 6 относится к более позднему времени, чем керамика постройки № 14 первой половины или середины XI в. Поэтому керамический комплекс ямы № 6 представляется возможным отнести ко второй половине или третьей четверти XI в.

4-Й СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XII В.

К этому периоду относится **постройка № 12**, расположенная над постройкой № 13 рубежа XI и XII в. и отделенная от нее культурным слоем мощностью 30–40 см (рис. 1; кв. Ф–Ъ-10–15 и рис. 2). От нее частично сохранились нижние бревна восточной и северной стен, развал кирпича и глины от печи и пол в виде мощного угольного слоя и отдельных обгоревших досок.[1] На полу лежал мощный завал глины (служивший, видимо, подсыпкой под кровлю), по границам которого площадь постройки определяется как равная приблизительно 70 м^2. Это сооружение отличалось от всех остальных тем, что его стены покрывала фресковая роспись, о чем свидетельствуют многочисленные фрагменты фресок, обнаруженные в развале глины и на полу.[2] Об особом значении постройки № 12 и богатстве ее владельца говорит также большое количество вещей, среди которых много изделий, привезенных из стран Запада и Востока.

Керамику, обнаруженную на полу постройки № 12 под завалом ее верхних частей, можно считать достаточно закрытым комплексом (рис. 32, табл. 11). К нему относятся 147 венчиков кухонных горшков, 4 фрагмента горшков с вертикальным горлом, из которых один маленький (диаметром 9 см) принадлежит, видимо, к столовой посуде (рис. 32: 13), три крышки (рис. 32: 14, 16), а также 35 обломков стенок сосудов и 42 обломка днищ. Как следует из таблицы 11, горшки первых двух типов найдены лишь в единичных экземплярах, первое место занимают горшки V типа (23 % всех венчиков) и незначительно уступают им горшки VI, VII и VIII типов, появившиеся еще в конце XI в. Основным видом орнаментации посуды остаются горизонтальные и редко — волнистые линии, но важно отметить, что резко меняется соотношение приемов их нанесения. Если раньше преобладал орнамент, нанесенный гребенкой, то в постройке № 12 в три раза преобладают линии, проведенные палочкой (соответственно 14 и 46 %). К новым декоративным приемам относятся ряды прямоугольных наколов, нанесенные зубчатым колесиком (рис. 32: 9). Среди днищ 33 плоских и 9 вогнутых. На трех плоских днищах и одном вогнутом — клейма (рис. 32: 17, 18).

В керамический комплекс постройки № 12, кроме перечисленной посуды, входят амфоры и поливная керамика, которой не было в более ранних постройках. Три амфоры были обнаружены раздавленными в углах постройки (тип II), фрагменты еще четырех (типы II и III) — под развалом глины (всего 217 фрагментов).[3] К поливной керамике относятся обломки блюда на поддоне с зеленой поливой, фрагменты коричневого кувшинообразного сосуда с полой ручкой,[4] а также мелкие обломки других сосудов (всего 22 обломка).

По совокупности всех находок и положению в стратиграфической шкале Ф. Д. Гуревич широко датировала постройку № 12 первой половиной XII в.[5] Однако, как нам представляется, есть основания несколько уточнить эту дату. Наличие в постройке № 12 обломков стеклянных браслетов, производство которых в Киеве началось в 30-е годы XII в., а в других городах — около его середины;[6] присутствие поливной керамики, не обнаруженной в других постройках (№ 6) первой половины XII в., а также иное, чем раньше, количественное соотношение различных типов кухонных горшков и некоторые изменения в приемах нанесения орнамента заставляют отнести постройку № 12 ко второй четверти или середине XII в.

5-Й СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД — ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XII В.

Это период наибольшего расцвета жизни в окольном городе Новогрудка. К нему относится 14 построек, среди которых есть большие и богатые дома. Почти все они дошли до нас, как и более ранние, в плохом состоянии, но некоторые из них имеют хорошую относительную хронологию. К таковым относятся, в частности, три постройки, расположенные одна над другой на площади квадратов А–Е-9–14 (рис. 1). От нижней из них — № 6, впущенной в котлован глубиной около 1 м, прорезающий культурные

[1] Гуревич Ф. Д. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке // КСИА. Вып. 99. 1964. С. 97–98, рис. 40.
[2] Там же. С. 98–102, рис. 41.
[3] Малевская М. В. Амфоры Новогрудка XII–XIII вв. // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969. С. 185–191, рис. 1.
[4] Малевская М. В. Поливная керамика древнего Новогрудка // СА. 1969. № 3. С. 198–199, рис. 1: 12, 25.
[5] Гуревич Ф. Д. Дом боярина XII в. … С. 100–101.
[6] Щапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972. С. 187–191.

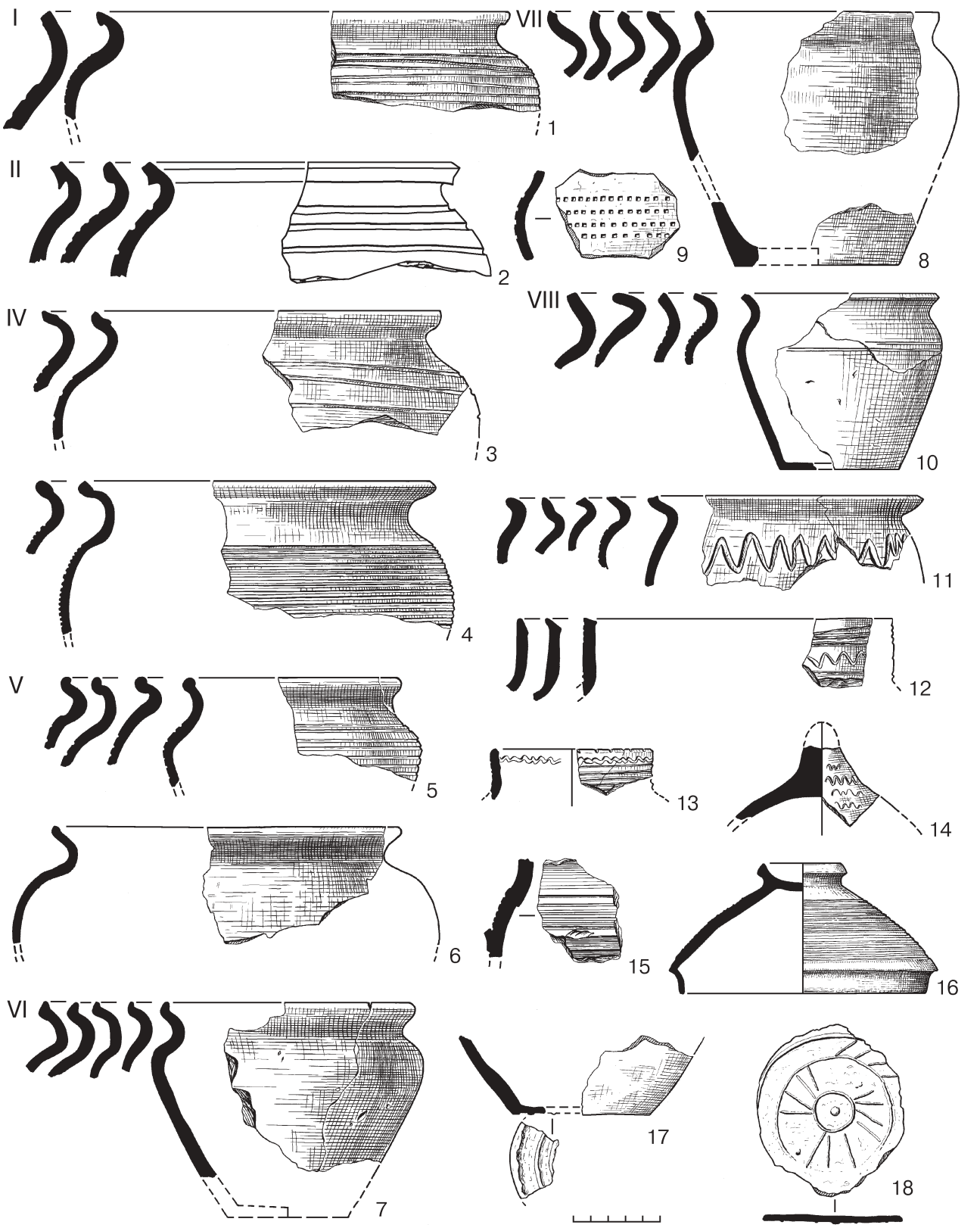
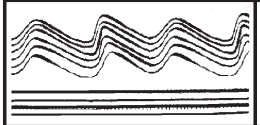
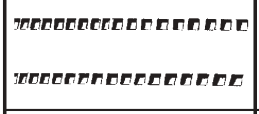
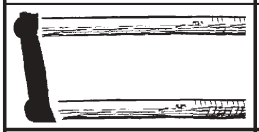


Рис. 32. Новогрудок. Керамика постройки № 12 середины XII в. Горшки: 1 — тип I; 2 — тип II; 3–4 — тип IV; 5–6 — тип V; 7 — тип VI; 8 — тип VII; 10–11 — тип VIII. 12 — горшок с вертикальным горлом. 13 — столовая посуда; 14, 16 — крышки; 17–18 — днища с клеймами

Таблица 11

Керамический комплекс постройки № 12. Середина XII в.

Группы и типы сосудов / Виды орнамента	Горшки с отогнутым венчиком								Горшки с вертикальным горлом	Столовая посуда	Крышки	Стенки сосудов	Всего	Группы орнамента
	Типы													
	I	II	IV	V	VI	VII	VIII	Вне типа						
	1	2	5	12	8	4	7	11			1	12	63	47%
	1		1				1	4			1	1	9	
								1	2	1			4	
			1				2	1			1	13	18	14%
		4	1										5	
												1	1	2%
												1	1	
												1	1	
Без орнамента			8	16	8	6	15	1				6	60	37%
Орнамент не определим		3	3	6	4	3	5	2	2				28	
Всего	2	9	19	34	20	13	30	20	4	1	3	35	190	100%

напластования и, частично, материк, сохранился венец сруба размером 7 × 11 м с внутренней перегородкой (дом пятистенок) и квадратной в плане печью. По совокупности находок, обнаруженных в постройке, она датирована первой половиной XII в. Над постройкой № 6 в пределах того же котлована расположена постройка № 5, отделенная от нижележащей слоем гумуса до 40 см и датированная по найденному

в ней многочисленному инвентарю второй половиной XII в. Над постройкой № 5, уже вне пределов котлована, находится постройка № 4, отнесенная к первой половине XIII в.[1]

Рассмотрим керамический комплекс **постройки № 5**, принадлежащей к пятому строительному периоду.

От постройки № 5 сохранились остатки сгнившего пола и квадратная в плане печь, сложенная из камня на глине с подом из кирпича и сводом из камня. Судя по остаткам досок пола и размещению печи, постройка № 5 совпадала по площади (около 70 м^2) и планировке (пятистенок) с ниже лежащей постройкой № 6. Многочисленные и разнообразные вещи, найденные на полу постройки и над ним, среди которых много украшений из стекла (браслеты и перстни), бронзы и серебра, а также предметы импорта (стеклянные византийские сосуды, тарелки с росписью люстром, амфоры и другие), позволяют датировать постройку № 5 XII в. Ее стратиграфическое положение выше постройки № 6 первой половины XII в. и ниже постройки № 4 первой половины XIII в., а также сопоставление находок дают основание отнести постройку № 5 ко второй половине XII в.[2]

В постройке № 5 найдено 112 фрагментов венчиков горшков с отогнутым краем, один фрагмент горшка с вертикальным горлом, фрагмент маленького сосуда типа кружки, одна крышка, а также 78 фрагментов стенок и 32 обломка днищ, из которых два с клеймами. Количественное соотношение горшков различных типов и способов их орнаментации показаны на таблице 12, а формы сосудов — на рисунке 33. Среди горшков продолжает господствовать тип V, а среди декоративных элементов горизонтальные линии, причем способ их нанесения палочкой (как и волнистых) уже в шесть раз превосходит прием их нанесения гребенкой. Интересен фрагмент горшка с вертикальным горлом, тулово которого покрыто глубокими желобками и валиками (рис. 33: 10). По своему небольшому размеру (диаметр горла — 9,5 см) и отсутствию закопченности горшок с вертикальным горлом может быть отнесен к столовой посуде. К этой же категории керамики принадлежит и кружка (или чашка — рис. 33: 11). Своеобразен по форме фрагмент горловины с сильно вынесенными плечиками, принадлежащий, видимо, корчаге (рис. 33: 14). Полностью сохранилась маленькая крышка (тип II — рис. 33: 9).

В постройке № 5 найдено наибольшее количество фрагментов поливной посуды — 43 и амфор — 310 фрагментов от 10 сосудов (от двух амфор I типа, от шести амфор II типа и от двух амфор V типа). По упомянутым ранее разнообразным дорогим вещам, особенно импортного происхождения, а также по большому количеству византийских амфор, постройка № 5 является одной из самых богатых в окольном городе.

Наиболее закрытым комплексом рассматриваемого строительного периода является материал **постройки № 10** (кв. Х–Ъ-10–15). От нее сохранился почти полностью нижний венец обгоревшего сруба размером 8,5 × 8,5 м, часть дощатого обгоревшего пола и большое количество обожженной глиняной обмазки с отпечатками дерева.[3] Это сооружение имеет четкое стратиграфическое положение. Его остатки лежат над постройкой № 12, от которой отделены слоем песка от осыпи вала толщиной от 0,2 до 0,8 м (рис. 1 и 2). На основании стратиграфических данных и комплекса вещей, среди которых много стеклянных браслетов, украшений из бронзы и золота, предметы, связанные с деятельностью ювелира, а также привозные изделия — византийские стеклянные сосуды, иранская посуда с люстровой росписью, амфоры, постройка № 10 надежно датируется второй половиной XII в.[4]

На полу постройки № 10 и непосредственно над ним обнаружен 81 фрагмент венчиков кухонных горшков (рис. 34: 1–6, 9–10, табл. 13), один фрагмент сосуда с вертикальным горлом (рис. 34: 11), 10 фрагментов стенок от одного большого сосуда для хранения запасов (рис. 34: 12), обломок одного маленького горшочка (рис. 34: 8), придонная часть миски (рис. 34: 14), а также 45 фрагментов стенок различных сосудов и 29 днищ, из которых одно — с клеймом (рис. 34: 13). В отличие от керамических комплексов предшествующего времени среди горшков постройки № 10 отсутствуют горшки первых трех типов и найдены фрагменты только одного горшка IV типа (рис. 34: 1). Ведущей формой являются горшки

[1] Гуревич Ф. Д. О жилищах окольного города… С. 70–77, рис. 23–26; Она же. Древний Новогрудок … С. 32–36, 54–55, 93–97.

[2] Гуревич Ф. Д. О жилищах окольного города… С. 70–73, рис. 24, 26; Она же. Древний Новогрудок … С. 54–65.

[3] Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок… С. 71–73, рис. 56.

[4] Там же. С. 73–80, рис. 55–62.

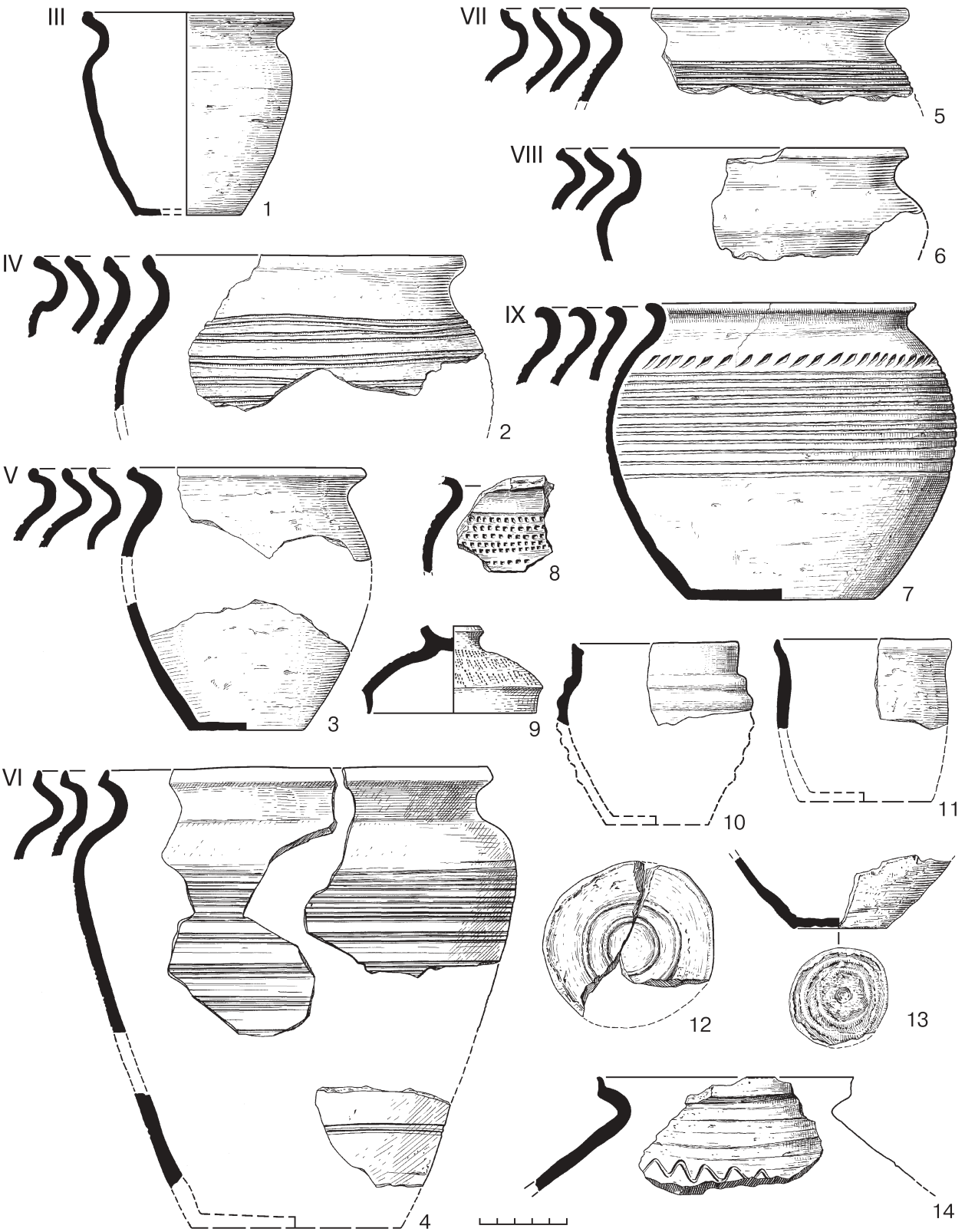
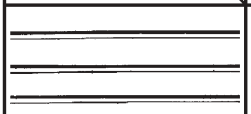
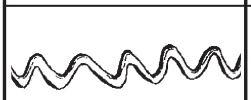
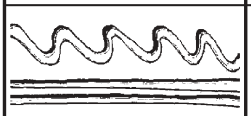
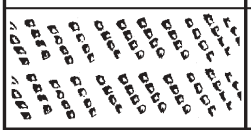
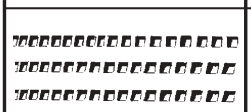


Рис. 33. Новогрудок. Керамика постройки № 5 второй половины XII в.
Горшки: 1 — тип III; 2 — тип IV; 3 — тип V; 4 — тип VI; 5 — тип VII; 6 — тип VIII; 7 — тип IX. 9 — крышка; 10 — горшочек с вертикальным горлом; 11 — кружка; 12–13 — донца с клеймами; 14 — венчик корчаги

Таблица 12

Керамический комплекс постройки № 5. Вторая половина XII в.

Группы и типы сосудов / Виды орнамента	Горшки с отогнутым венчиком								Горшки с вертикальным горлом	Корчага	Столовая посуда (кружки)	Крышки	Стенки сосудов	Всего	Группы орнамента
	Типы														
	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	Вне типа							
		3	17	5	1	9	4	5					34	78	47%
			2							1			2	5	
					1	1								2	
			1	5		1							7	14	8%
												1		1	
						1	1							2	5%
							3							3	
													4	4	
Без орнамента	1	2	9	12	3	7		5	1		1		31	72	40%
Орнамент не определим		1	2	7		3								13	
Всего	1	6	31	29	5	22	8	10	1	1	1	1	78	194	100%

V и VIII типов, единичны горшки IX типа (рис. 34: 10). Соотношение орнаментальных мотивов на керамике постройки № 10 несколько выпадает из общей закономерности их распределения во времени: количество фрагментов, орнаментированных гребенкой лишь в 3 раза меньше, чем орнаментированных палочкой.

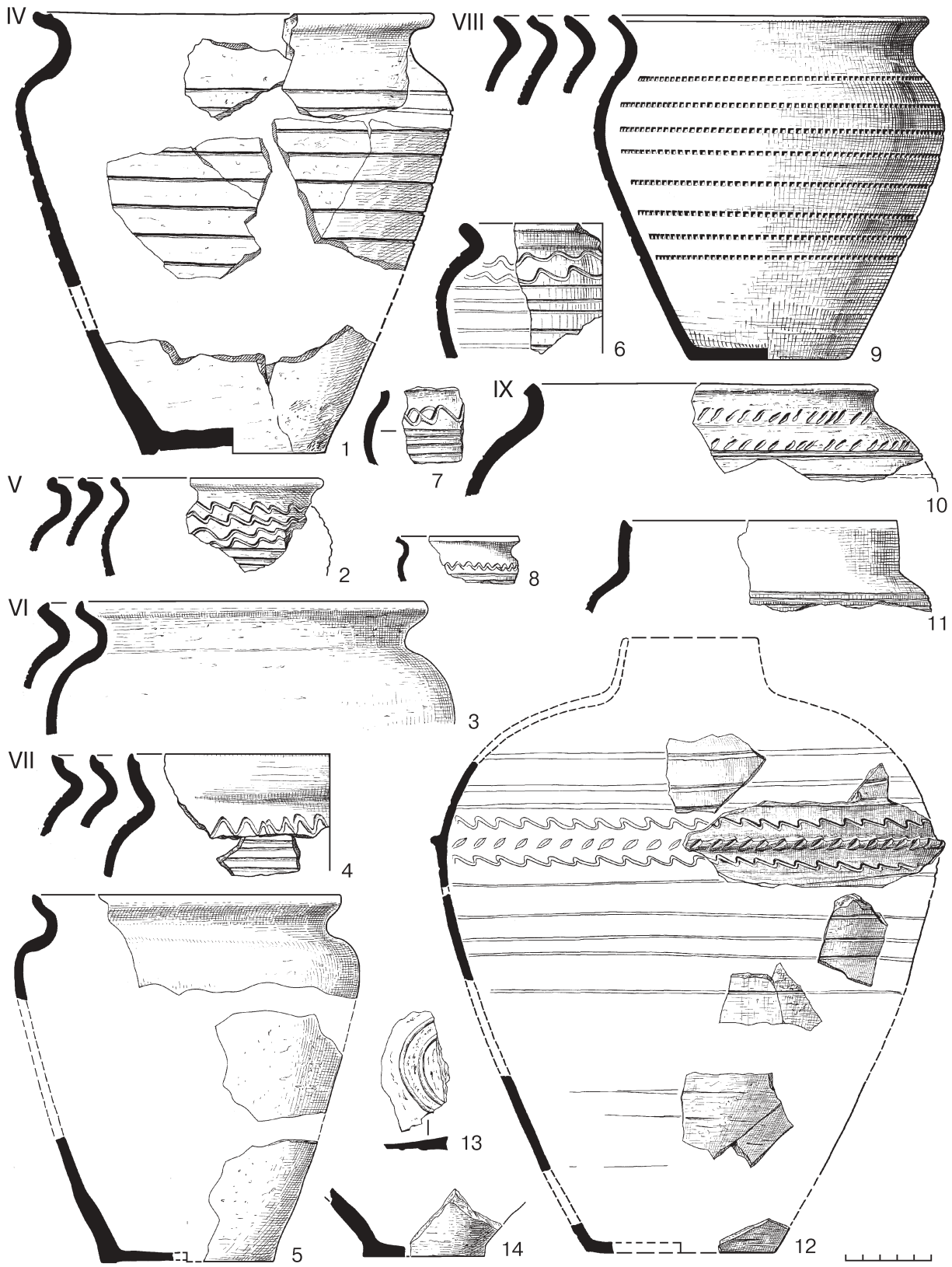
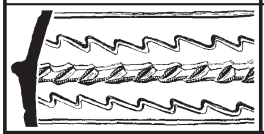


Рис. 34. Новогрудок. Керамика постройки № 10 второй половины XII в.
Горшки: 1 — тип IV; 2 — тип V; 3 — тип VI; 4–5 — тип VII; 6, 9 — тип VIII; 10 — тип IX.
8 — маленький горшочек; 11 — фрагмент сосуда с вертикальным горлом; 12 — корчага

Таблица 13

Керамический комплекс постройки № 10. Вторая половина XII в.

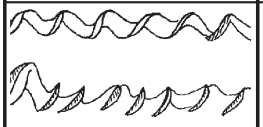
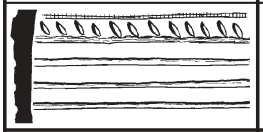
Группы и типы сосудов / Виды орнамента	Горшки с отогнутым венчиком							Горшки с вертикальным горлом	Миска	Корчага	Столовая посуда	Стенки сосудов	Всего	Группы орнамента
	Типы													
	IV	V	VI	VII	VIII	IX	Вне типа							
	1	11	1	1	8	1	1	1				15	40	48%
							1						1	
		3		3	4		2				1	3	16	
		4	1		2		2					5	14	16,5%
					4		1						5	
						2							2	3,5%
					1							1	2	
										1			1	
Без орнамента		6	6	2	1		1					21	37	32%
Орнамент не определим		2	2	3	3		1		1				12	
Всего	1	26	10	9	23	3	9	1	1	1	1	45	130	100%

В постройке № 10, как и в других богатых домах, много амфор — 62 фрагмента, принадлежащих трем сосудам II типа и 30 обломков от одного импортного кувшина с двумя ручками и смоленой внутри поверхностью. Поливная керамика представлена восемью фрагментами разных сосудов.

Рис. 35. Новогрудок. Керамика постройки № 4 первой половины XIII в.
Горшки: 1 — тип V; 2 — тип VI; 3 — тип VII; 4–5 — тип VIII; 6–7 — тип IX.
8 — миска IV типа; 9 — фрагмент корчаги; 10–11 — стенки с орнаментом;
12 — днище с клеймом; 13 — головка крышки III типа; 14–15 — придонные части мисок

Таблица 14

Керамический комплекс постройки № 4. Первая половина XIII в.

Группы и типы сосудов / Виды орнамента	Горшки с отогнутым венчиком					Миски	Крышки	Стенки сосудов	Всего	Группы орнамента
	Типы									
	V	VI	VII	VIII	IX					
	2	5	4	8	3			11	33	
	1								1	40%
	2	1	3	4	2			6	18	
	1	1							2	2%
					6			15	21	
	1		1	3	3			8	16	31%
						2		1	3	
Без орнамента	1	3	6	7	4		2	12	35	27%
Орнамент не определим	1	2	2	3	3	2		2	15	
Всего	9	12	16	25	21	4	2	55	144	100%

6-Й СТРОИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА И СЕРЕДИНА XIII В.

К шестому строительному периоду относятся три постройки, залегающие выше уровня построек XII в. Среди них нет полностью закрытых комплексов, но материал, собранный непосредственно с пола сооружений, увязывается с ними достаточно определенно.

От одной из этих построек — **постройки № 4** (кв. А–Е-9–14), упомянутой ранее как расположенной над постройкой № 5 второй половины XII в., сохранилась часть настила пола из обгоревших досок, прямоугольная в плане печь, сложенная из кирпича и камня на глине, развал обожженной глиняной обмазки

с отпечатками дерева и небольшие глиняные массивы, служившие, видимо, подмазкой под пол. Судя по границам этой глины и обгоревшего настила, площадь постройки составляла около 80 м^2.[1]

К керамике постройки № 4, найденной на обгоревшем полу и глиняной подмазке, можно отнести 83 фрагмента венчиков горшков V–IX типов (рис. 35: 1–7, табл. 14), 2 фрагмента больших мис с плоскими валиками (тип IV; рис. 35: 8), 2 фрагмента днищ от мисок I и II типов (рис. 35: 14–15), головку крышки без бортика (тип III; рис. 35: 13), 37 фрагментов стенок и 15 обломков днищ. Все днища плоские, на одном клеймо в виде окружности (рис. 35: 12). В группе горшков сокращается количество сосудов V и VI типов и увеличивается процент горшков VII, VIII и IX типов. Среди орнаментальных мотивов преобладают горизонтальные линии и косые семечковидные вдавления, характерные для горшков IX типа и больших мисок. Есть фрагменты сосудов с орнаментом, переходным от волнистой линии к косым ногтевым вдавлениям (рис. 35: 7). Необходимо отметить, что в керамический комплекс постройки № 4 входят формы посуды, которые в постройках XII в. не встречались. Это уже упомянутые большие миски (тип IV), резко отличающиеся по своей форме и орнаментации от мисок первых трех типов (рис. 35: 8) и массивные крышки без бортиков (тип III).

Кроме массовой керамики в постройке № 4 было найдено несколько фрагментов поливной посуды и обломки амфор, принадлежавшие приблизительно пяти сосудам (трем амфорам II типа, одной III типа и одной V типа).

Многочисленные вещи, связанные с постройкой № 4 (украшения из золота, серебра и бронзы, стеклянные бусы и браслеты, фрагменты стеклянных сосудов византийского происхождения, предметы вооружения) не имеют узкой даты.[2] Однако, принимая их во внимание и опираясь на стратиграфические данные и керамический комплекс, в котором господствуют кухонные горшки VIII и IX типов, постройку № 4 следует датировать первой половиной XIII в.

Вторым сооружением шестого строительного горизонта является **постройка № 17** (кв. О–Р-11–13), принадлежащая, судя по найденному на полу инвентарю, бронзолитейщику-ювелиру.[3] Ее остатки представлены лишь угольным слоем сгоревшего пола без четких границ и развалом печи-каменки. На угольной прослойке пола найдено 29 фрагментов венчиков горшков, единичные фрагменты других групп посуды, 20 обломков стенок и 5 фрагментов придонных частей сосудов (рис. 36, табл. 15). В отличие от предшествующих керамических комплексов основную массу посуды составляют горшки IX типа, а типы V, VI и VIII (рис. 36: 3) представлены единичными экземплярами. По размерам преобладают горшки с диаметром венчика 12–16 см, редко — до 20 см. Днища все плоские, с тем же диаметром 9–11 см. К другим группам керамики относятся большая миса с налепным валиком и косыми наколами (тип IV; диаметр устья — 21 см; рис. 36: 13), фрагмент корчаги с плоскими валиками (диаметр венчика — 21 см; рис. 21: 3), небольшой кувшин с раздутым туловом (вне типа; рис. 36: 15), горловина кувшина II типа (рис. 36: 14) и четыре обломка толстостенных крышек без карнизика (тип III; рис. 36: 12). Фрагменты горшков с вертикальным горлом и мелкой столовой посуды в шестом строительном горизонте совсем не обнаружены.

На посуде постройки № 17 очень заметно изменение орнаментальных мотивов, их количественного соотношения и приемов нанесения. Орнамент, нанесенный гребенчатым инструментом, полностью исчезает. Линейный орнамент, нанесенный палочкой, сохраняется и составляет 21 % орнаментированной керамики. Орнамент волнистый и линейно-волнистый сокращается (10,6 %). Основное место в декоре посуды занимают характерные для шестого строительного горизонта косые семечковидные наколы и их сочетание с горизонтальными линиями (26,4 %) или со слабо выступающими валиками (14 %; рис. 36: 10–11). 28 % керамики комплекса совсем не орнаментировано.

По своему стратиграфическому положению (в верхней толще слоя XII — первой половины XIII в.) постройка № 17 отнесена к сооружениям первой половины XIII в. Этому не противоречат и найденные в ней вещи, имеющие более широкую датировку. Однако состав керамического комплекса, в котором

---

[1] Гуревич Ф. Д. О жилищах окольного города… С. 73, рис. 25 и 26; Она же. Древний Новогрудок … С. 93.
[2] Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок … С. 93–97.
[3] Там же. С. 101.

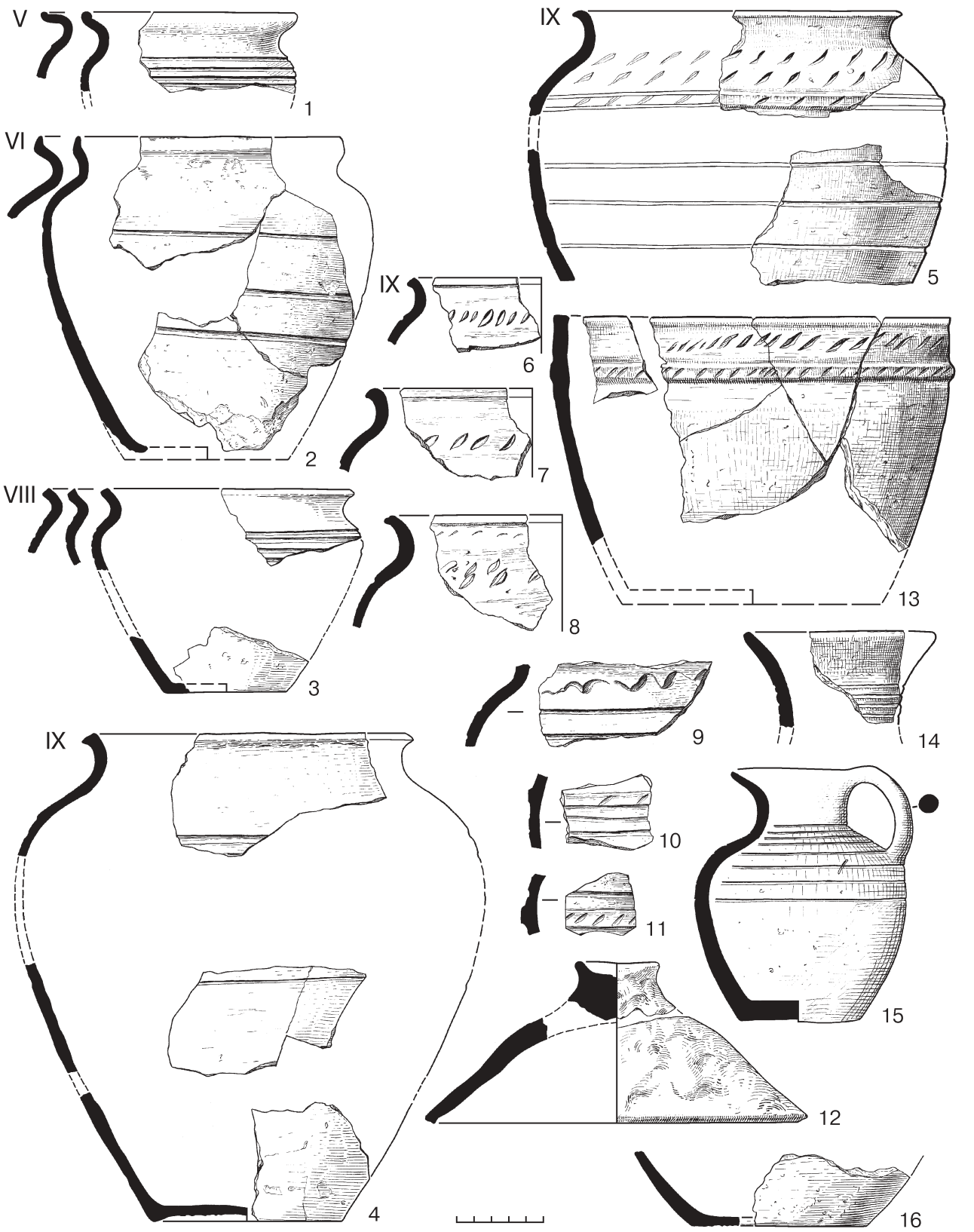
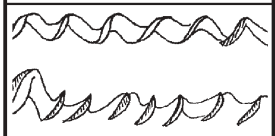
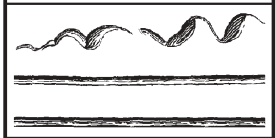
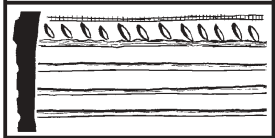
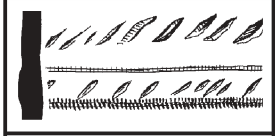


Рис. 36. Новогрудок. Керамика постройки № 17 середины XIII в.
Горшки: 1 — тип V; 2 — тип VI; 3 — тип VIII; 4–8 — тип IX. 9–11 — стенки с орнаментом; 12 — крышка III типа; 13 — миска IV типа; 14–15 — кувшины; 16 — придонная часть миски

Таблица 15

Керамический комплекс постройки № 17. Середина XIII в.

Группы и типы сосудов / Виды орнамента	Горшки с отогнутым венчиком					Миски	Корчаги	Кувшины	Крышки	Стенки сосудов	Всего	Группы орнамента
	Типы											
	V	VI	VIII	IX	Вне типа							
	1	1	1	3	1			2		4	13	31,6%
	1		1							1	3	
					2						2	
				2	1					2	5	26,4%
				1						1	2	
				3	1					2	6	
				2							2	
				1						2	3	14%
				1		1	1			2	5	
Без орнамента		1	2	2	1				4	6	16	28%
Всего	2	2	4	15	6	1	1	2	4	20	57	100%

основную массу посуды образуют горшки IX типа, позволяет считать его несколько более поздним, чем керамический комплекс постройки № 4, и отнести постройку № 17 к середине XIII в., а не к первой его половине. Характерно, что с этой постройкой можно связать всего пять фрагментов амфор, вместо нескольких десятков и даже сотен, обнаруженных в других сооружениях.

Весьма вероятно, что постройка № 17 входила в число последних сооружений второго этапа (XII–XIII вв.) жизни Новогрудка и погибла в пожаре во время взятия окольного города галицким князем Львом Даниловичем с татарами в 1274 г.[1]

В XIV–XV вв. жизнь в окольном городе Новогрудка протекала менее интенсивно. Полностью сохранившихся построек этого времени обнаружено не было. Однако в культурном слое, лежащем непосредственно на отложениях XIII в., были найдены фрагменты керамики, свидетельствующие о появлении в XIV–XV вв. новых типов посуды. К ним относятся горшки почти закрытой формы с коротким венчиком в виде валика и других разновидностей; большие, почти цилиндрические мисы с резко отогнутым наружу краем; низкие мисы с пологими стенками и иногда отверстием в придонной части и крышки с бортиком вдоль наружного края. Все эти формы посуды встречаются в сочетании с некоторыми группами керамики XIII в., которые еще продолжают бытовать и в XIVв. (горшки VIII–IX типов, латка с полой ручкой, крышки III типа).

Изучение закрытых керамических комплексов позволило, во-первых, уточнить датировку некоторых групп и типов посуды на основании сопровождающих вещей с узкой датой; во-вторых, выяснить состав посуды в тот или иной строительный период; в-третьих, установить, что состав комплексов заметно изменялся на коротких отрезках времени, главным образом, по количественному соотношению разных типов кухонных горшков и менее заметно — по ассортименту посуды; в-четвертых, детально проследить изменения во времени видов орнамента и приемов его нанесения.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПО ЭВОЛЮЦИИ КЕРАМИКИ НОВОГРУДКА

Подводя итоги исследования керамики окольного города Новогрудка, необходимо суммировать вкратце некоторые выводы, касающиеся главным образом массовой глиняной посуды.

Изучение сырья и техники изготовления посуды, типологическая и хронологическая ее классификация, анализ керамических комплексов позволяют сделать следующие наблюдения об эволюции керамики Новогрудка на протяжении второй половины X–XIII в.

1. Технологические качества глиняной посуды за рассмотренный период претерпели определенные, хотя и не очень резкие изменения. Грубые по составу теста и технике изготовления, толстостенные, обточенные на гончарном круге лишь по венчику сосуды второй половины X в. постепенно, начиная с XI в., сменяются сосудами лучшей выделки, с более тонкими стенками, обточенными не только по венчику, но в верхней части и целиком. В XII в. почти вся посуда была обточена полностью, хотя наряду с ней встречается еще и более примитивная керамика.

В конце XII или в начале XIII в. в производстве керамики наступает некоторый регресс: в тесте вновь появляется более крупная дресва, толщина стенок увеличивается, посуду стали изготовлять посредством кольцевого (а не спирального) налепа, следы которого хорошо прослеживаются на внутренней поверхности сосудов и свидетельствуют о меньшей степени использования гончарного круга. Следы обточки сосудов на гончарном круге (особенно горшков IX типа и мисок III типа) выступают только на венчиках, а иногда и полностью отсутствуют.

В приемах обжига посуды за рассмотренный период закономерных изменений не произошло. На протяжении всего периода трехслойный в изломе черепок заметно преобладает над красным и серым в посуде разного назначения, свидетельствуя о применении скорее печного, чем горнового обжига.

Таким образом, если на протяжении XI–XII вв. техника изготовления новогрудской керамики постепенно совершенствовалась, то в конце XII или в начале XIII в. уровень ее несколько снизился. Только

[1] ПСРЛ. Т. II. 1962. Стб. 873–874.

в XV в. качество посуды значительно улучшилось, как со стороны глиняной массы, так и техники формовки. В это время изменились и формы посуды разного назначения.

2. Значительно более определенные закономерности выступают в развитии ассортимента посуды, который со временем становился все более разнообразным.

Ассортимент посуды первого периода жизни на поселении —X–XI вв., был довольно ограниченным. Он состоял на 98 % из кухонных горшков I–IV типов. При этом горшки I типа являлись ведущей формой для второй половины X в., горшки II типа — для всего XI в., а горшки III и IV типов, характерные как для второй половины XI в., так и для первой половины XII в., как бы объединяли два этапа развития керамики. Единичные фрагменты горшков с вертикальным горлом, сосудов для хранения запасов, мисок и сковородок составляли лишь небольшое дополнение к основной группе керамики первого периода. Явный недостаток форм посуды специального назначения, видимо, восполнялся различным использованием обычных горшков. Одни из них, больших размеров (с диаметром венчика 25–35 см), могли служить сосудами для хранения запасов, другие, маленькие (с диаметром венчика 10–15 см) — столовой посудой. Несомненно, что, наряду с глиняной посудой, широко использовалась для разных нужд и деревянная, несохранившаяся в новогрудской почве, но хорошо известная среди археологического материала северных городов Древней Руси.[1]

Керамический комплекс XII–XIII вв. — периода, когда посад превратился в окольный город, стал несколько богаче. Однако и в это время кухонные горшки (IV–IX типов) составляли около 94 % всей керамики (без поливной посуды и амфор). Кроме них в ассортимент посуды входили горшки с вертикальным горлом, миски, кувшины, сосуды для хранения продуктов, латки-сковородки, мелкая столовая посуда и крышки. При этом на протяжении второго периода в разное время господствовали различные типы названных групп керамики. Так, для первой половины XII в. были характерны горшки, главным образом, V и VI типов, кувшины I типа, миски I и II типов; для второй половины XII в. — горшки V, VI и VIII типов, кувшины II типа, миски I и II типов, крышки I и II типов; для первой половины XIII в. — горшки VIII и IX типов, миски IV типа, кувшины II и III типов, крышки III типа, латки, сковородки. На этом последнем отрезке времени кувшины почти полностью заменили собой горшки с вертикальным горлом, которые, видимо, в предшествующий период использовались не только как кухонная посуда, но и как тара для жидких тел. Несмотря на увеличение ассортимента посуды, количество ее в каждой группе, кроме горшков, было столь незначительным, что и в этот период большую роль играла, видимо, деревянная, как столовая, так и хозяйственная посуда.

3. В XII–XIII вв., наряду с массовой керамикой, стали изготовлять посуду, покрытую желтой, зеленой и коричневой поливой, пополнившую собой группу столовой посуды. В ее состав входят небольшие горшки, сосуды близкие по форме к биконическим, чаши на поддоне, открытое блюдо, сосуд с вертикальными стенками, а также кувшины. Поливная керамика, несомненно, производилась на месте, и, как показал микроскопический анализ глины и спектральный анализ поливы двадцати образцов, ее изготовляли, видимо, в двух мастерских города.

4. Керамический комплекс второго периода, помимо поливной керамики, пополнялся амфорами, которые вместе с вином, тарой для которого они служили, стали поступать, начиная с рубежа XI и XII в. в Новогрудок с юга. Довольно разнообразные типы амфор Новогрудка, изготовленных из различного теста, позволяют предположить, что они могли быть привезены из разных причерноморских центров, то есть, что Новогрудок поддерживал торговые связи с различными городами Византии, атакже юго-восточной окраины Древней Руси — Тмутараканью и Белой Вежей, где амфоры и кувшины также производились.

5. Анализ состава керамики в более или менее закрытых комплексах — постройках и ямах — позволил дополнить наблюдения, сделанные на всем керамическом материале, а также выяснить набор посуды в разновременных постройках и уточнить при этом время бытования отдельных ее форм.

Выяснилось, что в каждом керамическом комплексе раннего периода жизни на поселении (в конце X–XI в.) горшки с отогнутым наружу венчиком, исполнявшие различные функции, являлись почти

[1] Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия / САИ. Вып. Е1-55. 1968. С. 31–47, табл. 15–26.

единственной формой глиняной посуды. Лишь 2–3 % керамики, и то не в каждом комплексе, приходилось на другие формы. В XII в. и, особенно, в первой половине XIII в. количество фрагментов разных групп керамики увеличилось до 6–8 %. Если учесть еще, что в набор глиняной посуды построек XII–XIII вв., особенно наиболее богатых из них, входила поливная керамика (от двух до шести сосудов) и амфоры (от двух до десяти сосудов), то разница между керамическими комплексами сооружений периода расцвета города и первоначальным поселением станет особенно заметной. Разница эта объясняется, с одной стороны, развитием гончарного производства, а с другой — новым социальным обликом поселения, который оно приобрело, став окольным городом Новогрудка, заселенным богатой верхушкой.

При рассмотрении закрытых керамических комплексов уточнились некоторые вопросы хронологии. Выяснилось, что керамика самых ранних построек представляла собой горшки только I типа, либо включала всего 1 % горшков II типа. Это обстоятельство в сочетании с теми находками, которые были обнаружены в этих ранних сооружениях (постройке № 38 и ямах № 55 и 59) позволяют достаточно определенно говорить о возникновении поселения не в самом конце X в., а в конце третьей четверти этого столетия. Анализ же наиболее позднего керамического комплекса (постройки № 17) подтверждает установленную на других археологических материалах и летописных данных дату — третью четверть XIII в.

При исследовании керамических комплексов хорошо датированных сооружений важным моментом было выявление количественного соотношения разных форм посуды и ее орнаментации в каждом из них (в первую очередь, соотношения различных типов горшков). Полученные данные позволили уточнить время существования построек, для датировки которых не было достаточно надежных стратиграфических данных и вещей с узкой хронологией, что, например, имело место при исследовании некоторых построек XII — первой половины XIII в. На основании же количественного соотношения тех или иных видов посуды в комплексе удалось датировать некоторые постройки с точностью не только до полувека, но иногда и до четверти века.

6. Заметную эволюцию в течение X–XIII вв. претерпела орнаментация сосудов, что было выяснено, как при описании разных групп и типов посуды, так, особенно, при анализе керамических комплексов.

Во второй половине X в. линейный орнамент, нанесенный палочкой, приблизительно в три раза превышал орнамент, нанесенный гребенкой. Волнистые линии и в том, и в другом случае составляют небольшой процент и встречаются преимущественно в сочетании с горизонтальными. Неорнаментированной посуды было мало. Штамп применялся в единичных случаях.

В XI в. наступило господство гребенчатого инструмента, при помощи которого сосуды покрывали сплошным рифлением (или отдельными поясами), иногда в сочетании с волнистой линией или косыми наколами, сделанными той же гребенкой. Однако волнисто-линейный орнамент, нанесенный палочкой, продолжал существовать. Другие виды декорировки сосудов — штамп, наколы, как и сосуды без орнамента, составляли незначительный процент.

В XII в. вновь увеличилось количество сосудов, украшенных при помощи палочки, причем горизонтальные линии стали чаще, чем в первый период, сочетаться с волнистыми, а иногда последние покрывали весь сосуд. Появились и новые приемы декорировки — горизонтальные ряды мелких наколов, нанесенных зубчатым колесиком, косая насечка, косые ногтевые вдавления, выступающие почти всегда в сочетании с горизонтальными линиями. В этот период количество сосудов без орнамента увеличилось до 30–35 %.

В XIII в. гребенчатый орнамент полностью исчезает, а линейный продолжает господствовать, но, в отличие от предшествующего периода, чаще в сочетании с одним или двумя рядами косых ногтевых вдавлений, чем с волной. Новым приемом украшения сосудов стал налепной валик, покрытый косой насечкой. Надо отметить, что этот последний прием, как и косые наколы, в сочетании с горизонтальными линиями, тесно связаны с двумя видам сосудов — горшками IX типа и большими мисками IV типа, характерными для конца XII–XIII в. На других сосудах этого времени чаще встречаются горизонтальные линии в сочетании с волнистыми. Количество неорнаментированной керамики вновь сократилось.

Характерной особенностью керамики Новогрудка, отличающей ее от глиняной посуды других районов Древней Руси, является то, что в XII–XIII вв., как и в предшествующее время, в огромном большинстве случаев орнамент покрывает не только плечики, но и все тулово сосуда, не достигая днища на

3–5 см. Обычно сплошное покрытие орнаментом характерно только для раннего периода (X–XI вв.). В Новогрудке же лишь в XIII в. появились сосуды (часть горшков VIII и IX типов, миски III типа), орнаментированные, главным образом в своей верхней части, хотя наряду с ними продолжали бытовать и покрытые орнаментом целиком.

Завершая выводы по декорировке сосудов важно подчеркнуть, что изменение орнамента происходило одновременно на сосудах разного назначения. Иначе говоря, орнамент появлялся не в связи с возникновением новых групп и типов посуды, а определялся модой, существовавшей в то или иное время на приемы декоровки керамики. Исключением из этого правила являлись, во-первых, сосуды для хранения запасов, которые в отличие от другой посуды почти всегда снабжались налепными валиками, но имевшими не столько декоративное, сколько конструктивное назначение; а во-вторых, группа сосудов XIII в., состоящая из горшков IX типа и мисок IV типа (больших мис), украшенная сочетанием одного или двух рядов косых вдавлений с горизонтальными линиями. Возможно, что эти последние сосуды, имеющие и ряд других общих черт, изготовлялись если не одним мастером (их слишком много), то несколькими гончарами, работавшими вместе.

Таким образом, изучение керамики Новогрудка по материалам окольного города показало, что за время со второй половины X в. до середины XIII в. она прошла определенный путь развития, нашедший свое отражение как в формах посуды, так в технике ее изготовления, приемах орнаментации и ассортименте. Наибольшее различие прослеживается между керамическими комплексами двух основных периодов истории Новогрудка, хотя изменения эти происходили постепенно: формы посуды, характерные для X–XI вв. продолжали бытовать в начале XII в., а керамика, ставшая типичной для XII–XIII вв., зародилась еще в конце XI в. Однако и внутри каждого из этих двух основных периодов, как уже было отмечено, прослеживается постепенная эволюция керамики и уточняется ее хронология, что дает возможность использовать те или иные типы сосудов в качестве эталона для датировки вновь открываемых на территории Понеманья археологических памятников.

ГЛАВА II
КЕРАМИКА ВОЛКОВЫСКА, ИНДУРЫ, ГРОДНО, ТУРИЙСКА И СЛОНИМА

КЕРАМИКА ВОЛКОВЫСКА

Древний Волковыск находится на окраине современного города (Гродненской обл. Белоруссии) и представляет собой сложный археологический комплекс, расположенный на трех возвышенностях. Наиболее высокую из них, называемую «Шведской горой», занимает детинец; с запада к нему примыкает посад — окольный город на возвышенности «Замчище» и в 500 м к востоку от «Шведской горы» на изолированном холме находится городище Муравельник.

Археологические раскопки, затронувшие все три возвышенности, производились в разные годы различными исследователями: И. Иодковским (1925 г.), В. Р. Тарасенко (1954–1956 гг.),[1] Г. И. Пехом (1948 и 1958 г.),[2] П. А. Раппопортом (1959 г.),[3] М. К. Каргером (1966 г.)[4] и Я. Г. Зверуго (1965–1971 гг.). Они охватили в общей сложности площадь в 3800 м^2, причем 1996 м^2 из них исследовано Я. Г. Зверуго. Он посвятил Волковыску монографическое исследование, в котором обобщил результаты как своих работ, так и работ предшествующих исследователей.[5] В этой монографии, как и в другой, посвященной исследованию Верхнего Понеманья, рассмотрена и керамика Волковыска X–XIII вв.[6] Однако для возможности сопоставления керамики Волковыска с керамическими материалами других городов Верхнего Понеманья нам представляется необходимым представить ее в данной работе.

На основании изучения стратиграфии культурных напластований и всего вещевого материала Я. Г. Зверуго выделяет в Волковыске три периода в истории города. На Шведской горе, по его мнению, первый период охватывает несколько десятилетий X в. и весь XI в., второй — XII в. и первую половину XIII в. и третий — вторую половину XIII в. и первую половину XIV в.[7] Мощность культурного слоя колеблется здесь от 0,6 до 3,5 м. На Замчище различаются те же три периода с той лишь разницей, что первый из них начался немного позже — в самом конце X в.[8] Культурный слой на этой возвышенности значительно меньше — от 0,3 до 2,1 м. На городище Муравельник наблюдается иная картина: культурный слой у вала достигает 2 м, но не членится стратиграфически, а на значительной части площади его нет совсем. По вещевому материалу весь слой датируется концом X — первой половиной XI в.[9]

После анализа керамики мы вернемся к вопросу о времени заселения и функциональном значении трех объектов волковыского комплекса.

За все годы раскопок в Волковыске собрано более 67 тыс. фрагментов кружальной керамики. Восстановить полный профиль удалось только для 36 сосудов.[10] Обломки лепных горшков, как и в Новогрудке,

---

[1] Тарасенко В. Р. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 году // Материалы по археологии БССР. Т. 1. Минск, 1957. С. 258–279.

[2] Пех Г. И. Раскопки в Волковыске в 1958 г. // СА. 1963. № 1. С. 231–236.

[3] Раппопорт П. А. Раскопки в Волковыске в 1959 г. // СА. 1963. № 1. С. 237–240; Он же. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. / МИА. № 140. 1967. С. 88–90, 124.

[4] Каргер М. К. К вопросу о памятниках зодчества XII в. в Волковыске // Славяне и Русь. М., 1968. С. 422–428.

[5] Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X–XIV вв. Минск, 1975.

[6] Зверуго Я. Г. Указ. соч. С. 61–72, рис. 22–25; Он же. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск, 1989. С. 137–142, рис. 71–73.

[7] Зверуго Я. Г. Древний Волковыск … С. 11–15.

[8] Там же. С. 15–18.

[9] Там же. С. 18–20.

[10] Там же. С. 61.

единичны. В данной работе использована лишь небольшая часть имеющейся коллекции. В основу ее легли материалы раскопок Я. Г. Зверуго 1965 и 1966 г. на Шведской горе, 1965 и 1967 г. — на Замчище и 1965 г. — на Муравельнике,[1] а также небольшая часть керамической коллекции Военно-исторического музея им. П. И. Багратиона в Волковыске, полученная в процессе раскопок предшествовавшими Я. Г. Зверуго исследователями.

В результате ознакомления с названными коллекциями удалось проработать около 1000 фрагментов керамики Волковыска (в основном верхних частей сосудов) и некоторые целые экземпляры, что представляется достаточным для того, чтобы иметь возможность сопоставить глиняную посуду Волковыска с посудой Новогрудка и других городов Черной Руси. Поскольку керамика трех объектов волковыского комплекса достаточно однородна, ее характеристика дается на основании всего проработанного материала.

СЫРЬЕ И ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Керамика Волковыска не была подвергнута петрографическим исследованиям, в связи с чем характеристика глиняной массы, использованной для ее изготовления, основана лишь на визуальных наблюдениях. Почти вся керамика сделана из местной цветной глины, содержащей в качестве отощителя дресву и, реже, крупнозернистый или среднезернистый песок. Лишь небольшая группа посуды раннего периода (горшки типа Iд) была изготовлена не из цветной, а из беложгущейся глины с примесью песка хорошей окатанности и, реже, дресвы.

Вся посуда сформована при помощи налепочной техники и в разной степени обточена на гончарном круге. На фрагментах сосудов раннего периода, особенно второй половины X в., в придонной и средней частях иногда хорошо видны вертикальные следы сглаживания стенок пальцами гончара и только по венчику — горизонтальные от обточки сосуда на круге. В XI в. керамику обтачивали как в верхней части, так и целиком; в XII–XIII вв. — преимущественно целиком. Толщина стенок колеблется от 0,4 до 1,2 см, но преобладает толщина, равная 0,6–0,7 см. Днища почти всегда плоские, но встречаются и вогнутые, особенно в раннем периоде. На многих днищах сохранилась подсыпка песка, дресвы или золы.

Как пишет Я. Г. Зверуго, среди днищ волковыских сосудов обнаружено более 200 с клеймами.[2] Я. Г. Зверуго подразделяет их на четыре группы: 1 — клейма, состоящие из крестов и подобных им знаков; 2 — клейма, в основе которых лежат одна, две или три концентрические окружности; 3 — клейма в виде знаков Рюриковичей и 4 — клейма с разнообразными знаками, не входящими в названные группы.[3]

Обжигали посуду, вероятно, в печах, а не в горне. Черепок в изломе почти всегда трехслойный (красный–серый–красный или коричневый–серый–коричневый), редко — весь красный или весь желтый и, как исключение, — серый. На некоторых сосудах видны следы обвара (закалки).

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ ВОЛКОВЫСКА

Керамика Волковыска, как и других городов Черной Руси, представлена очень фрагментарно. Поэтому характеристика каждой группы посуды не может быть исчерпывающей. Как и при исследовании керамики Новогрудка, в основу типологической классификации керамики Волковыска положена верхняя часть сосуда в совокупности с другими имеющимися признаками.

В ассортименте керамики Волковыска первое место занимают как обычно, горшки с отогнутыми наружу венчиками, составляющие более 90 % всей коллекции; затем следуют горшки с вертикальным

[1] Автор приносит глубокую благодарность Я. Г. Зверуго за предоставленные для использования в работе керамические материалы Волковыска. На основании их проработки, осуществленной в 1969 г., автор произвел типологическую классификацию керамики Волковыска в соответствии с типологией керамики Новогрудка, что привело к незначительным расхождениям с типологической классификацией керамики Волковыска, сделанной Я. Г. Зверуго. Автор полагает, что проведенное исследование послужило некоторым дополнением и во многом подтверждением наблюдениям и выводам, сделанным Я. Г. Зверуго в разделе «Гончарное ремесло» его монографии «Древний Волковыск X–XIV вв.».

[2] Зверуго Я. Г. Указ. соч. С. 70, рис. 25.

[3] Там же. С. 70–72.

горлом, миски, сосуды для хранения запасов, единичные фрагменты кувшинов, мелкая столовая посуда (маленькие горшочки и чашечки или черпаки), сковороды, жаровни, крышки и сосуды неопределенной формы.

Группа 1. Кухонные горшки (рис. 37–40)

Горшки с отогнутым венчиком подразделяются на девять основных типов, во многом совпадающих с основными типами горшков Новогрудка. В связи с этим мы не будем подробно описывать каждый из них, а отметим лишь имеющиеся расхождения или дополнения и представим их в рисунках.

Тип I характеризуется простым отогнутым наружу венчиком, плавно изогнутой шейкой и обычно покатыми плечиками (рис. 37: 1–11). Диаметр венчика колеблется от 12 до 36 см, преобладает — 16–22 см. Орнамент составляют преимущественно неровные горизонтальные линии, нанесенные палочкой, начиная с плечика, а иногда и с шейки по всему тулову. Сплошное рифление гребенчатым инструментом встречается реже; многорядная волна и гребенчатые наколки — лишь в единичных случаях.

Основная масса горшков сделана из глины с примесью дресвы и, реже, песка. Толщина стенок равна 0,6–0,9 см, редко — 1–1,2 см. Сосуды обточены на гончарном круге, главным образом, по венчику и в верхней части.

Горшки I типа включают в себя пять видов, из которых первые два совпадают с новогрудскими. Вид Iа — наиболее многочисленный, найден в нижнем горизонте всех трех возвышенностей. Вид Iб — главным образом на Муравельнике (табл. 16).

Вид Iд нужно отметить особо (рис. 37: 6, 8–11). Он частично совпадает с соответствующей разновидностью новогрудских горшков, но в отличие от них составляет более многочисленную (около 50 фрагментов) и самостоятельную группу. Вид Iд характеризуется резко отогнутым наружу коротким венчиком (иногда как бы загнутым вниз) и высокой шейкой, плавно переходящей в покатые плечики. Лишь на некоторых фрагментах заметен незначительный уступ при переходе от шейки к плечикам. Край венчика прямо или косо срезан, реже закруглен и иногда имеет остроугольную форму. Горшки рассматриваемого вида отличаются от других и по тесту. Большая их часть сделана из белой глины, остальные — из серой. Горшки эти хорошо обожжены; черепок в изломе светло-желтый или белый. Отощителем служит в основном дресва, но иногда и песок хорошей окатанности. Как и другие разновидности горшков I типа, они большей частью обточены на гончарном круге только по венчику. Диаметр венчиков горшков типа Iд колеблется от 13 до 34 см, при этом преобладают большие сосуды.

Следует особо подчеркнуть, что горшки разновидности Iд найдены лишь на Шведской горе (детинце) и только в углистой прослойке мощностью до 30 см, лежащей непосредственнее на материке и заходящей под насыпь вала. При этом в нижней части прослойки вид Iд больше чем в два раза численно превосходит сосуществующий с ним вид Iа, а в верхней ее части приблизительно в два раза уступает последнему. Фрагменты горшков с венчиком более сложного профиля (с карнизиком) в углистой прослойке совсем не обнаружены.

Весь нижний горизонт, как уже было отмечено, Я. Г. Зверуго датирует несколькими десятилетиями X в. и XI в. Возникновение же поселения на Шведской горе он связывает с серединой или второй половиной X в.[1] Именно к этому раннему времени и относится уголистый слой, содержащий горшки I типа.

Тип II, как и в Новогрудке, характеризуется сложным профилем отогнутого наружу венчика, имеющего снаружи карнизообразный (манжетовидный) выступ (рис. 37: 12–18). По форме выступа и оформлению края венчика горшки II типа подразделяются на пять разновидностей, соответствующих новогрудским (IIа–д). Кроме того в Волковыске выделяется еще одна разновидность — IIе, характеризующаяся высокой вертикальной или слегка наклонной шейкой с линейным орнаментом. Почти все названные разновидности выступают как бы в двух вариантах: с прямой и вогнутой внутренней поверхностью венчика.

В отличие от горшков I типа шейка горшков II типа изогнута круче, а плечико поднято выше, стенки толще (0,5–0,7 см, редко — 0,8–0,9 см). Диаметр венчика колеблется от 12 до 36 см, преобладает 14–21 см.

---

[1] Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. … С. 6; Он же. Археологические работы в Волковыске // АО 1969 года. 1970. С. 308.

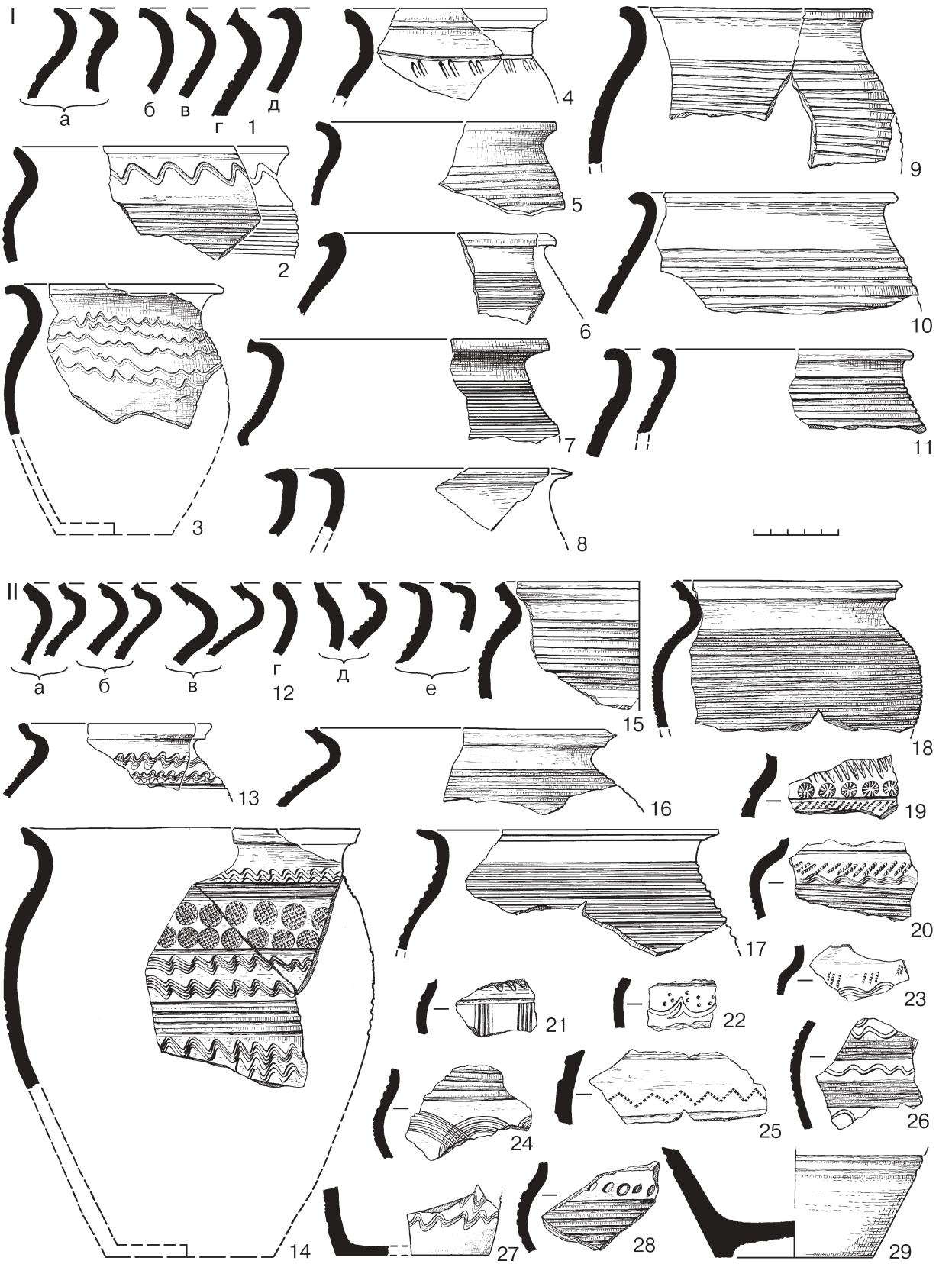


Рис. 37. Волковыск. Горшки I и II типов: 1–11 — тип I; 12–18 — тип II. 19–26, 28 — стенки с орнаментом; 27, 29 — придонные части

Горшки II типа орнаментированы, главным образом, горизонтальными линиями, нанесенными палочкой и, реже, гребенкой. Многорядная волна, гребенчатые наколы, одинарная волна и гребенчатый штамп встречаются редко (рис. 37: 13, 14, 19–28).[1] Орнамент покрывает почти все тулово сосуда, начиная с плечиков. Сосудов без орнамента мало.

По качеству теста и обработке сосудов на гончарном круге горшки II типа несколько совершеннее горшков I типа.

Нужно подчеркнуть, что горшки II типа почти совсем не обнаружены на Шведской горе (3 фрагмента), но есть на Замчище и составляют значительную группу посуды на Муравельнике (более половины всей керамики). На Замчище они найдены в сочетании горшками I типа в полуземляночных жилищах, датированных концом X — началом XI в., а также в культурном слое нижнего горизонта и в нижних пластах второго горизонта. Иначе говоря, горшки II типа появились в Волковыске, как и в Новогрудке, в конце X в. и бытовали еще в начале XII в.

Тип III составляет небольшую группу, характерным признаком которой является горизонтальный срез слабо отогнутого наружу венчика и плавно изогнутая шейка (рис. 38: 1–8). В Волковыске имеется три разновидности этих горшков — IIIа, IIIб и IIIв, соответствующие новогрудским сосудам. Среди них выделяется разновидность IIIв с четко выделенной высокой шейкой, покрытой линейным орнаментом (рис. 38: 6–7).

Горшки III типа орнаментированы преимущественно горизонтальными линиями, нанесенными гребенкой или палочкой. Волнистые линии, наколы и штамп встречаются редко. По своим технологическим качествам они близки горшкам II типа.

Горшки III типа найдены, главным образом, на Замчище, на Шведской горе их почти нет (несколько экземпляров), а на Муравельнике нет совсем. Отсутствие сосудов этой разновидности на городище Муравельник, которое было заброшено, видимо, в середине XI в., позволяет отнести возникновение горшков III типа к концу XI — началу XII в.

Тип IV по ряду признаков близок типу III, но отличается от него формой венчика, который сложно моделирован с внутренней стороны (рис. 38: 9–15). Виды IVа и IVб, совпадающие с новогрудскими (край венчика слегка загнут внутрь и уплощен), для Волковыска не характерны. Заметно преобладает вид IVв. Он характеризуется венчиком со скошенным внутрь краем и желобком вдоль него, образующим закраину. Вид IVг (рис. 38: 14), как и в Новогрудке, отличается от предшествующих четко выраженной высокой шейкой, покрытой горизонтальными линиями. Эта разновидность горшков IV типа, как и горшки с выделенной шейкой III типа, очень близка основной массе сосудов из Дрогичина.

Горшки IV типа орнаментированы почти исключительно горизонтальными линиями, нанесенными, в отличие от аналогичных сосудов Новогрудка, чаще палочкой, чем гребенкой. Другие виды орнаментации почти не встречаются. Сосудов без орнамента мало.

Горшки IV типа совсем не найдены на Муравельнике, что дает основание считать временем их появления вторую половину XI в. Судя по материалам Шведской горы и Замчища, где их особенно много, горшки IV типа бытовали весь XII в. и заходили в XIII в. Это значит, что в Волковыске они были в употреблении дольше, чем в Новогрудке, где со второй половины XII в. почти не встречались.

Тип V — один из наиболее многочисленных, характеризуется отогнутым наружу (в разной степени) венчиком со скругленным и загнутым внутрь краем, образующим упор для крышки. Шейка плавно или круто изогнута и иногда четко выражена; плечики округлые. Диаметр венчика колеблется от 11 до 26 см. Четыре вида этих сосудов, выделенные по степени отогнутости венчика и форме шейки, соответствуют новогрудским видам а, б, в, г (рис. 39: 1–9).

Горшки V типа декорированы горизонтальными линиями, нанесенными палочкой, иногда в сочетании с волной. Гребенчатый орнамент (многорядная волна и наколы) составляет редкое исключение. Новым приемом украшения сосудов являются горизонтальные пояса из квадратных углублений, проведенные зубчатым колесиком. Орнаментом продолжают покрывать почти все тулово сосуда. Неорнаментированных горшков, видимо, несколько больше, чем среди ранее рассмотренных типов.

---

[1] См. орнамент горшков разных типов: Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв.… Рис. 72.

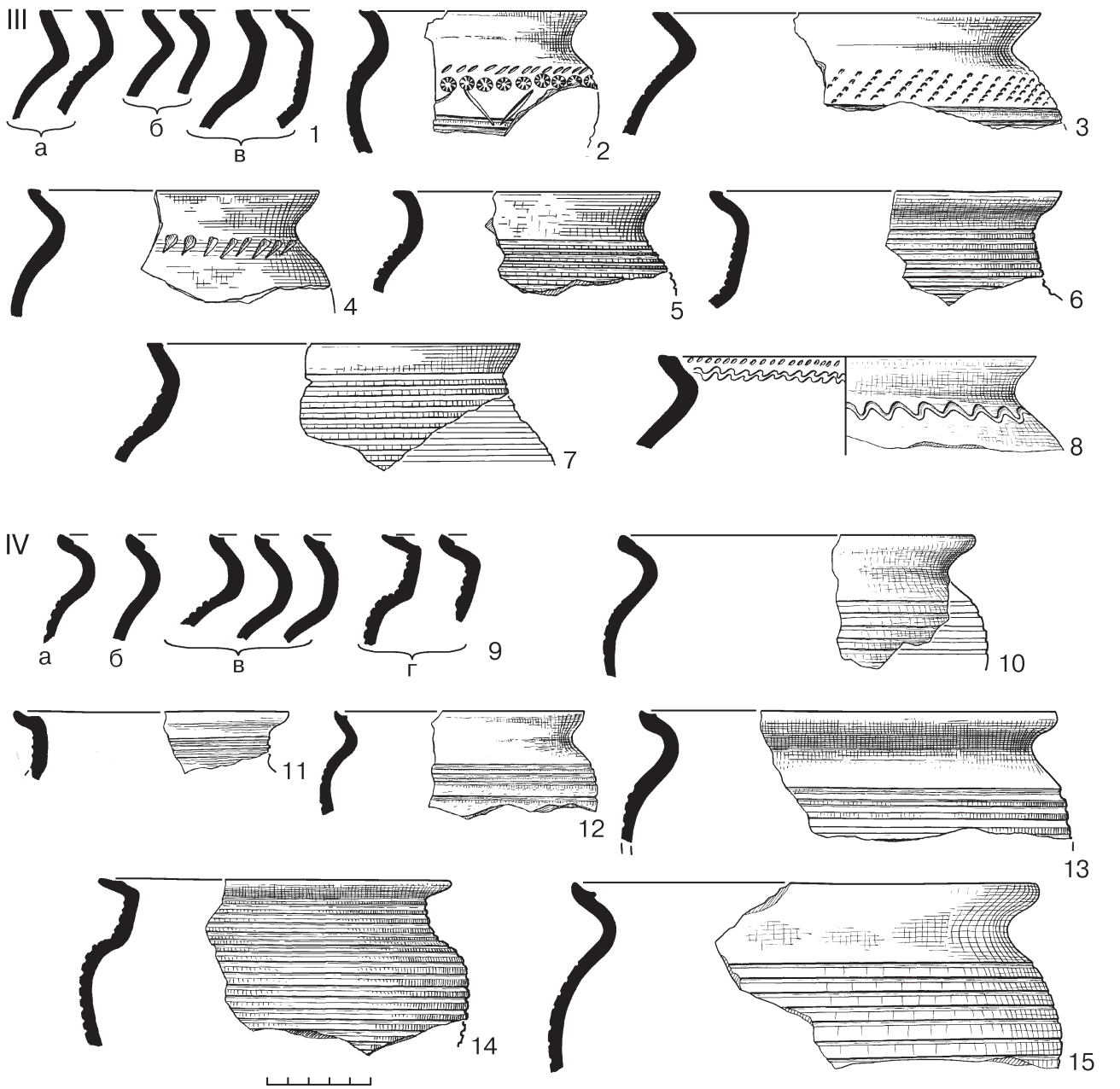


Рис. 38. Волковыск. Горшки III и IV типов: 1–8 — тип III; 9–15 — тип IV

Горшки V типа обнаружены на Шведской горе и Замчище в напластованиях второго и третьего периодов, то есть бытовали с рубежа XI и XII в. до начала XIV в.

Тип VI отличается от типа V только оформлением края венчика, который не скруглен, а вертикально или наклонно срезан. По всем остальным признакам горшки VI типа сходны с горшками V типа и имеют те же разновидности формы шейки (рис. 39: 10–15). Количественно они уступают последним и найдены только на Шведской горе в культурных напластованиях XII–XIII вв.

Тип VII по оформлению края венчика — горизонтально срезанного или скошенного внутрь — имеет общее с типами III и IV, но отличается от них иной изогнутостью венчика, низкой шейкой-перехватом и высокими плечиками (рис. 39: 16–21). В Волковыске, как и в Новогрудке, этот тип горшков малочисленный, но представлен всеми новогрудскими разновидностями. Горшки VII типа найдены на Шведской горе и Замчище в слое XII–XIII вв.

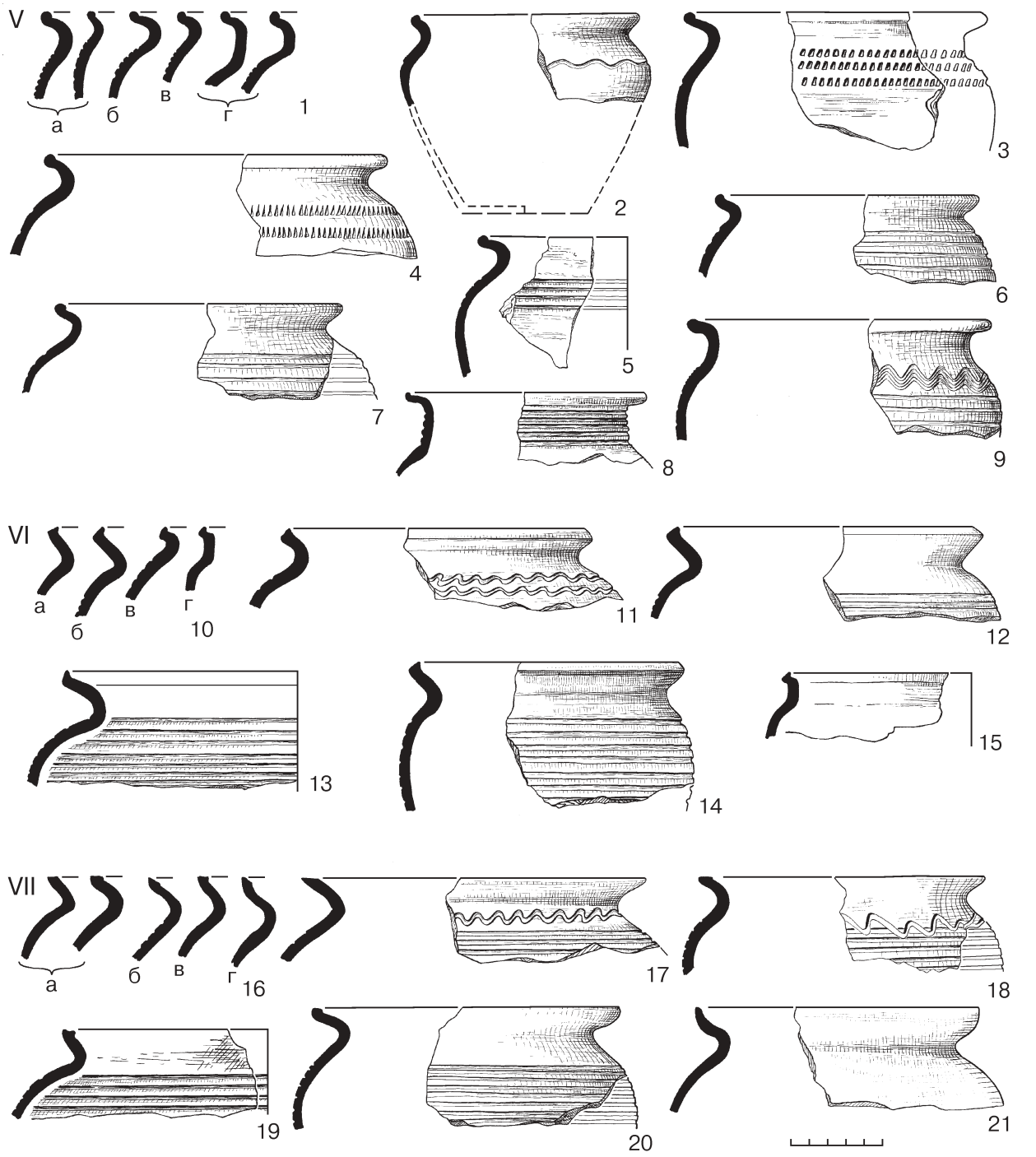


Рис. 39. Волковыск. Горшки V, VI и VII типов: 1–9 — тип V; 10–15 — тип VI; 16–21 — тип VII

Тип VIII составляет наиболее многочисленную подгруппу горшков, которая характеризуется простой формой отогнутого венчика, низкой шейкой, иногда близкой к перехвату, и округлыми плечиками. Край венчика имеет те же разновидности, что и в Новогрудке (а, б, в; рис. 40: 1–7).

Основным орнаментальным мотивом остаются горизонтальные линии, нанесенные палочкой, но, в отличие от предшествующих типов, они встречаются в сочетании не только с волнистой линией, но и с разного рода наколами (овальными, округлыми, насечкой и др.). Горшки VIII типа бытовали на Шведской горе и Замчище в XII–XIII вв. и, частично, в XIV в., но особенно много их было во второй половине XII — первой половине XIII в.

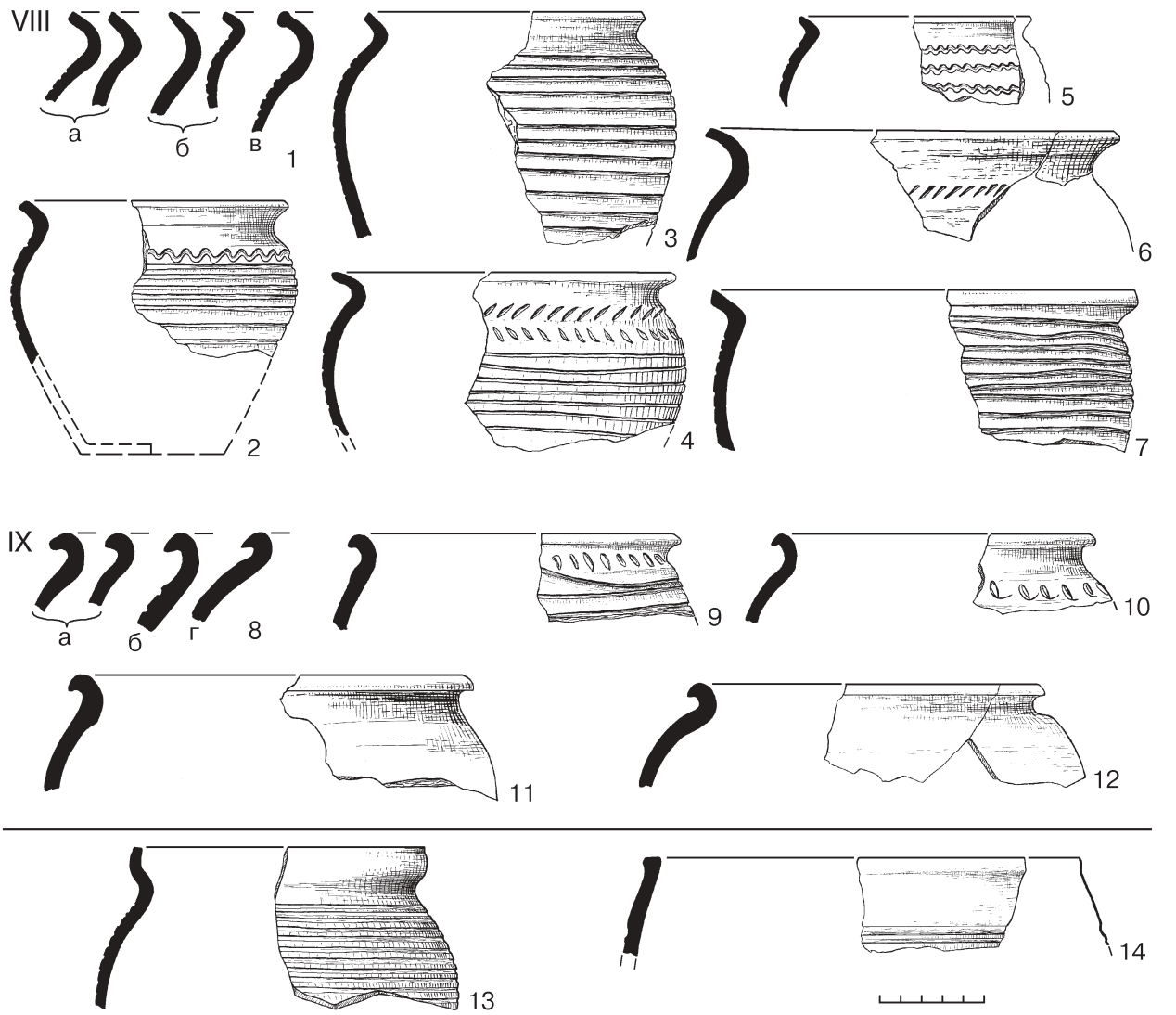


Рис. 40. Волковыск. Горшки VIII и IX типов: 1–7 — тип VIII; 8–12 — тип IX. 13–14 — индивидуальные формы

Тип IX резко отличается от других очень коротким, отогнутым наружу и слегка оттянутым вниз венчиком, низкой шейкой (или ее отсутствием) и покатыми плечиками (рис. 40: 8–12). По имеющимся фрагментам нельзя судить о форме тулова, но можно предположить, что, как и у новогрудских сосудов этого типа, оно имело чаще округлую, чем конусовидную форму. Диаметр венчика колеблется от 14 до 20 см. По профилю венчика в Волковыске выделяются три разновидности, соответствующие новогрудским IXа, IXб и IXг.

Горшки IX типа орнаментированы горизонтальными линиями, иногда в сочетании с косыми вдавлениями или совсем лишены орнамента. Эти сосуды сделаны из глины с примесью дресвы и имеют стенки, более толстые, чем у других горшков (0,7–0,9 см). На внутренней их поверхности иногда заметны горизонтальные ряды вмятин от пальцев гончара, свидетельствующие о более примитивном кольцевом налепе. В отличие от Новогрудка в Волковыске эти горшки не составляют такой многочисленной и самостоятельной группы. Найдены они, главным образом, на Шведской горе в верхних пластах второго горизонта и в слое третьего горизонта, то есть бытовали во второй половине XII — XIII в. и, видимо, в начале XIV в.

Кроме основных девяти типов горшков в Волковыске изготовляли и другие их разновидности. Однако каждая из них представлена лишь небольшим количеством экземпляров и в самостоятельную группу не выделена (рис. 40: 13–14).

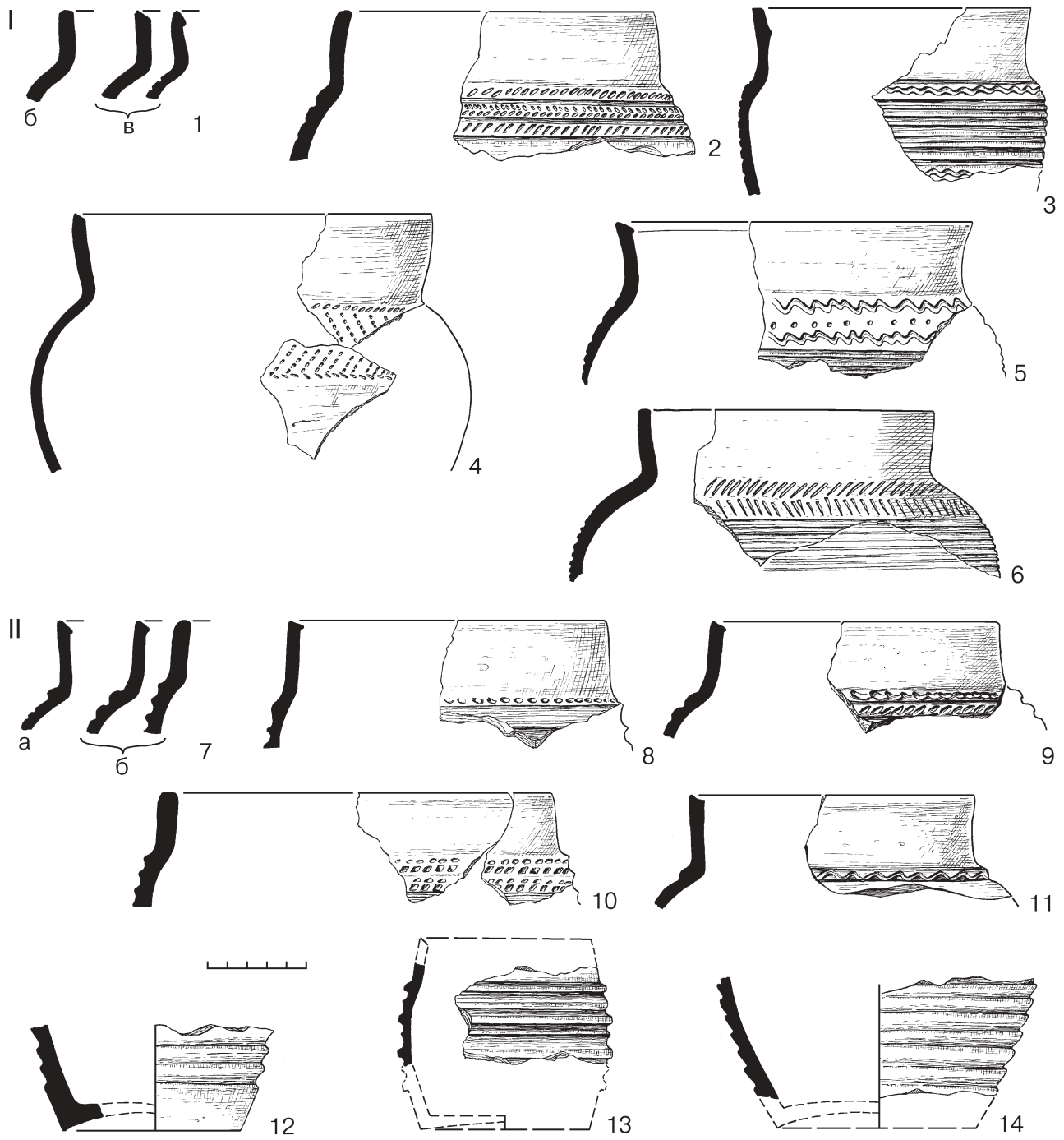


Рис. 41. Волковыск. Горшки с вертикальным горлом: 1–6 — тип I; 7–14 — тип II

Группа 2. Горшки с вертикальным горлом (рис. 41)

Горшки с вертикальным горлом составляют следующую по количеству группу посуды.[1] По форме тулова они не отличаются от обычных горшков, но имеют вертикальное или слегка наклоненное внутрь прямое горло. Диаметр венчика равен 14–25 см, чаще — 14–16 см, но, как исключение, и значительно больше (до 40 см).

[1] Зверуго Я. Г. Древний Волковыск … С. 66.

Сосуды эти, как и другая посуда, сделаны из глины с примесью песка или дресвы и имеют обычно трехслойный обжиг. Толщина стенок — 0,5–0,6 см. Ранние их экземпляры обточены на круге только по горлу, более поздние — по верхней части и целиком.

Горшки с вертикальным горлом богато орнаментированы. По приемам декорировки наружной поверхности они подразделяются на два основных типа с несколькими разновидностями.

Тип I имеет тот же орнамент, что и обычные горшки, то есть в основном волнисто-линейный, нанесенный гребенкой или чаще палочкой. Но на этих сосудах он особенно часто встречается в сочетании с разного рода наколами — круглыми, овальными, косыми гребенчатым, и насечками (рис. 41: 1–6). Богатство орнаментации и отсутствие следов нагара на многих из них позволяют предположить, что часть горшков с вертикальным горлом служила столовой посудой, возможно, для содержания жидкостей.

По оформлению края горла горшки I типа имеют два вида, соответствующие новогрудским Iб (с горизонтально срезанным краем, иногда с закраиной) и Iв (с краем, скошенным внутрь).

Тип II характеризуется применением, во-первых, налепных валиков (одного или нескольких), украшенных наколами и насечками, а, во-вторых, широких и глубоких горизонтальных желобков (каннелюр) (рис. 41: 7–12). Некоторые сосуды II типа со слегка наклонным внутрь горлом и покатыми плечиками, возможно, имели широкое днище и бочковидную форму, как один маленький сосуд, происходящий с Замчища[1] (рис. 41: 13).

Горшки с вертикальным горлом обнаружены на всех трех возвышенностях в культурных напластованиях конца X–XIII в. Но сосудов II типа значительно меньше, чем I типа.

Группа 3. Миски (рис. 42)

Миски, представленные различными формами, можно подразделить на три основных типа, соответствующих новогрудским мискам.

Тип I — горшкообразные миски с отогнутыми наружу венчиками, превосходящими по диаметру слабо выраженные плечики. Диаметр венчика — 18–20 см, его край прямо или косо срезан, иногда скруглен и загнут внутрь (рис. 42: 1–5).

Тип II — миски с почти прямыми конусообразно суживающимися стенками, верхний край которых косо срезан или скруглен (рис. 42: 8–9).[2]

Тип III — миски со слегка выпуклыми стенками и отогнутым простым венчиком (рис. 42: 10, 12–13). Диаметр устья — 14–20 см. Возможно, что этим мискам, целиком не сохранившимся, принадлежали придонные части с пологими стенками и днищем, выступающим за основание стенок (рис. 42: 11, 14). С одним из типов мисок связаны, видимо, найденные в нескольких экземплярах ручки в виде петли или кольца с круглым сечением (рис. 42: 6, 7). След от ручки имеется на одном фрагменте миски I типа. Ручкой был, вероятно, снабжен также сосуд, похожий по форме на миску I типа, но имеющий слив (рис. 42: 2).

Миски орнаментированы горизонтальными линиями, редко — в сочетании с волнистой и, как исключение, косыми наколами. Многие миски совсем не декорированы. По составу теста, способу формовки и обжигу миски не отличаются от горшков, соответствующих им по времени.

Миски происходят главным образом со Шведской горы (единичные экземпляры с Замчища) и связаны с пластами второй половины XII–XIII в.

Группа 4. Кувшины и крынки

Кувшины и крынки как самостоятельная группа в Волковыске выделены быть не могут, так как фрагменты кувшинов очень малочисленны и некоторые из них сомнительны, а крынка обнаружена лишь одна.[3] К кувшинам можно лишь весьма условно отнести один фрагмент стенки сосуда с ручкой, имеющей круглое сечение, подобно ручкам новогрудских кувшинов I типа. Но форма тулова у волковыского сосуда, видимо, иная. Диаметр тулова равен приблизительно 16 см. От горловины сохранилось лишь

[1] Зверуго Я. Г. Указ. соч. Рис. 24: 9.
[2] Зверуго Я. Г. Указ. соч. С. 67. См. миски двух типов на рис. 24: 2, 4, 6–8, 11–12.
[3] Зверуго Я. Г. Указ. соч. Рис. 23: 10.

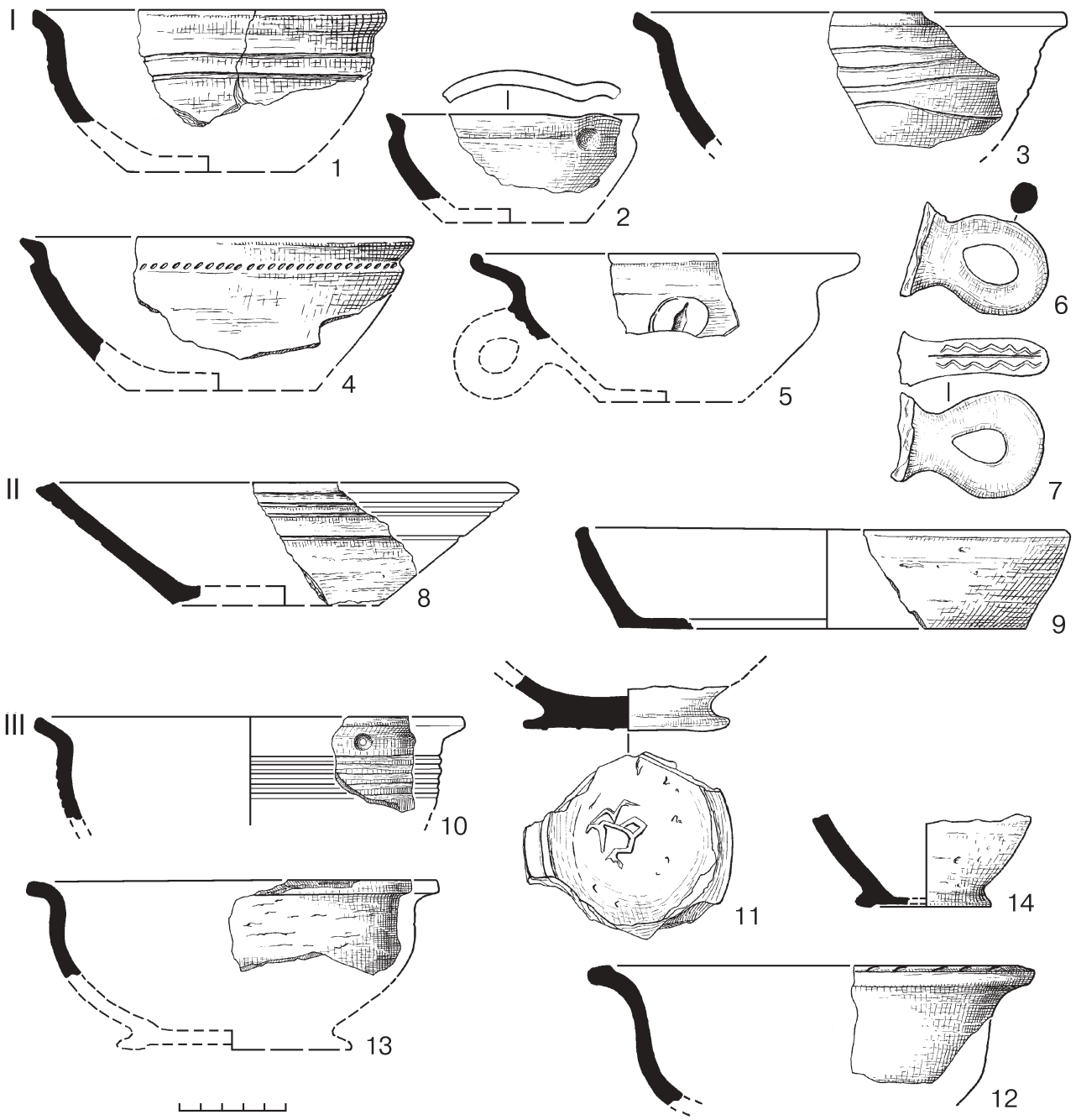


Рис. 42. Волковыск. Миски: 1–7 — тип I; 8–9 — тип II; 10–14 — тип III

основание с треугольным в сечении валиком. Тулово покрыто линейным орнаментом. Фрагмент найден на Шведской горе и относится к XII и XIII в.

Группа 5. Сосуды для хранения запасов (рис. 43)

Эта группа очень малочисленная и представлена крайне фрагментарно. Она определяется, как и в Новогрудке, главным образом по фрагментам стенок большого диаметра — 26–40 см, которые отличаются от других наличием налепных валиков, большей частью конструктивного, а не декоративного назначения (рис. 43: 3, 5–7). Такие валики расположены на наиболее широкой части тулова, а иногда

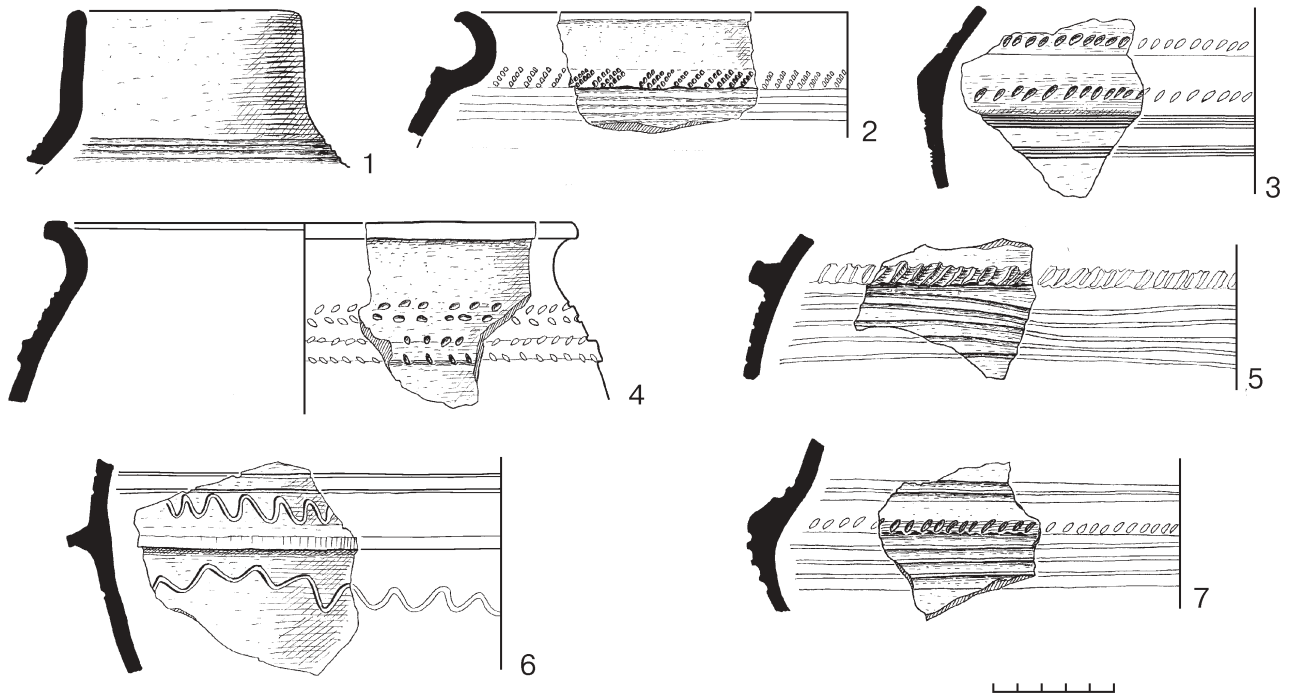


Рис. 43. Волковыск. Сосуды для хранения запасов:
1 — горловина корчаги I типа; 2, 4 — венчики корчаг II типа; 3, 5–7 — фрагменты стенок корчаг

также на плечике у основания шейки и на придонной части сосуда. Они имеют треугольное или трапециевидное сечение и часто украшены косыми наколами.

В Волковыске не найдены фрагменты горловин, которые с уверенностью можно было бы отнести к сосудам для хранения запасов. Однако на основании некоторых фрагментов можно все же условно выделить два типа сосудов — с вертикальным горлом (тип I) и с отогнутым наружу венчиком (тип II). К вертикальным горловинам можно отнести фрагмент из культурного слоя Муравельника диаметром 9 см, высотой 4 см. Горловина переходит в покатое плечико с линейным орнаментом (рис. 43: 1). Ко II типу относятся фрагменты сосудов с отогнутым наружу венчиком большого диаметра 22–32 см, низкой шейкой с валиком у ее основания. Валик украшен косыми гребенчатыми наколами или вдавлениями (рис. 43: 2, 4). К которому из двух типов относятся ранее упомянутые стенки, определить можно не всегда. Тем более нет данных для реконструкции полного профиля этих сосудов. Можно лишь предположить, что они, подобно новогрудским, повторяли формы больших зерновиков, известных по материалам других городов Древней Руси.

По составу теста, содержащего крупный песок или дресву, по технике выделки, толщине стенок, равной 0,6–0,8 см (за исключением одной, толщиной 1,1 см), охарактеризованные сосуды не отличаются от обыкновенных горшков.

Фрагменты сосудов для хранения запасов обнаружены на всех трех объектах. На Муравельнике они датируются концом X — первой половиной XI в., на Шведской горе и Замчище, видимо, — XI–XIII вв.

Группа 6. Мелкая столовая посуда (рис. 44)

Столовая посуда Волковыска, к которой отнесены сосуды небольших размеров без следов копоти и нагара, несколько расходится по набору форм с подобной керамикой Новогрудка. Близки новогрудским лишь маленькие горшочки (рис. 44: 1–4), которые, впрочем, не столь миниатюрны, как последние. Диаметр их венчиков равен 8–10 см, за исключением одного, с диаметром 6 см. По форме тулова и профилю венчика они не отличаются от кухонных горшков. По богатству орнаментации выделяются два сосуда, украшенные узкими налепными валиками, покрытыми косой насечкой (рис. 44: 2–3). На одном

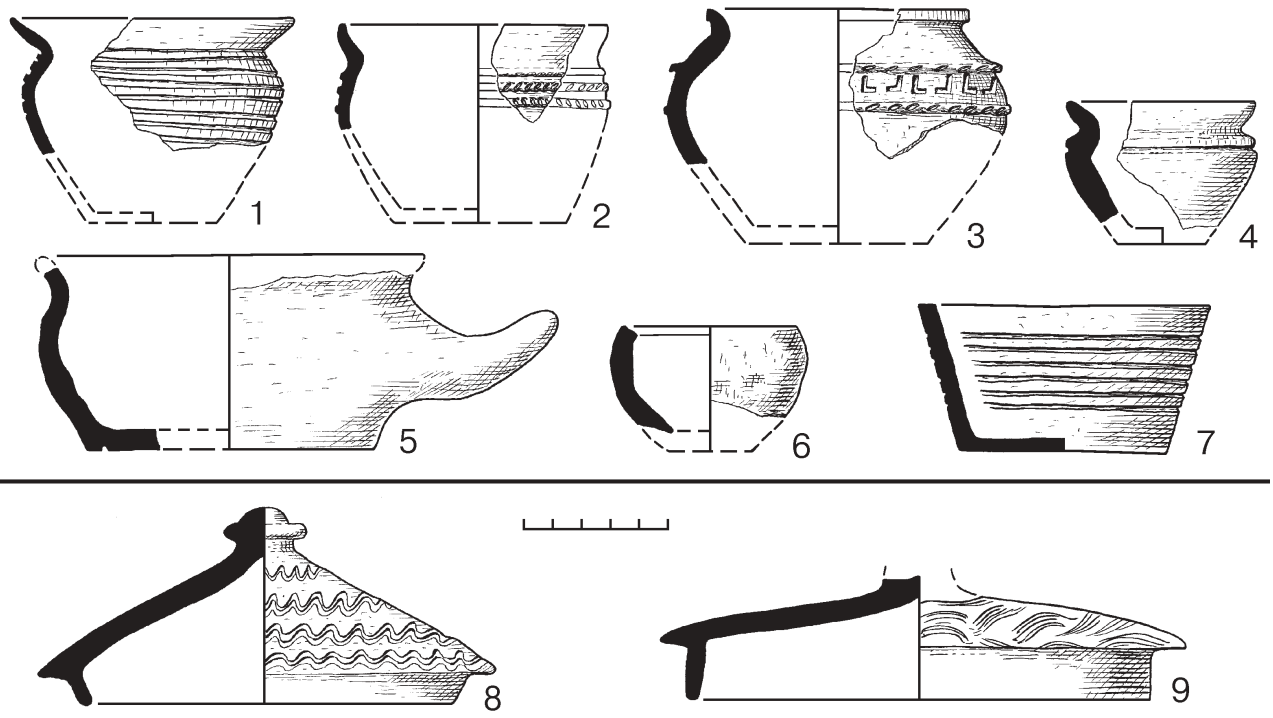


Рис. 44. Волковыск. Столовая посуда и крышки:
1–4 — маленькие горшочки; 5 — чашка-черпак; 6 — чашечка; 7 — мисочка; 8–9 — крышки

из них между валиками нанесен орнамент штампом. В таких горшочках могли подавать на стол масло, сметану и другие продукты.

В Волковыске нет высоких кружек, которые в небольшом количестве изготовляли в Новогрудке, зато выделяется группа столовой посуды, не обнаруженная в Новогрудке, названная **чашечками-черпаками**.[1] Это сосуды с прямыми коническими или слегка выпуклыми стенками, иногда с отогнутым венчиком и ручкой в виде рога (рис. 44: 5). Большая часть их имеет очень небольшие размеры: диаметр устья 8–13 см, дна — 7–10 см, высота — 4–8 см, длина ручки — 4–5 см, ее диаметр — около 2 см. Почти все они без орнамента. Вероятно, только самые крупные из этих сосудов могли служить **черпаками**, а остальные являлись чашечками с ручками. К разновидностям чашечек относится маленький сосудик с почти прямыми, округлыми стенками, покрытыми волнистыми линиями, и имеющий следы основания петлевидной ручки.[2] Диаметр устья равен 7,5 см, дна — 8 см, высота — 5 см.

Для приема пищи служили, видимо, и небольшие **мисочки** конической или горшкообразной формы с диаметром устья 10–11 см, дна — 7–8 см и высотой 4–5 см, иногда орнаментированные горизонтальными линиями (рис. 44: 6–7),[3] а также небольшой сосуд бочковидной формы, украшенный глубокими горизонтальными желобками и волнистыми линиями между ними (диаметр устья — 8,5 см, высота — 10,5 см).[4]

Некоторые сосуды очень маленьких размеров — горшочки, чашечки и мисочки — могли служить солонками или являлись детскими игрушками (рис. 44: 4, 6).

Мелкая столовая посуда найдена в небольшом количестве на Шведской горе и Замчище в напластованиях преимущественно XII–XIII вв.

Сковородки и **жаровни**, представленные в Волковыске лишь единичными фрагментами, не могут быть подробно охарактеризованы. Отметим только, что сковороды, в отличие от новогрудских, сделаны целиком вручную.

---

[1] Зверуго Я. Г. Указ. соч. С. 67, рис.23: 9, 18, 20; 24: 1.
[2] Там же. Рис. 24: 3.
[3] Там же. Рис. 23: 19, 21.
[4] Там же. Рис. 24: 9.

Латки в Волковыске пока не обнаружены.

Крышки. Среди крышек, составляющих небольшую группу глиняных изделий выделяются два типа:

Тип I — крышки преимущественно конической формы с карнизиком, приспособленным для покрытия горшков с отогнутым венчиком (рис. 44: 8).

Тип II — грышки конической или слегка сферической формы для покрытия горшков с вертикальным горлом (рис. 44: 9). У одной крышки, в отличие от других, нет карнизика и головки. Она имеет плоский верх, как аналогичная крышка из Новогрудка. Почти все крышки богато орнаментированы сочетанием круговых линий с волнистыми или с разного рода наколами.[1]

* * *

Хронологические рамки существования основных групп керамики в Новогрудке и в Волковыске почти полностью совпадают. Очень близок также ассортимент посуды двух периодов в истории этих городов: первого, связанного с временем возникновения поселений и формирования города (вторая половина X–XI в.), когда набор форм посуды был очень ограниченным (кухонные горшки, горшки с вертикальным горлом, сковороды, жаровни и единичные обломки сосудов для хранения запасов), и второго, соответствующего времени расцвета городов — XII — первая половина XIII в., к которому относятся все рассмотренные группы керамики, кроме сковородок и жаровен. Что касается третьего периода в истории обоих городов, то в Волковыске он был настолько кратковременным (вторая половина XIII — первая половина XIV в.) и связан с затуханием города, что новые формы глиняной посуды не успели возникнуть. В Новогрудке же третий период знаменует собой новый этап в истории города и, как уже было отмечено, разнообразные группы керамики, возникшие в это время, в данную работу не входят.

В заключение необходимо отметить, что анализ керамического материала волковыского археологического комплекса и, прежде всего, выявление взаимовстречаемости различных типов посуды на трех его возвышенностях, дает возможность, как нам представляется, уточнить время заселения и укрепления каждой из них, а также установить тесную взаимосвязь Шведской горы, Замчища и Муравельника в истории становления города.

Самый ранний керамический материал и, что особенно важно, хорошо выраженный в стратиграфическом отношении, представлен только на Шведской горе в углистой прослойке толщиной до 30 см, лежащей непосредственно на материке и заходящей под насыпь вала. Речь идет о раннегончарных горшках вида Iд, которые найдены в сочетании с небольшим количеством горшков вида Iа. Других форм керамики в нижней углистой прослойке нет. Горшки, аналогичные виду Iд, известны в городах Юго-Западной Волыни, где они датируются не позднее, чем серединой X в.[2] Эти данные в сочетании с тем, что в нижней углистой прослойке на Шведской горе нет горшков с карнизиком, появляющихся в Новогрудке и других городах Руси в конце X в., позволяют датировать ее и соответственно заселение этой возвышенности серединой или третьей четвертью X в. (50–80-ми годами), как это делает и Я. Г. Зверуго по совокупности всего материала.[3] Отсутствие горшков волынского типа (Iд) на Муравельнике и лишь единичные их фрагменты на Замчище, а также сочетание в самых нижних пластах этих поселений раннегончарных горшков (вида Iа и Iб) с более развитыми их формами (тип II — с карнизиком) свидетельствует об освоении Замчища и Муравелъника в конце X — начале XI в., что тоже совпадает с выводами Я. Г. Зверуго.[4]

Отдельно следует рассмотреть вопрос о времени укрепления каждой возвышенности. Я. Г. Зверуго на том основании, что на Шведской горе вал лежит непосредственно на упомянутой выше углистой прослойке, сооружения которой были уничтожены пожаром в конце X в., относит насыпку вала к этому же времени. Однако нам представляется, что после пожара жизнь на Шведской горе временно прекратилась

---

[1] Зверуго Я. Г. Указ. соч. С. 67, рис. 23: 2; 24: 13–16.

[2] Rauhut L. Osadnictwo wczesnośnosredniowieczne w Strzyżowie, pow. Hrubieszów // WA. T. XXIV. Z. 1–2. 1957. S. 113–128, tabl. XIV, 5, 7, 11–13; XV, 1, 4, 6; XVI, 3–4, 6–7; Малевская. М. В. Некоторые исторические связи Новогрудка в X в. // КСИА. Вып. 129. 1972. С. 14–18.

[3] Зверуго Я. Г. Древний Волковыск … С. 13–15, 20.

[4] Там же. С. 15–20; Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. … С. 70.

и население переместилось на соседние возвышенности — Замчище и Муравельник, что согласуется с временем их заселения. Такое предположение возникает в связи с тем, что на Шведской горе слой, заключенный между нижней углистой прослойкой и напластованиями XII–XIII вв., датированный Я. Г. Зверугой XI в., очень беден находками и, в частности, даже керамикой. Она представлена здесь такими же раннегончарными горшками, как в нижнем углистом слое (виды Iа и Iд) и лишь единичными фрагментами горшков более развитых типов — II и IV. Между тем, горшки II типа характеризуют собой слой конца X–XI в. на двух других возвышенностях, в частности, на Муравельнике, где жизнь продолжалась с конца X до середины XI в., они составляют больше половины всей керамики. Следовательно, есть основания предполагать, что бедный находками слой, лежащий на нижней углистой прослойке, был насыпным, вероятно нивелировочным, связанным по времени с возведением вала. Сооружение же вала, видимо, несколько предшествовало началу нового периода жизни на Шведской горе, который по совокупности всех данных Я. Г. Зверуго справедливо датирует XI — первой половиной XIII в. Начало этого периода отнесено им к рубежу XI и XII вв. или к самому началу XII в., что подтверждается и керамикой. Таким образом, поселение на Шведской горе было, очевидно, укреплено только во второй половине, а вернее, в последней четверти XI в., когда и стало играть роль детинца.

Раньше других возвышенностей был укреплен Муравельник, вал которого насыпан непосредственно на материке и при этом в два приема: основание — из крупнозернистого материкового песка, а вершина, отделенная от него слоем пожарища (толщиной 20–30 см) — из чистого песка.[1]

Этот факт позволяет предположить, что первоначальный вал был насыпан еще тогда, когда на Шведской горе существовало открытое поселение, для жителей которого Муравельник мог служить городищем-убежищем. Когда же в конце X в. поселение на Шведской горе было уничтожено пожаром, жители его перешли на Муравельник и подсыпали вал, под прикрытием которого и поселились. Большая разница в мощности культурного слоя, достигавшего близ вала 2 м и сходившего на нет к центру площадки, свидетельствует о расположении построек вдоль его подножия. Как мы уже отмечали, прекращение жизни на городище Муравельник Я. Г. Зверуго относит к середине XI в., что вполне согласуется с составом керамики этого поселения. Однако большая мощность культурного слоя близ вала, с одной стороны, и укрепление валом Шведской горы, как это было показано выше, лишь в конце XI в., с другой, наводит на мысль о несколько более продолжительной жизни на Муравельнике: она охватывала, видимо, и третью четверть XI в. (или начало второй половины века), чему не противоречит керамика. Отсутствие на Муравельнике горшков III и IV типов, имеющихся в слое XI в. на Замчище, объясняется, видимо, возникновением этих форм в Волковыске только в последней четверти XI в.

Последним было укреплено поселение на Замчище, где вал насыпан на культурном слое XI в. По мнению П. А. Раппопорта, осуществившего прорезку вала, он был возведен в первой половине или, вероятно, даже в самом начале XII в.,[2] с чем согласен и В. Г. Зверуго.[3] Керамический материал также говорит скорее за начало века, чем за его середину.

Таким образом, суммируя сделанные выше наблюдения, можно сказать, что первые обитатели Волковыска, пришедшие, видимо, в середине X в. с Волыни, поселились на самой высокой возвышенности — Шведская гора и сразу же укрепили значительно менее высокий холм в 500 м к востоку от Шведской горы, который стал играть роль городища-убежища. В конце X в. после пожара, уничтожившего все постройки на первоначальном поселении, жители его перешли, в основном, на уже укрепленный Муравельник и, частично, на неукрепленное Замчище. В третьей четверти или в конце XI в. они стали укреплять Шведскую гору, превратив ее в детинец древнего города, на котором с рубежа XI и XII вв. началась интенсивная жизнь. В это время был покинут Муравельник. Вскоре после укрепления Шведской горы в начале XII в., возвели вал и на Замчище.

---

[1] Зверуго Я. Г. Раскопки на городище Муравельник в Волковыске // АО 1970 года. 1971. С. 310. К городищам-убежищам Муравельник относил П. А. Раппопорт, считая его наиболее ранним объектом волковыского комплекса, заброшенным в XI в., когда было основано поселение на Шведской горе. См.: Раппопорт П. А. Раскопки в Волковыске в 1959 г. // СА. 1963. № 1. С. 238.

[2] Раппопорт П. А. Раскопки в Волковыске в 1959 г. … С. 237.

[3] Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. … С. 70.

КЕРАМИКА ГОРОДИЩА ИНДУРА

Городище Индура находится в западной части Гродненской области, южнее Гродно, на западной окраине русских земель. В 1955–1956 и 1964 г. на нем производились раскопки под руководством К. Т. Ковальской, а в 1959 г. оно было обследовано П. А. Раппопортом.[1] Городище, расположенное на небольшом холме, состоит из двух частей: центральной площадки, окруженной валом диаметром 16–18 м, и второй площадки, более низкой, окружающей первую и также укрепленной валом. В культурном слое мощностью 0,5–0,8 м не выделяются стратиграфические горизонты; по всей вероятности, слой был перемешан.[2] Обнаруженные при раскопках большое количество керамики и целый ряд вещей (глиняные и шиферные пряслица, костяные проколки, наконечники стрел, пластинчатый браслет, подковообразные фибулы с усеченно-коническими головками и другие) позволили К. Т. Ковальской предварительно датировать городище XI–XIII вв. П. А. Раппопорт на основании своего обследования датировал его X–XI вв.[3] Анализ керамики дает возможность уточнить датировку городища.

Для написания данного раздела изучена часть коллекции керамики, хранящейся в Гродненском историко-археологическом музее (ГИАМ) и происходящая из раскопок К. Т. Ковальской (просмотрено всего около 900 фрагментов).[4]

СЫРЬЕ И ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ

На основании визуального исследования черепков можно сказать, что вся керамика сделана из местной цветной глины, содержащей в качестве отощителя дресву разной степени зернистости и, реже, крупнозернистый или среднезернистый песок. Поверхность сосудов большей частью красная или коричневая, иногда светло-желтая или серая. Исключение составляют единичные фрагменты посуды, сделанной из беложгущейся глины. Черепок в изломе трехслойный, реже красный или белый. Вся посуда сформована при помощи ленточной техники лепки и обточена на гончарном круге по венчику или в верхней части, реже — целиком. Толщина стенок сосудов колеблется от 0,4 до 1 см, но преобладает 0,5–0,7 см. В придонной части стенки утолщаются иногда до 1,5 см и плавно переходят в днище. В отличие от материалов Новогрудка и Волковыска днища сосудов Индуры чаще вогнутые, чем плоские. На многих днищах видны следы песка, дресвы или золы.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ ГОРОДИЩА ИНДУРА

Ассортимент посуды Индуры соответствует группам керамике раннего периода в истории Новогрудка и Волковыска. Больше чем на 90 % его составляют кухонные горшки, затем следуют горшки с вертикальным горлом, сосуды для хранения запасов и мелкая столовая посуда. Отсутствие сковородок и жаровен может быть объясняется недостаточной изученностью имеющейся коллекции. Вся посуда представлена очень фрагментарно, целых сосудов нет, и их не удалось восстановить даже графически.

Группа 1. Кухонные горшки (рис. 45)

Горшки эти делятся на три основных типа с несколькими разновидностями внутри каждого из них.

Тип I соответствует в основных чертах горшкам I типа Новогрудка и Волковыска. Он характеризуется простым отогнутым наружу венчиком с прямо или косо срезанным краем, мягко, реже круто изогнутой шейкой и обычно покатыми плечиками. Диаметр венчика колеблется от 11 до 23 см, преобладает 16–22 см. По оформлению края венчика среди горшков I типа выделяются разновидности, соответствующие новогрудским Iа, Iб, Iв, Iг, на описании которых можно не останавливаться (рис. 45: 1–7). Особо

[1] Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель… С. 83–85, рис. 90.

[2] Сведения, любезно сообщенные автору К. Т. Ковальской; см. также: Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. … С. 89–91, рис. 51.

[3] Раппопорт П. А. Указ. соч. С. 85.

[4] Автор приносит большую благодарность научному сотруднику ГИАМ, начальнику экспедиции К. Т. Ковальской и директору музея Н. И. Соболю за предоставленную для изучения и публикаций керамику.

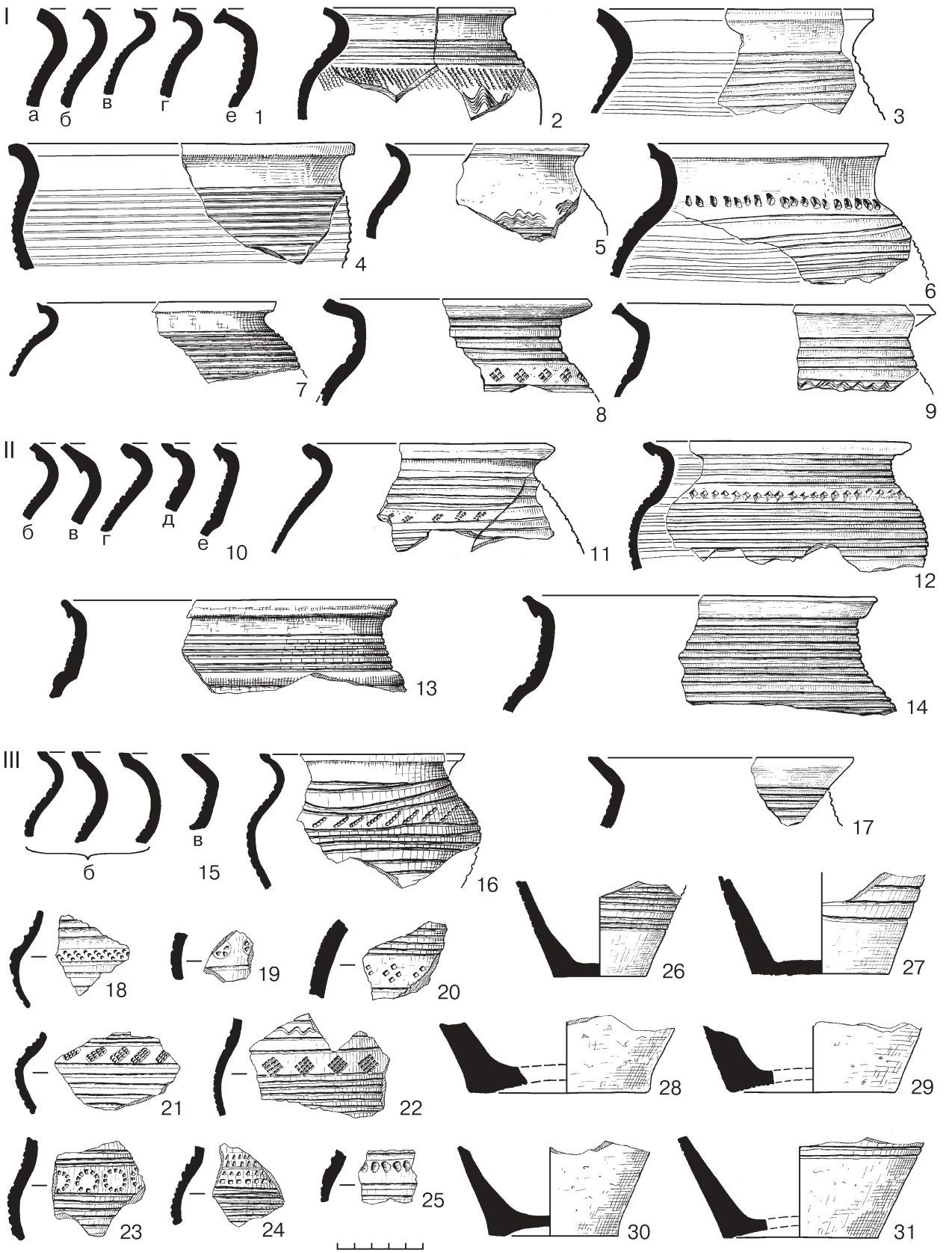


Рис. 45. Городище Индура. Горшки I, II и III типов: 1–9 — тип I; 10–14 — тип II; 15–17 — тип III.; 18–25 — орнаментированные стенки; 26–31 — придонные части

следует отметить одну разновидность горшков I типа Индуры, которые среди разновидностей горшков I типа Новогрудка и Волковыска не встречались (табл. 16). Имеются в виду горшки вида Ie, отличающиеся от других высокой вертикальной или слегка наклоненной внутрь шейкой, покрытой линейным орнаментом (палочкой или гребенкой; рис. 45: 8–9). На одном из них у основания шейки по плечику нанесена многорядная волна, а на другом — один ряд квадратного штампа. Венчик этого фрагмента резко отогнут и слегка прогнут; на двух других он прямой со слегка расширяющимся краем. Сосуды эти обращают на себя внимание в связи с тем, что в керамических материалах Новогрудка горшки с четко выделенной вертикальной или наклонной шейкой, покрытой линейным орнаментом, известны только среди горшков III и IV типов и датируются, в основном, второй половиной XI — первой половиной XII в. Выявление сосудов с прямой шейкой в сочетании с венчиками раннегончарных горшков свидетельствует о более раннем времени зарождения этой разновидности сосудов, что позволит, как мы увидим ниже, выяснить происхождение горшков с прямой орнаментированной шейкой, получивших название «дрогичинских».

Орнаментальные мотивы горшков I типа нанесены главным образом при помощи гребенчатого инструмента — многорядная волна, пояса линий, сплошное рифление и косые наколы, а также различные их комбинации. Иногда гребенчатый орнамент выступает в сочетании с нанесенным палочкой.

Тип II. Горшки этого типа также сходны в основных чертах с соответствующими сосудами Новогрудка и Волковыска. Они характеризуются главным образом наличием манжетовидного венчика, несколько более круто отогнутой шейкой и покатыми или округленными плечиками (рис. 45: 10–11). Среди горшков II типа имеются виды, соответствующие всем новогрудским и один, которого в Новогрудке и Волковыске нет. Это опять (как и среди сосудов I типа) горшки с четко выделенной высокой прямой шейкой, покрытой линейным орнаментом. Один фрагмент горшка II типа, у которого шейка не прямая, а изогнутая, плавно переходящая в плечико, но при этом покрытая горизонтальными линиями, как и тулово, можно считать формой, предшествующей образованию сосудов с прямой шейкой (рис. 45: 12). Интересно, что на этом фрагменте, как и на некоторых горшках этой разновидности I типа, у основания шейки между линейным орнаментом нанесен ряд наколов. На фрагментах с высокой шейкой в этом месте проходит полоса без орнамента (рис. 45: 13–14). Диаметр венчика этих сосудов равен 17–20 см. Горшки I и II типов с выделенной орнаментированной прямой шейкой составляют особенность керамического комплекса Индуры.

По своей орнаментации горшки II типа несколько отличаются от предшествующих тем, что, наряду с гребенчатым орнаментом (волнисто-линейным и штампом), чаще встречаются горизонтальные линии, нанесенные палочкой. Последние сочетаются не только с многорядной волной и рифлением, но и с наколами различной формы.

Тип III характеризуется горизонтально срезанным краем венчика, имеющего с наружной стороны едва заметный выступ (карнизик), и мягко изогнутой шейкой (рис. 45: 15–16). Один фрагмент с хорошо выраженной прямой шейкой, покрытой горизонтальными линиями, совсем лишен карнизика (рис. 45: 17). Горшки III типа самые малочисленные среди рассмотренных кухонных горшков.

Других типов горшков среди просмотренной части коллекции керамики Индуры не обнаружено.

Завершая характеристику кухонных горшков Индуры, необходимо еще остановиться на их богатой декорировке, что позволяют сделать многочисленные обломки орнаментированных стенок сосудов, принадлежащие в основном горшкам (рис. 45: 18–24), а также придонные части горшков, свидетельствующие о том, что орнамент покрывал всю их поверхность, не доходя до днища на 3–4 см (рис. 45: 26–31). Отметим заодно, что среди днищ преобладали вогнутые.

К декоративным элементам, не упомянутым ранее, относятся прежде всего разного рода штампы: несколько разновидностей гребенчатого штампа (двойной, тройной, в елочку), квадратный решетчатый (из 4-х и 16-ти квадратиков), штамп в виде колесика, круглый штамп из четырех треугольников и другие, а также наколы самой различной формы. Штампы и наколы, как правило, нанесены в один ряд и заключены между горизонтальными, реже волнистыми линиями. Но встречаются и более сложные их сочетания. К декоративным элементам керамики Индуры следует еще отнести налепные валики, иногда украшенные гребенчатыми наколами.

Богатство и разнообразие орнаментации керамики Индуры несомненно составляют еще одну особенность этого керамического комплекса.

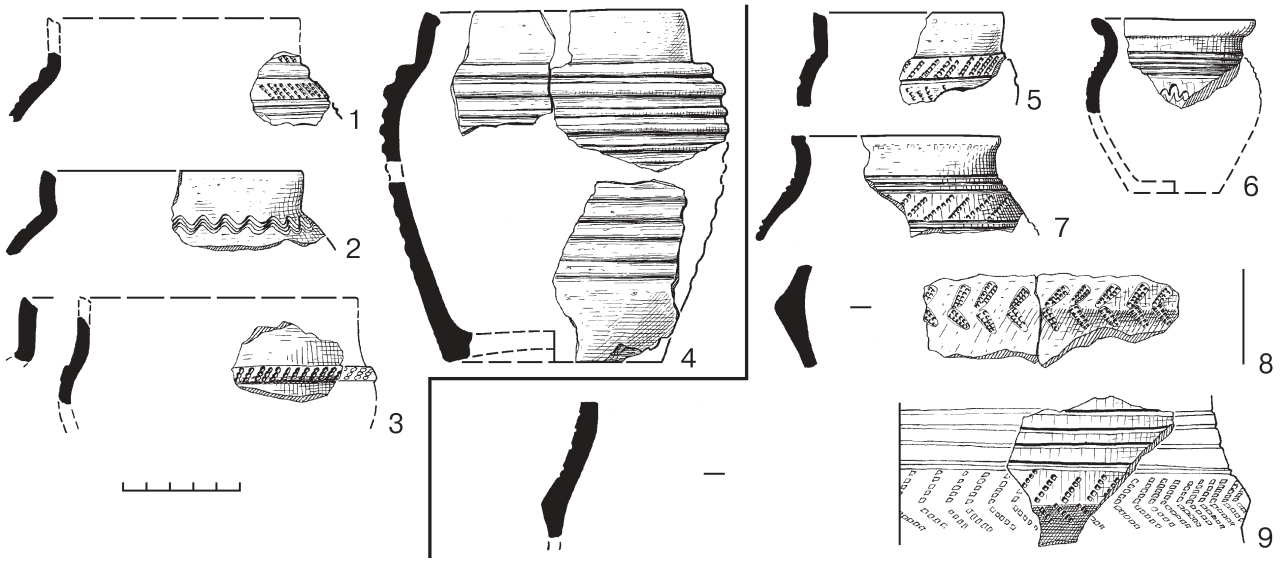


Рис. 46. Городище Индура:
1–4 — горшки с вертикальным горлом; 5–7 — столовая посуда; 8–9 — фрагменты стенок корчаг

Группа 2. Горшки с вертикальным горлом (рис. 46)

Для характеристики этой группы посуды слишком мало данных — три мелких фрагмента и обломки одного сосуда, профиль которого полностью восстанавливается. Можно все же отметить, что в Индуре, как и в других городах, различаются два типа горшков с вертикальным горлом, выделенные по способу их орнаментации. **Тип I**, не отличающийся по своей орнаментации от горшков с отогнутым венчиком, представлен только двумя фрагментами: один из них принадлежит сосуду, украшенному многорядной волной, нанесенной по плечику (рис. 46: 2); а другой — маленькому горшочку с рядами гребенчатого штампа, который включен нами в группу столовой посуды (рис. 46: 5).

Горшки II типа представлены двумя видами. К виду IIа относятся два фрагмента, украшенные валиком у основания горла (рис. 46: 1, 3); виду IIб принадлежит горшок с полным профилем, вся поверхность которого покрыта горизонтальными желобками полукруглого сечения, очень глубокими в верхней части и более мелкими в нижней. Размеры горшка: диаметр слегка наклоненного внутрь горла — 11 см, диаметр дна — 9,4 см, высота — около 15 см. Днище толстое и, видимо, слегка вогнутое (рис. 46: 4).

Среди проработанной части коллекции керамики Индуры не выявлены фрагменты мисок (группа 3) и кувшинов (группа 4), что представляется закономерным, так как обломков посуды этих двух групп нет также среди ранних материалов Новогрудка и Волковыска.

Группа 5. Сосуды для хранения запасов (рис. 46)

Об этих сосудах можно говорить лишь условно, на основании фрагментов двух стенок большого диаметра, снабженных треугольными в сечении налепными валиками. Одна из них принадлежит верхней части, видимо, широкогорлого сосуда (тип II) с валиком на плечике (рис. 46: 9). Диаметр сосуда по валику, украшенному гребенчатым штампом, приблизительно 30 см. Фрагмент другого сосуда, укрепленного валиком на уровне максимальной раздутости тулова, имеет диаметр около 40 см (рис. 46: 8). Обе грани валика тоже украшены гребенчатым штампом, но иного рисунка. Фрагменты горловин, которые можно было бы надежно связать с сосудами для хранения запасов, не выявлены.

Группа 6. Столовая посуда (рис. 46)

Эта группа керамики, как и предыдущая, выделена условно, поскольку к ней оказалось возможным отнести только маленькие горшочки. Один из них, с отогнутым наружу венчиком, имеет диаметр 7 см; он украшен по плечику рифлением, а ниже волнистой линией (рис. 46: 6). Второй маленький горшочек

имеет вертикальное горло диаметром 8 см, он орнаментирован горизонтальными желобками и косыми гребенчатыми наколами между ними (рис. 46: 5). На обоих сосудах нет следов накипи и закопченности.

Фрагментов других групп керамики среди просмотренных материалов Индуры не обнаружено.

Заканчивая обзор керамики городища Индура, можно попытаться уточнить время существования этого поселения.

Ассортимент керамики и типы наиболее многочисленной ее группы — кухонных горшков, во многом совпадают с таковыми нижних горизонтов окольного города Новогрудка и волковыского Замчища и почти полностью соответствуют керамическому комплексу городища Муравельник, датированного концом X — серединой или третьей четвертью XI в. На обоих городищах горшки с отогнутыми венчиками представлены только первыми двумя типами, причем и здесь, и там сосуды типа II (с карнизиком) более чем в два раза превосходят сосуды типа I. На обоих городищах горшки III типа, появляющиеся в Волковыске в середине или второй половине XI в., выступают лишь в формах, переходных от типа II и III и при этом только в единичных экземплярах. Горшки же IV типа, бытующие в Волковыске со второй половины или конца XI в., в Индуре и на Муравельнике отсутствуют полностью. Все эти данные, а также отсутствие в Индуре, как и на Муравельнике, наиболее ранней разновидности горшков I типа (Iд — волынский), обнаруженного в Волковыске лишь на поселении, погибшем в пожаре конца X в. (на Шведской горе), позволяют считать нижней хронологической границей городища Индуры конец X в., а верхней — середину или третью четверть XI в. Такой датировке не противоречит, как будто, и собранный вещевой материал.

КЕРАМИКА ГРОДНО

Керамика Гродно, в отличие от керамики других городов Черной Руси, уже была предметом исследования. Она рассмотрена Н. Н. Ворониным в его монографии «Древнее Гродно» наряду с другими археологическими материалами в рамках трех основных хронологических периодов истории города: 1) конца XI — начала XII в.,[1] 2) XII — первой половины XIII в.[2] и 3) второй половины XIII–XIV в.[3] В работе учтены керамические материалы как из раскопок Н. Н. Воронина 1949 г. в Старом замке, так и из предшествующих раскопок З. Дурчевского 1937–1939 гг. В каждом разделе дана краткая характеристика керамики и выявлены ее отличительные особенности, а иногда и связи с керамикой Древней Руси и Польши. Несмотря на это, представляется целесообразным остановиться на характеристике гродненской керамики более подробно. Это необходимо, во-первых, для того, чтобы получить возможность сравнить ее с керамикой других городов Черной Руси (выделив предварительно основные группы и виды посуды по тем же признакам, что и в других керамических комплексах), а во-вторых, для того, чтобы более подробно, чем в монографии иллюстрировать керамику Гродно рисунками, которые помогут составить о ней более полное представление.

В данной работе использованы хранящиеся в Гродненском историко-археологическом музее керамическая коллекция из раскопок Н. Н. Воронина 1949 г. на участках к югу и северу от Нижней церкви, а также частично — коллекция из раскопок 1937–1939 гг. З. Дурчевского на участке к западу от Нижней церкви (из слоев дерева 2, 4, 6 и 8).[4] Выделенные З. Дурчевским слои дерева от 1-го до 12-го (строительные горизонты) увязаны с культурными напластованиями южного и северного участков в соответствии с тем, как это сделано в монографии Н. Н. Воронина. Всего учтено около 1000 фрагментов керамики, из них около 400 венчиков различных сосудов. Так как в монографии Н. Н. Воронина использовано значительно больше керамики, то мы будем приводить в некоторых случаях сделанные им наблюдения (например, в соотношении орнаментальных мотивов и некоторые другие).

[1] Воронин Н. Н. Древнее Гродно / МИА. № 41. 1954. С. 40–42.

[2] Там же. С. 58–61.

[3] Там же. С. 168–170.

[4] Автор приносит большую благодарность директору ГИАМ Н. И. Соболю и научному сотруднику К. Т. Ковальской за предоставленную ей возможность в 1969 г. ознакомиться с керамикой Гродно.

СЫРЬЕ И ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Керамическая масса гродненской посуды, насколько о ней можно судить лишь визуально, мало менялась на протяжении с конца XI до первой половины XIII в. В качестве примеси к глине использовали дресву, песок, иногда слюду, мел и толченую ракушку.[1]

В ранний период на рубеже XI и XII в. чаще применяли дресву, позже преобладал песок, но и в XII–XIII вв. встречается посуда из очень грубого теста, также как в ранний период есть сосуды из теста с мелкозернистым песком. Обжиг, большей частью неравномерный, трехслойный, но есть и целиком красные, коричневые, желтые и серые в изломе черепки.

Вся посуда сделана с помощью гончарного круга, посредством ленточной техники. На более крупных фрагментах, найденных в нижних слоях, хорошо видны вертикальные или слегка наклонные следы пальцев гончара и лишь в верхней части, по венчику — горизонтальные. Посуда более позднего периода почти целиком обточена на гончарном круге. В нижнем культурном слое (конца XI — начала XII в.) преобладают днища слегка вогнутые, в последующее время — плоские. Гончарные клейма на днищах сосудов составляют очень небольшой процент. Как отмечает Н. Н. Воронин, в раскопках 1949 г. в напластованиях XII–XIII вв. было обнаружено всего лишь «6 клейм обычного для древнерусской керамики типа в виде круга, колеса, крестика и других менее выразительных начертаний».[2] В качестве подсыпки при формовке посуды использовались мелкая дресва, песок и зола. Иногда подсыпка совсем не прослеживается, видимо, в этих случаях применялась зола.[3] Толщина стенок сосудов колеблется от 0,5–0,6 до 0,8–1 см, при преобладании толщины в 0,6–0,7 см.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ ГРОДНО

Типологическая классификация керамики древнего Гродно не может претендовать на исчерпывающую полноту, в связи с тем, что глиняная посуда дошла до нас в крайне фрагментарном виде. Целых сосудов (вернее, восстановленных) всего 8 и относятся они, главным образом, к позднему периоду — XIII–XIV вв. Кроме того, многие группы посуды представлены всего 2–3 фрагментами. Как и в керамических комплексах других городов Руси, около 90 % посуды составляют кухонные горшки с отогнутым наружу венчиком.

Рассмотрим керамику Гродно в соответствии с теми группами посуды, которые были выделены среди других керамических комплексов городов Черной Руси.

Группа 1. Кухонные горшки (рис. 47–50)

Горшки с отогнутым наружу венчиком подразделяются на девять основных типов, из которых многие совпадают с соответствующими типами горшков Новогрудка, Волковыска и Индуры, а другие несколько отличаются от них.

Тип I, как и в других городах, характеризуется отогнутым наружу венчиком с прямо или косо срезанным краем и покатыми плечиками (рис. 47: 1–4). Среди венчиков горшков I типа можно выделить три разновидности, соответствующих новогрудским видам Iа, Iб и Iд. Диаметр венчика колеблется от 15 до 20 см. Толщина стенок — 0,4–0,8.

Горшки орнаментированы горизонтальными, реже, волнистыми линиями, нанесенными как частой гребенкой, так и палочкой. Важно подчеркнуть, что на некоторых фрагментах линейный орнамент покрывает не только плечики, но и шейку сосудов.

Горшки I типа обнаружены только в нижних напластованиях, связанных с первоначальным поселком и в нижней части нивелировочного слоя, предшествующего постройке в 80-х гг. X в. Нижней церкви, то есть относятся к концу XI — середине XII в.

---

[1] Воронин Н. Н. Указ. соч. С. 58.

[2] Воронин Н. Н. Древнее Гродно … С. 60.

[3] Для периода XII–XIII вв. Н. Н. Воронин приводит следующие данные о подсыпке: непосредственно на круге (без подсыпки) сформовано 120 экземпляров, с подсыпкой мелкой дресвы — 33 экземпляра, со следами подставного кружка — 25 экземпляров. Там же. С. 58.

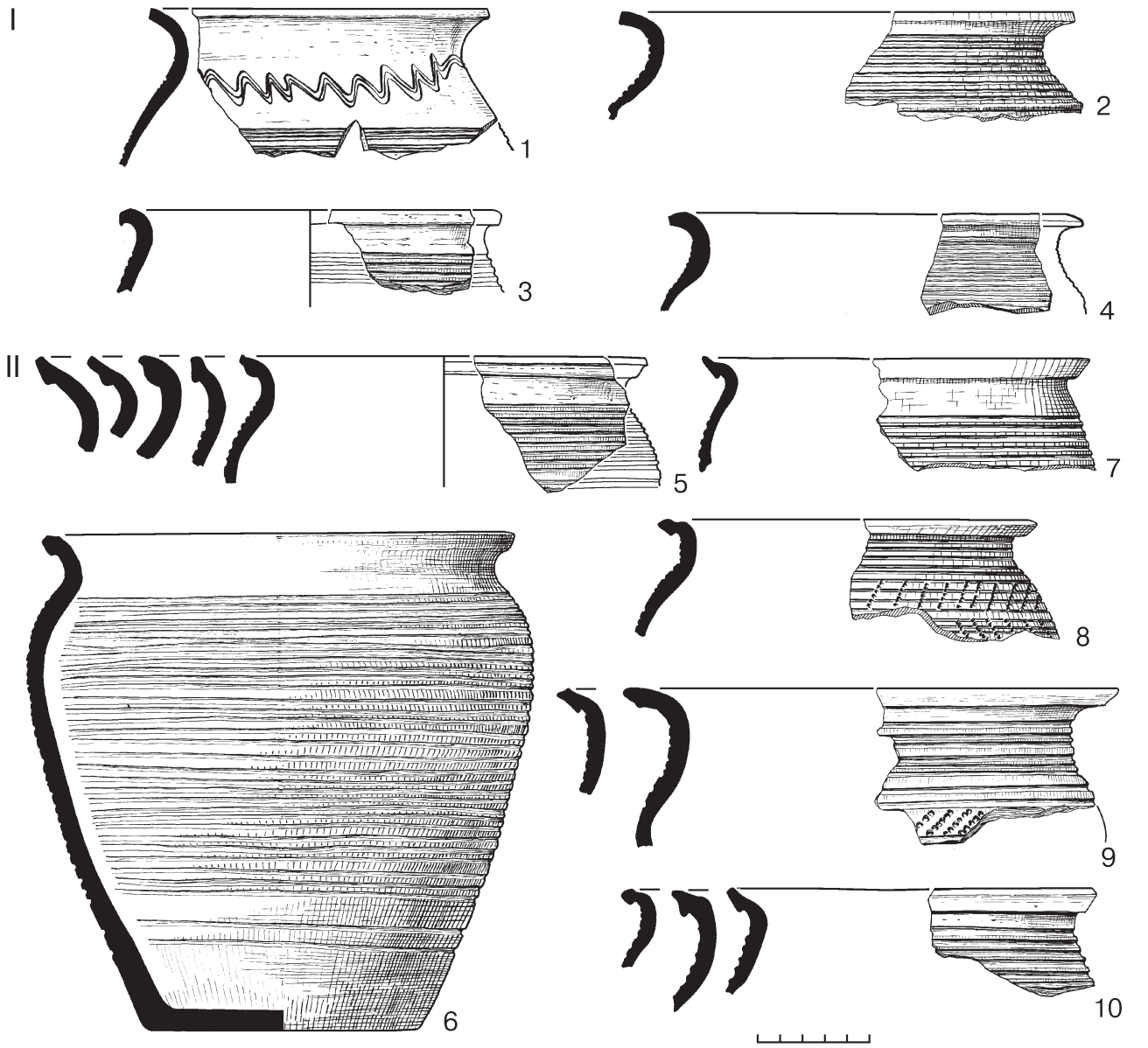


Рис. 47. Гродно. Горшки I и II типов: 1–4 — тип I; 5–10 — тип II

Тип II по основным признакам, из которых наиболее характерным является сложнопрофилированный манжетовидный венчик, совпадает с горшками II типа в Волковыске и Новогрудке (рис. 47: 5–10). Единственный горшок с полным профилем имеет следующие размеры: диаметр устья — 20 см, диаметр дна — 6 см, высота, равная максимальной раздутости тулова, приходящейся на 2/3 высоты сосуда — 22 см (рис. 47: 6).

Среди венчиков горшков II типа имеются разновидности, соответствующие новогрудским видам IIб, IIв, IIд. Но есть и такой вариант, который кроме Гродно встречен только в Индуре и на Замчище в Волковыске — IIе (рис. 47: 8–10). Его отличительной особенностью является четко выраженная шейка, вертикальная или слегка наклонная, покрытая, как и тулово, линейным орнаментом. На некоторых фрагментах у основания шейки по плечику гребенчатым штампом нанесен ряд косых наколов (рис. 47: 8–9).

Диаметр горшков II типа колеблется от 16 до 24 см. Они найдены, как и горшки I типа, в культурном слое первоначального поселка и в слое строительства Нижней церкви, то есть относятся к концу XI — концу XII в.

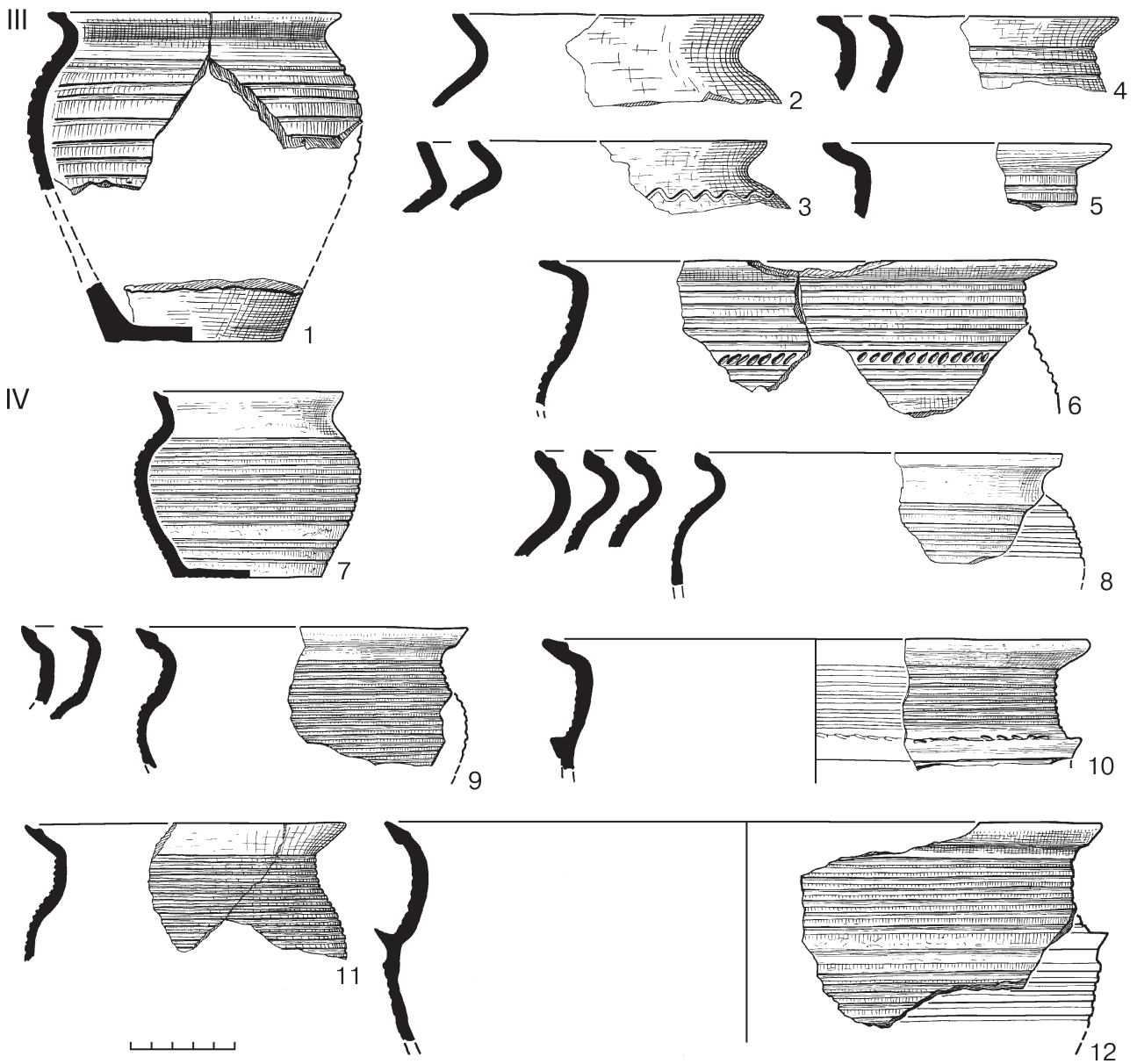


Рис. 48. Гродно. Горшки III и IV типов: 1–6 — тип III; 7–12 — тип IV

Тип III характеризуется горизонтально срезанным краем отогнутого наружу венчика (рис. 48: 1–6). Один графически реконструированный горшок имеет следующие размеры: диаметр устья — 14 см, диаметр дна — 8 см, максимальная раздутость тулова, приходящаяся на 2/3 высоты, составляет, как и высота сосуда, 16 см (рис. 48: 1). Горшок орнаментирован горизонтальными линиями, нанесенными палочкой по большей части тулова. Среди венчиков горшков III типа имеется несколько вариантов, в основном соответствующих новогрудским видам IIIа, IIIб и IIIв. При этом надо отметить, что вид IIIв, характеризующийся выделенной наклонной или вертикальной шейкой, украшенной линейным орнаментом (как и некоторые горшки II типа), составляет около половины всех фрагментов горшков III типа (рис. 48: 4–6). Интересно, что на одном фрагменте таких горшков по плечику у основания шейки нанесен ряд косых семечковидных вдавлений (рис. 48: 6).

Горшки типа III орнаментированы почти исключительно горизонтальными линиями (как палочкой, так и гребенкой). Они найдены также преимущественно в слоях конца XI — середины XII в., но, возможно, доживают до конца XII в.

Тип IV по ряду признаков близок типу III, но имеет иной профиль венчика: край его слегка утолщен с внутренней стороны и скошен, образуя при этом небольшую закраину. Иногда по утолщению проходит желобок (рис. 48: 7–8). Диаметр венчиков колеблется от 13 до 34 см, преобладает 16–20 см. Один маленький горшочек IV типа сохранился полностью (рис. 48: 7). Его размеры: диаметр венчика и высота — 9 см, диаметр дна — 7 см. Больше половины горшков IV типа имеет длинную вертикальную или наклонную шейку, украшенную, как и тулово, горизонтальными линиями или рифлением (рис. 48: 9–12). Среди этих горшков выделяется несколько экземпляров, отличающихся от других большими размерами (диаметр венчика — 26–39 см) и наличием у основания шейки налепного валика или острого ребра (рис. 48: 10, 12). Весьма вероятно, что эти сосуды, как и другие, снабженные для прочности валиками, были предназначены для хранения запасов.

Горшки IV типа найдены в тех же напластованиях, что и предшествующие, то есть относятся к концу XI — середине XII в.

Тип V в Гродно почти не обнаружен. Несколько мелких обломков венчиков с округло загнутым внутрь краем не дают возможности охарактеризовать этот тип сосудов, хорошо известный по материалам других городов, где он большей частью является ведущим типом в XII–XIII вв. (рис. 49: 1).

Тип VI, как и другие, совпадает в основных чертах с новогрудскими горшками VI типа: он имеет отогнутый наружу венчик с прямо срезанным краем, слегка оттянутым вверх и образующим упор для крышки; шейка короткая; плечики высокие (рис. 49: 2–5). Диаметр устья колеблется от 13 до 20 см, преобладает 14–16 см. Горшки VI типа украшены в основном горизонтальными линиями, которые в отличие от орнаментации горшков предшествующих типов нанесены почти исключительно палочкой. Иногда по шейке или плечику нанесена волнистая линия. Большую часть горшков VI типа составляет разновидность, характеризующаяся резким отгибом прямого венчика и почти отсутствием шейки, замененной перехватом (рис. 49: 5). Этот вид горшков VI типа является переходным к горшкам VII типа.

Горшки VI типа в нижних слоях древнего Гродно не обнаружены. Основная масса их приходится на первую половину XII в. и, частично, на вторую его половину.

Тип VII характеризуется прямым резко отогнутым венчиком, край которого скошен внутрь (реже — горизонтально срезан) и имеет закраину с внутренней стороны (рис. 49: 6).

В Гродно по профилю горшка выделяется одна разновидность горшков VII типа, которая в других городах почти не встречается. Эти горшки имеют слегка выгнутый наружу, а не прямой венчик («горбатый», по определению Н. Н. Воронина) со скошенным внутрь краем и с небольшим уступом с наружной стороны (рис. 49: 7–12). Шейка, как правило, очень низкая (перехват), плечики довольно крутые, максимальная раздутость тулова приходится приблизительно на $^2/_3$ высоты сосуда. Диаметр горла колеблется от 11 до 27 см. Горшки VII типа орнаментированы горизонтальными линиями (иногда в сочетании с волнистой). Гродненский вариант с выгнутым венчиком иногда снабжен налепными валиками (одним или двумя), украшенными косой насечкой или вдавлениями (рис. 49: 7, 8, 11).

Горшки VII типа в нижних культурных слоях не обнаружены. Основная масса их связана со слоями, возникшими после пожара первоначального поселка, остальные — с более поздними напластованиями, включая слои пожара 1183 г. Иначе говоря, горшки VII типа датируются XII — началом XIII в.

Тип VIII — наиболее многочисленный (137 фрагментов венчиков от 5 горшков). Он характеризуется, как в Волковыске и Новогрудке, возвратом к простой форме венчика со скругленным или прямо срезанным краем, шейка плавно изогнутая или перехват, плечики чаще крутые, чем покатые, тулово сильно раздуто в средней части или на уровне $^2/_3$ высоты (рис. 50: 1–5). Судя по целым экземплярам, горшки эти имеют довольно приземистые пропорции; максимальный диаметр тулова несколько превосходит высоту сосуда. Диаметр венчика колеблется от 12 до 24 см, преобладает 16–20 см; диаметр днищ (всегда плоских) — 10–11 см.

Горшки VIII типа, в отличие от предшествующих, орнаментированы не только горизонтальными линиями, составляющими около половины орнаментальных мотивов, но и волнистыми, или сочетанием тех и других. При этом волнистые линии нанесены обычно только по плечикам. Как исключение встречается косая насечка, многорядная волна и налепные валики с косой насечкой.

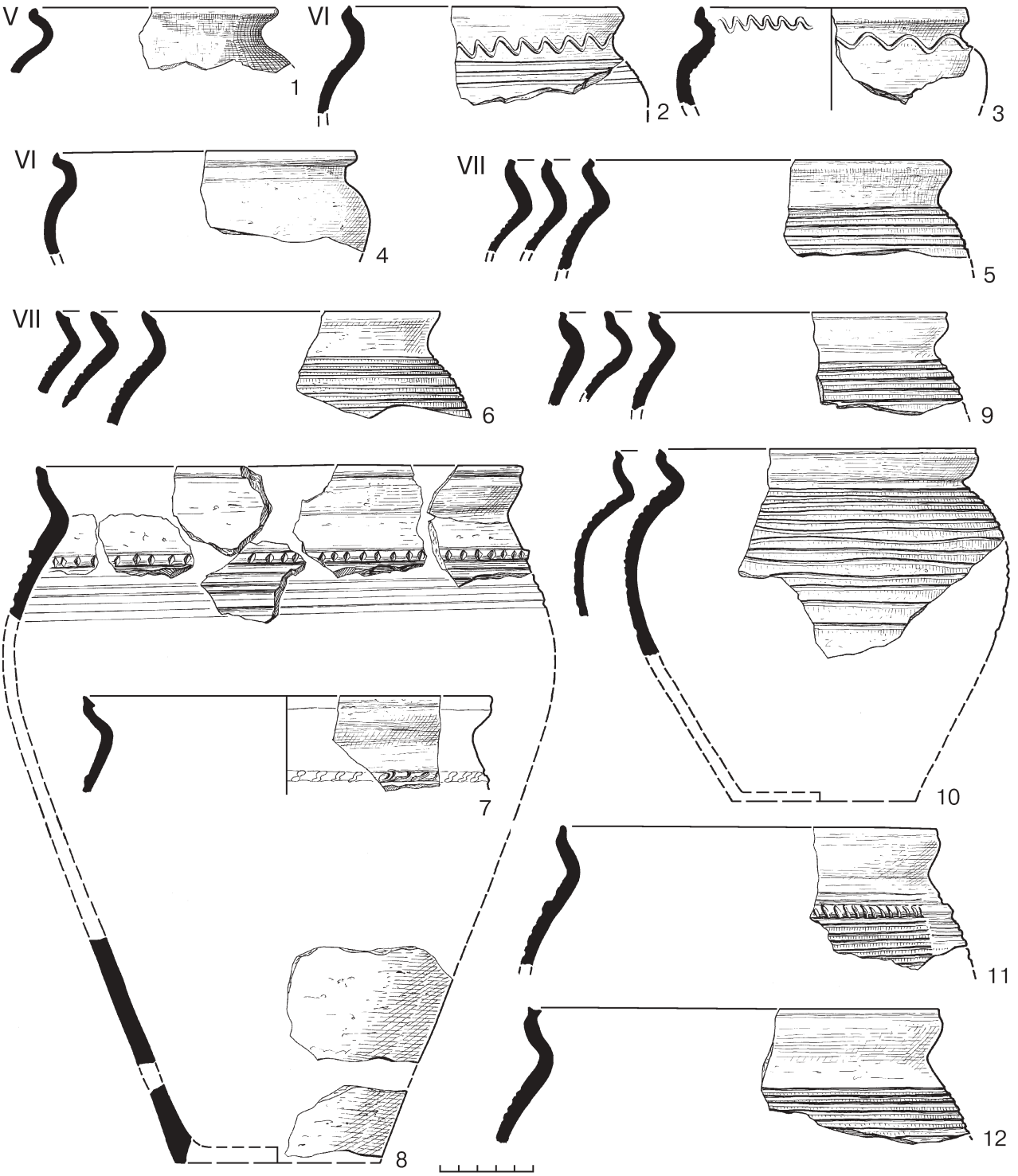


Рис. 49. Гродно. Горшки V, VI и VII типов:
1 — тип V; 2–5 — тип VI; 6–12 — тип VII

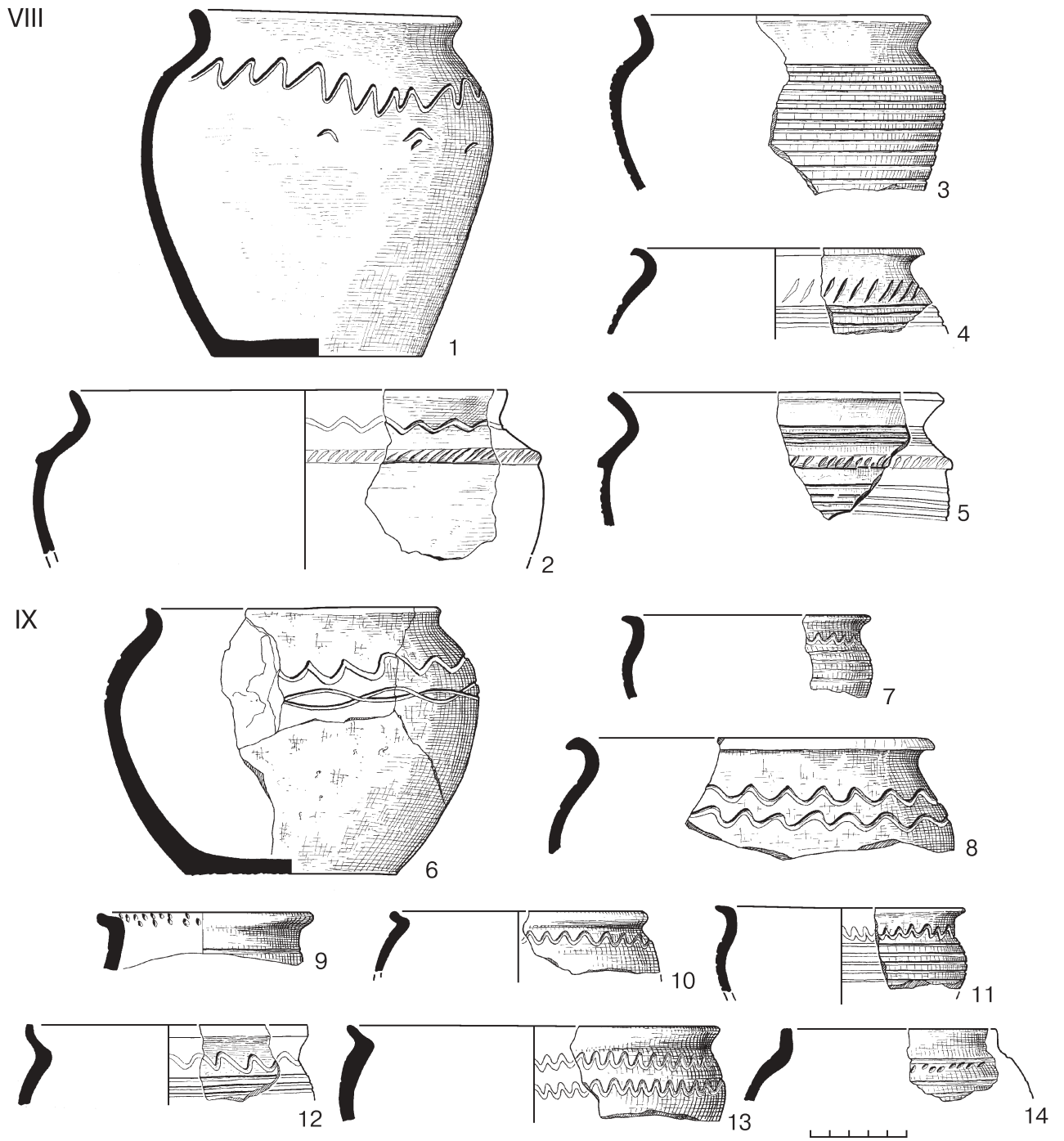


Рис. 50. Гродно. Горшки VIII и IX типов: 1–5 — тип VIII; 6–8 — тип IX. 9–14 — индивидуальные формы

Горшки VIII типа появились в культурных отложениях, образовавшихся во второй половине XII в., и бытовали, в отличие от горшков VII типа, вплоть до XIII–XIV, а может быть XV в.

Тип IX представлен тоже не только обломками, но и целыми сосудами (64 фрагмента венчика и 3 целых сосуда; рис. 50: 6–8, 11). Они имеют отогнутый наружу короткий венчик с округлым и часто сужающимся краем, мягко изогнутую шейку, покатые плечики и большей частью округлое, а не конусовидное тулово. По пропорциям горшки IX типа приземисты: максимальная раздутость тулова превосходит высоту сосуда. Диаметр горла колеблется от 13 до 20 см, высота — 11–18 см. По всем этим признакам

гродненские горшки близки горшкам IX типа других городов Черной Руси. По орнаментации, среди которой преобладает одна–две волнистых линии или сочетание с горизонтальными, гродненские горшки IX типа отличаются от новогрудских, украшенных чаще косыми вдавлениями.

Горшки IX типа найдены в единичных экземплярах в слое конца XII в. и в большом количестве в вышележащих напластованиях. Они связаны как с русским Гродно, так и с литовским периодом его истории — второй половиной XIII–XIV в.

Индивидуальные формы горшков. Кроме основных типов горшков с отогнутым наружу венчиком, в Гродно, как и в других городах, имеется небольшое количество фрагментов сосудов иного профиля, не объединяющихся в четко выраженные типы. Можно отметить, что выделяются фрагменты, характеризующиеся коротким сильно отогнутым венчиком и сильно утолщенной шейкой-перехватом (рис. 50: 10, 12, 13). Эта группа венчиков происходит в основном из верхних слоев, связанных с литовским городом XIV в., но встречается в сочетании с горшками VIII и IX типов.

Группа 2. Горшки с вертикальным горлом (рис. 51: 1–11)

Горшки с вертикальным горлом составляют около 7 % всей глиняной посуды Гродно. Несмотря на свою фрагментарность, они представлены, как в других городах, двумя основными типами и почти всеми их разновидностями.

Горшки I типа имеют вертикальное горло с горизонтально срезанным или скошенным внутрь краем, крутые, реже покатые, плечики и, видимо, конусовидно суживающееся тулово. Диаметр горла колеблется от 10 до 20 см, преобладает 13–16 см (рис. 51: 1–5).

Горшки I типа орнаментированы, как и кухонные горшки, преимущественно горизонтальными и волнистыми линиями, реже разного рода наколами и, как исключение, штампом.

Горшки II типа отличаются от предыдущих лишь по обработке наружной поверхности. Вид IIа украшен у основания горла, а иногда и ниже, налепными валиками, часто покрытыми косой насечкой (рис. 51: 6–8), а вид IIб — глубокими желобками, образующими каннелированную поверхность (рис. 51: 9–11). Подобные приемы орнаментации горшков с вертикальным горлом выявлены, кроме Гродно, в городище Индура конца X–XI в. В Гродно горшки с вертикальным горлом двух типов обнаружены в слоях второй половины XII–XIII в.

Группа 3. Миски (рис. 51: 12–18)

К мискам, составляющим около 1,5 % всей керамики Гродно, относится один целый сосуд, четыре фрагмента венчиков и одна придонная часть на полом поддоне. Несмотря на свою малочисленность, эти фрагменты представляют все типы мисок, выделенные по керамическим материалам городов Черной Руси.

Тип I — целая миска открытой горшкообразной формы (диаметр устья превышает диаметр плечиков) имеет следующие размеры: диаметр устья — 14 см, диаметр дна — 5 см, высота — 6 см (вид 1б; рис. 51: 12). К этому же типу, вероятно, относится нижняя часть сосуда на полом поддоне (рис. 51: 13).

Тип IIб — миски с прямыми конусовидносуживающимися стенками. Диаметр устья — 19 и 26 см (рис. 51: 15–16).

Тип IIIа — миска с выпуклыми стенками и коротким отогнутым наружу венчиком диаметром 13 см (рис. 51: 17).

Тип IVа — большая миска с слегка выпуклыми стенками (без отогнутого венчика) и, видимо, широким дном (рис. 51: 18). Она украшена налепным валиком с косыми наколами и ниже — горизонтальными линиями, как аналогичные миски Новогрудка. Диаметр устья — 19 см. Целые экземпляры таких мисок обнаружены в Гродно на Коложе.[1]

Особняком стоит миска с вертикальным горлом, выпуклыми плечиками и сильно суживающимися стенками (рис. 51: 14).

[1] Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. … Рис. 34: 18–20.

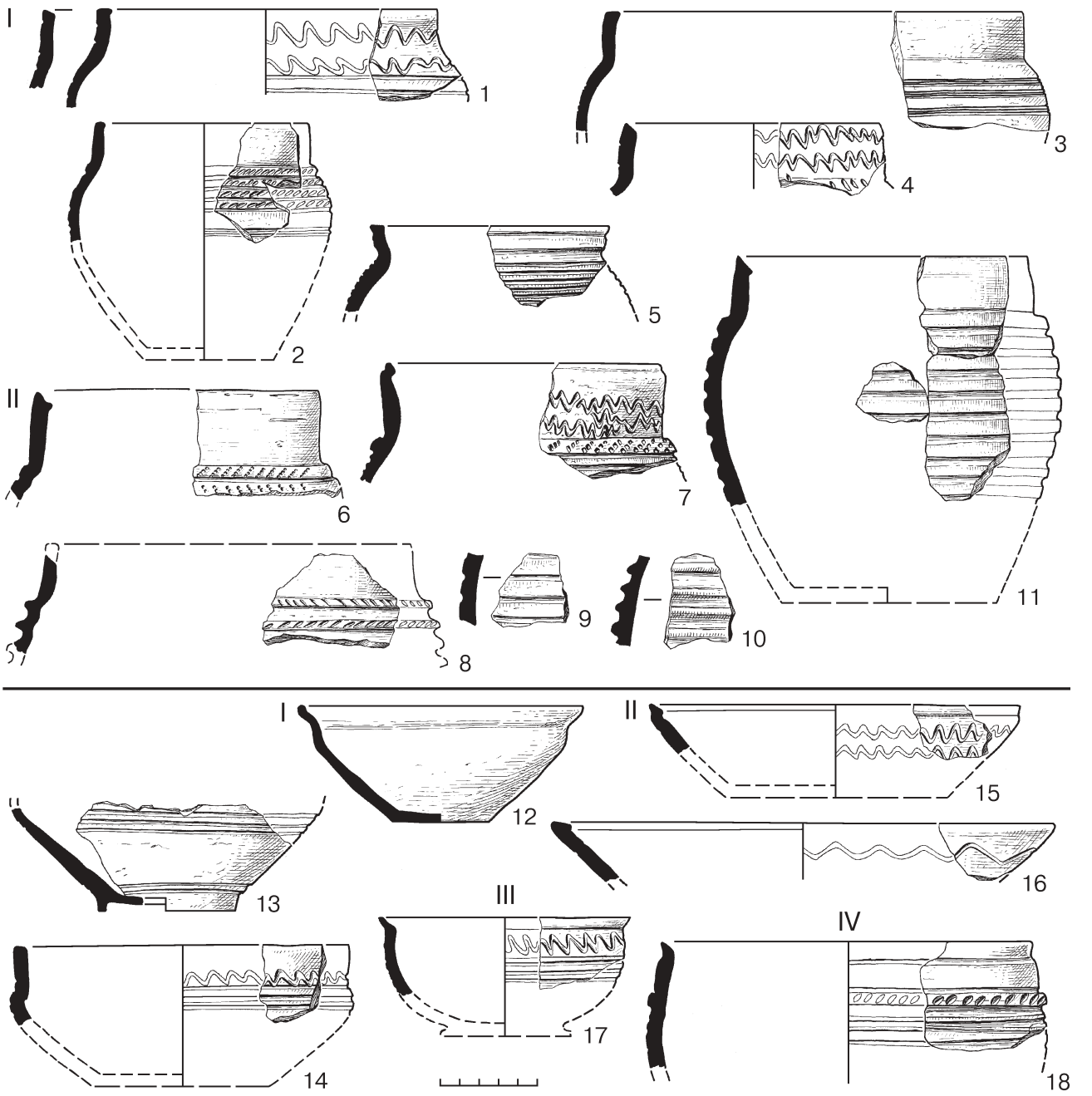


Рис. 51. Гродно. Горшки с вертикальным горлом: 1–5 — тип I; 6–11 — тип II. Миски: 12–13 — тип I; 15–16 — тип II; 14, 17 — тип III; 18 — тип IV

Миски орнаментированы волнистыми линиями или сочетанием их с горизонтальными. По технике изготовления они не отличаются от современных им горшков.

Миски найдены преимущественно в напластованиях XII в., и лишь одна — в слое XIV в.

Группа 4. Кувшины и крынки (рис. 52: 1–3)

В отличие от Новогрудка в Гродно почти нет **кувшинов с ручками и сливом**. Условно к ним можно отнести один сосуд, напоминающий по форме новогрудские кувшины I типа, опираясь на которые можно приблизительно реконструировать форму гродненского сосуда (рис. 52: 2). Он имел, видимо, раздутое книзу тулово, покатые плечики, узкое горло и, возможно, массивную ручку, следы которой хорошо

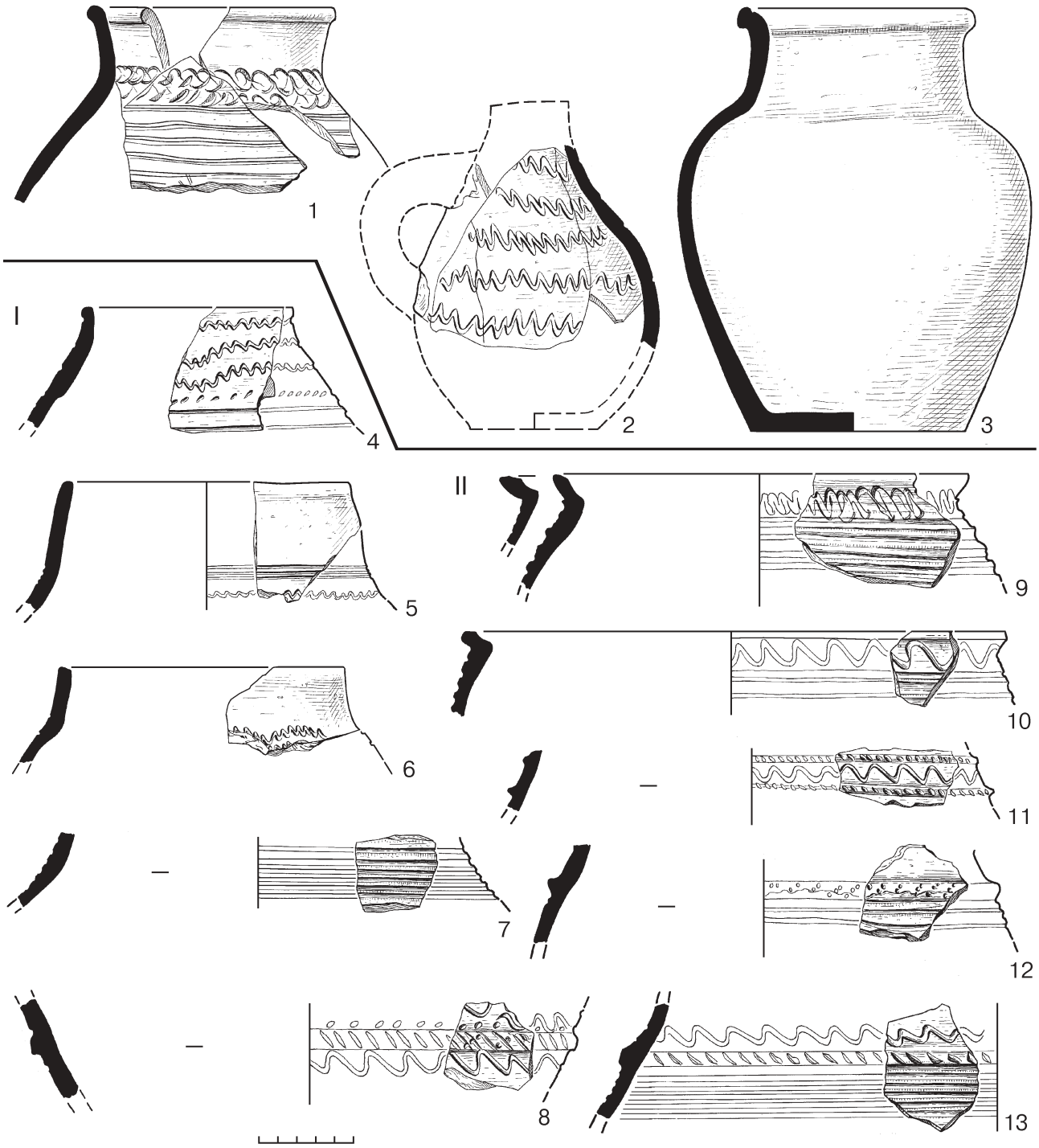


Рис. 52. Гродно:
1, 3 — крынки; 2 — кувшин; 4–6 — горловины корчаг I типа;
9–10 — венчики корчаг II типа; 7–8, 11–13 — стенки корчаг

видны на тулове в двух местах. Максимальный диаметр тулова — 13 см. Вся поверхность кувшина покрыта параллельными рядами зигзаговидных линий, нанесенных, в отличие от орнамента новогрудских кувшинов, не гребенкой, а палочкой. Тесто содержит значительную примесь дресвы. Этот фрагмент кувшина найден в руинах Нижней церкви (в диаконнике), ниже кирпичной вымостки второй половины XIII в. и относится к XII или первой половине XIII в.

Крынки, отсутствующие в Новогрудке, представлены в коллекции керамики Гродно не менее чем четырьмя экземплярами (рис. 52: 1, 3).[1] Они имеют прямую или расширяющуюся горловину, покатые или округлые плечики и конусовидное тулово. Размеры двух целых экземпляров следующие: диаметр горла — 10–13 см, высота — 18–23 см, максимальный диаметр — 15–23 см, диаметр дна — 10–11 см. Край горла прямо или косо срезан и иногда утолщен. На одной крынке есть следы ручек. Две крынки украшены волнистыми линиями в сочетании с одной или двумя горизонтальными, третья — сочетанием волнистой линии и косых вдавлений с горизонтальными двойными линиями и четвертая совсем не орнаментирована.

Одна крынка найдена в развале Нижней церкви и датируется XII в., три другие — в слое второй половины XIII–XIV в.

Группа 5. Сосуды для хранения запасов — корчаги (рис. 52: 4–13)

К сосудам для хранения запасов можно отнести несколько высоких, почти вертикальных горловин (диаметром 14–16 см), плавно переходящих в покатые плечики — **тип I** (рис. 52: 4–6) и несколько фрагментов стенок большого диаметра (24–40 см) с налепнми валиками (рис. 52: 7–8, 11–13). Валики размещались, видимо, на плече, середине тулова и на придонной части. Они обычно покрыты косыми вдавлениями, насечкой или гребенчатыми наколами. Между валиками сосуды часто украшены волнистыми и горизонтальными линиями. По составу теста и толщине стенок (0,6–0,8 см) рассматриваемые сосуды не отличаются от обычных горшков. Среди примесей также встречаются и песок, и дресва. Возможно, что часть сосудов для хранения запасов, судя по некоторым фрагментам и исходя из аналогий с новогрудскими сосудами, достигали очень больших размеров — до 50–60 см в высоту и до 40–50 см в диаметре тулова.

К сосудам для хранения запасов, кроме перечисленных выше фрагментов, представляется возможным условно отнести несколько обломков верхних частей сосудов большого диаметра (22–34 см) с коротким, резко отогнутым венчиком (без шейки) — **тип II** (рис. 52: 9–10). С внутренней стороны венчика имеется четко выраженная выемка для крышки. На двух сосудах непосредственно под венчиком проходит волнистая линия, а ниже — горизонтальные.

Фрагменты сосудов для хранения запасов обнаружены в основном в слоях XII в., и лишь один из них — в культурном слое первоначального поселения.

Группа 6. Мелкая столовая посуда (рис. 53: 1–5)

К этой малочисленной группе посуды относятся маленькие **горшочки** (рис. 53: 5), **чашечки** (рис. 53: 1–2) и **мисочки** (рис. 53: 3–4). Диаметр устья этих сосудов колеблется от 6 до 12 см, высота 4–6 см, толщина стенок — 0,5–0,8 см. тесто содержит примесь песка. Как отмечает Н. Н. Воронин эту группу керамики выделяет богатство орнаментации, состоящей из разного рода наколов и разнообразных штампов.[2]

Маленькая чашечка с толстыми стенками относится к самому раннему периоду существования поселения, остальные сосуды — к XII в.

Керамики группы 7 — сковород, группы 8 — жаровен, группы 9 — латок в Гродно среди просмотренных материалов не обнаружено. Группа 10 — **крышки**, представлена только одним фрагментом (рис. 53: 6). Это верхняя часть крышки, видимо, сфероконической формы (тип II) с массивной головкой (диаметром 6 см), с выемкой в середине. Крышка украшена неровными горизонтальными линиями. Фрагмент найден в слое пожара конца XII в.

[1] Воронин Н. Н. Древнее Гродно … С. 170, рис. 91.
[2] Там же. С. 40, рис. 15: 11.

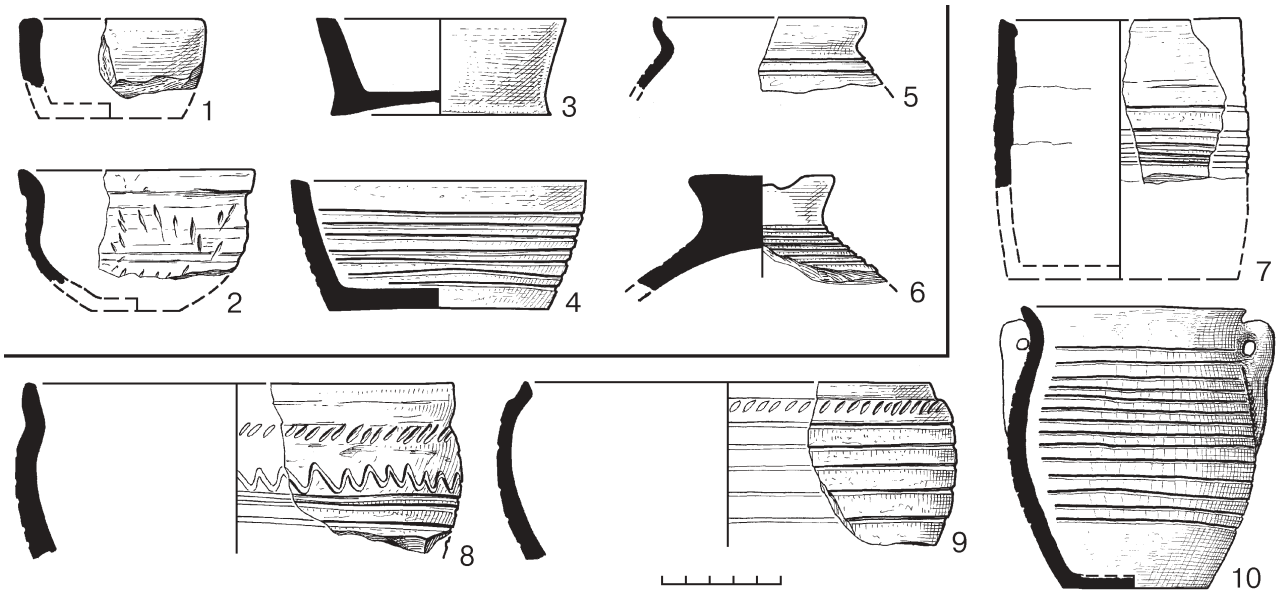


Рис. 53. Гродно. Столовая посуда и индивидуальные формы:
1–4 — чашечки (мисочки); 5 — горшочек; 6 — головка крышки; 7–10 — индивидуальные формы

Сосуды неопределенной формы (рис. 53: 7–10)

Среди керамики Гродно имеются сосуды, которые не принадлежат к той или иной рассмотренной выше группе. Один из них условно можно назвать глубокой миской с почти прямым венчиком, диаметром 18 см и слегка выпуклыми стенками (рис. 53: 8). Другой сосуд, имеющий закрытую форму (его венчик диаметром 17 см загнут внутрь), возможно, тоже служил миской (рис. 53: 9). Оба они найдены в слое пожара 1183 г. Третий сосуд отличается от всех других своей почти цилиндрической формой и небольшими размерами (диаметр устья — 10 см; рис. 53: 7). По всей вероятности, он использовался, как столовая посуда. Сосуд найден в слое пожара первой половины XII в.

Совсем особняком стоит маленький, почти полностью сохранившийся сосуд из слоя, связанного с первоначальным поселением. Он представляет собой горшок с незначительной раздутостью тулова на середине высоты, слабо отогнутым венчиком и двумя ушками в верхней части (рис. 53: 10). Диаметр устья равен 9 см, высота — 12 см, диаметр дна — 6 см. Поверхность его покрыта слабо проведенными горизонтальными линиями. В глине примесь крупного песка: снаружи поверхность заглажена, внутри — шероховатая. Этот сосуд, по-видимому, служил также столовой посудой.

Таковы ассортимент и формы керамики древнего Гродно.

* * *

Рассмотрение керамики древнего Гродно позволяет сделать некоторые выводы о ее развитии на протяжении всего периода существования города.

Для первоначального поселения древнего Гродно второй половины XI — середины XII в. характерен весьма ограниченный ассортимент посуды: это кухонные горшки с отогнутым наружу венчиком, составляющие более 80 % всей посуды, и единичные экземпляры сосудов иного назначения — мисок, крынок и мелкой столовой посуды. Необходимо подчеркнуть, что среди горшков с отогнутым наружу венчиком встречены только первые четыре типа, среди которых преобладают типы II и IV. Тип II, ведущий в XI в., в небольшом количестве встречается и в начале XII в. Тип IV характерен преимущественно для второй половины XI и первой половины XII в. Таким образом, ведущие формы горшков, бытующих в древнейшем Гродно, вполне согласуются с хронологическими рамками, установленными Н. Н. Ворониным для первоначального поселения.

Можно отметить ряд особенностей керамики первоначального поселения,[1] отличающих ее от керамики второй половины XI в. Волковыска и Новогрудка.

1 — наличие большого количества (20–23 %) горшков с более или менее четко выделенной шейкой, покрытой линейным орнаментом в сочетании с венчиками I, II и, особенно, IV типов. Это сближает керамику Гродно с керамикой Индуры, где такие сосуды встречены в сочетании с венчиками I, II и III типов. В Волковыске и Новогрудке подобные горшки составляют значительно меньший процент. Как будет показано ниже, эта особенность керамики Гродно и Индуры связана с их расположением на западной окраине русского государства.

2 — богатство и разнообразие орнаментальных мотивов. Кроме горизонтальных и волнистых линий, нанесенных как палочкой, так и гребенкой, широко использовались различные штампы, приведенные в монографии «Древнее Гродно»: гребенчатый (косые наколы разной формы), розетки, овальные наколы, решетчатый, ромбический и другие,[2] а также налепные валики округлого или прямоугольного сечения с косой насечкой или веревочным орнаментом.[3] Н. Н. Воронин привел соотношение орнаментальных мотивов в рассматриваемый период (по раскопкам 1949 г.):[4]

Соотношение видов орнамента конца XI — начала XII в. (по Н. Н. Воронину)

Параллельный		Волнистый		Параллельно-волнистый		Без орнамента		Налеп		Штамп	
Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
257	71	22	6,1	11	3,05	63	17,4	30	8	6	1,65

В этом отношении надо дополнительно учесть, что среди фрагментов с параллельным, волнистым и параллельно-волнистым орнаментом приблизительно половину составляют обломки с линиями, нанесенными гребенкой (а не палочкой). Прием орнаментации при помощи гребенчатого инструмента, характерный для XI и начала XII в. как в Новогрудке и Волковыске, так и в Гродно, позже исчезает. Отмечая наличие лишь небольшого количества фрагментов со штампами, Н. Н. Воронин справедливо замечает, что «разнообразие их рисунков в древнейшем поселке на Замковой горе очень велико и невольно обращает на себя внимание, как особенность керамического комплекса, обязанная своим появлением близости к западнославянским землям».[5]

Необходимо еще подчеркнуть, что в рассматриваемый период орнамент покрывал всю поверхность сосудов почти до самого днища, о чем позволяют судить обломки придонных частей. Среди днищ раннего комплекса преобладают, видимо, вогнутые.

В период расцвета Гродно в XII — первой половине XIII в. в развитии керамики произошли некоторые изменения. Они мало заметны в гончарном производстве, как это уже отмечал Н. Н. Воронин,[6] но достаточно четко выявляются в ассортименте посуды, ее формах и орнаментации.

Ассортимент посуды расширился. Появились горшки с вертикальным горлом двух типов, сосуды для хранения запасов, крынки. На этот период приходится основная масса мисок и мелкой столовой посуды в виде маленьких мисочек и чашечек.

Изменились формы основного вида посуды — кухонных горшков. Наряду с горшками III и IV типов, которые еще продолжают существовать в первой половине XII в., появляются горшки VI и VII типов, бытующие в течение всего XII в., горшки VIII типа, характерные для XII–XIII вв. и, с конца XII в., — горшки IX типа, характерные преимущественно для всего XIII и XIV в.

---

[1] Говоря о керамике раннего поселения, мы принимаем во внимание и небольшое количество обломков, найденных в насыпном слое, видимо, связанным с первоначальным поселением.

[2] Воронин Н. Н. Древнее Гродно … С. 40, рис. 15: 11.

[3] Там же. Рис. 15: 12–13.

[4] Там же. С. 42.

[5] Там же. С. 42.

[6] Там же. С. 58.

Отличительной особенностью керамики Гродно этого периода является почти полное отсутствие горшков V типа, которые в Новогрудке и Волковыске для рассматриваемого периода были ведущими. Зато надо отметить, что некоторые варианты горшков VII типа являются, в отличие от всех других, собственно гродненской формой.

Таким образом, изменение форм горшков прослеживается на более узких отрезках времени, чем два основных периода в истории Гродно до литовского времени.

По сравнению с первоначальным периодом древнего Гродно, орнаментация сосудов становится более однообразной. Исчезают различные штампы, в том числе, гребенчатый. Ведущим становится линейный орнамент, нанесенный палочкой или специальными, сделанными из кости инструментами с нарезными зубцами. Такие инструменты обнаружены при раскопках Н. Н. Воронина.[1] Волнистый орнамент тоже встречается реже, зато чаще стали применяться косые наколы и насечки по плечикам, а также налепной валик прямоугольного или полукруглого сечения, украшенный косой насечкой или косыми вдавлениями. Он сопровождает горшки VII типа (особенно гродненский вариант с «горбатым» венчиком), но встречается и на горшках VIII типа. Значительно увеличивается количество сосудов без орнамента. Н. Н. Воронин дает следующее соотношение типов украшений для рассматриваемого периода:[2]

Соотношение видов орнамента в XII–XIII вв. (по Н. Н. Воронину)

Параллельный		Волнистый		Параллельно-волнистый		Без орнамента		Налеп	
Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
3138	63,5	142	2,9	105	2,1	1410	28,5	146	3

В XII в. орнамент покрывает, по-видимому, бóльшую часть тулова посуды, а в первой половине XIII в. обычно лишь плечики (судя по целым экземплярам).

Интересно отметить, что на основании приема орнаментации сосудов налепным валиком с косыми овальными наколами, почти совсем одинаковыми по форме, выделяется группа посуды, сделанная, видимо, одним мастером. Это различные по форме горшки (VI, VII, VIII типов) и большая миса. Часть этих сосудов найдена на участке к югу от Нижней церкви в слое пожара 1183 г., а часть к западу от церкви на том же уровне. Эта группа сосудов свидетельствует о том, что, как и в Новогрудке, каждый гродненский гончар изготовлял разные по форме и назначению сосуды из одного теста и иногда с одинаковой орнаментацией. Специализация мастеров на каком-нибудь одном виде изделий, видимо, отсутствовала.

Что же касается керамики XIII–XIV вв., то ее ассортимент и формы остаются теми же, что и в предшествующий период.

Таким образом, керамика Гродно, как на первом, так на втором и третьем этапах своего развития, с одной стороны, имеет много общих черт с керамикой Новогрудка, Волковыска и в ранний период — с керамикой Индуры, а с другой — обладает рядом отличительных особенностей.

КЕРАМИКА ТУРИЙСКА

От древнерусского города Турийска сохранилось городище, расположенное на восточной окраине современной деревни Турийск Щучинского района Гродненской области над пойменной долиной р. Неман. Оно занимает середину возвышенной гряды, вытянувшейся вдоль правого берега реки Неман. С юга и севера площадка ограничена крутыми склонами, с запада и востока отрезана от продолжения гряды дугообразными рвами глубиной до 3,5 м. Оборонительные валы на городище не сохранились. Площадка имеет в плане форму неправильного треугольника размером 60 × 80 м.[3]

[1] Воронин Н. Н. Указ. соч. С. 60, рис. 25: 25–26.

[2] Там же. С. 60.

[3] Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. … С. 73–75.

В 1961 и 1962 г. под руководством К. Т. Ковальской и Г. И. Пеха на городище производились раскопки. В западной части площадки городища было заложено шесть раскопов, в средней — лишь шурфы. Культурный слой мощностью, в основном, 0,4–0,8 м и только у вала — 1–1,7 м, оказался в значительной степени перемешанным, что не позволило при изучении керамики выявить даже относительную ее хронологию.[1] Значительный археологический материал, полученный при раскопках, дал возможность исследователям датировать городище концом XI–XIII в.[2] Изучение керамики подтверждает и несколько уточняет установленные рамки.

СЫРЬЕ И ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Вся посуда Турийска сделана из глины с примесью песка (крупно, средне- и мелкозернистого) и реже — дресвы. Лишь две миски выделяются по грубости теста, содержащего большое количество крупной дресвы; поверхность их шероховатая. Сосуды обточены на круге обычно целиком и, как исключение, — в верхней части. Обжиг посуды хороший: черепок чаще насквозь прокален, чем трехслойный. Поверхность сосудов коричневая, красная, желтая и даже серая. Сосуды формовались на подсыпке золы и, реже, песка или дресвы. Днища плоские. Гончарные клейма среди просмотренного материала не обнаружены.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ ТУРИЙСКА

В ассортимент керамики древнего Турийска входят следующие группы посуды: горшки с отогнутым наружу венчиком, горшки с вертикальным горлом, миски, единичные фрагменты сосудов для хранения запасов, мелкой столовой посуды и латок. Несмотря на незначительное количество керамики Турийска, подвергшейся изучению, ассортимент ее довольно разнообразен. Возможно, однако, что некоторые виды посуды вовсе не попали в поле зрения. Почти нет целых сосудов: лишь один горшок и одна крынка имеют полный профиль.

Группа 1. Кухонные горшки (рис. 54–55)

Среди фрагментов горшков Турийска, составляющих, как и в других городах, более 95 % всей керамики, полностью отсутствуют горшки I и II типов, то есть наиболее ранние формы, относящиеся к X–XI вв. Лишь один венчик можно условно отнести к переходному виду от горшков II типа к III. Он имеет карнизообразный выступ с внешней стороны венчика, как горшки II типа, и горизонтально срезанный край, как горшки III типа. Поэтому рассмотрение горшков начнем сразу с III типа.

Тип III характеризуется всеми теми признаками, которые свойственны горшкам III типа в других городах Черной Руси. Главной их особенностью является горизонтально срезанный край венчика, представленный двумя разновидностями: без закраины (вид IIIа; рис. 54: 1–2) и с закраиной с внутренней стороны (вид IIIб; рис. 54: 3). В отличие от новогрудских горшков III типа, орнаментированных, как правило, гребенчатым инструментом, турийские сосуды украшены по тулову горизонтальными линиями, нанесенными палочкой.

Тип IV представлен в Турийске разновидностью, характерной для горшков этого типа в Волковыске — вид IVв (рис. 54: 4–7). Наиболее существенным его признаком является незначительно отогнутый наружу венчик со скошенным внутрь краем и небольшим углублением вдоль него. Как и в Волковыске сосуды эти украшены горизонтальными линиями и, реже, сплошным рифлением, нанесенным гребенкой. Среди горшков IV типа выделяются два фрагмента, имеющие прямую, слегка наклоненную внутрь шейку, покрытую горизонтальными линиями — разновидность IVг, которая имела место и в других городах Черной Руси, особенно в Гродно (рис. 54: 8–9).

---

[1] Материалы раскопок хранятся в Гродненском историко-археологическом музее (фонд 26304 и 25909) и не опубликованы. Автор приносит искреннюю благодарность руководителю раскопок К. Т. Ковальской за сведения об археологических работах и за предоставленный для изучения и публикации керамический материал.

[2] Зверуго Я. Г. Указ. соч. С. 74–75.

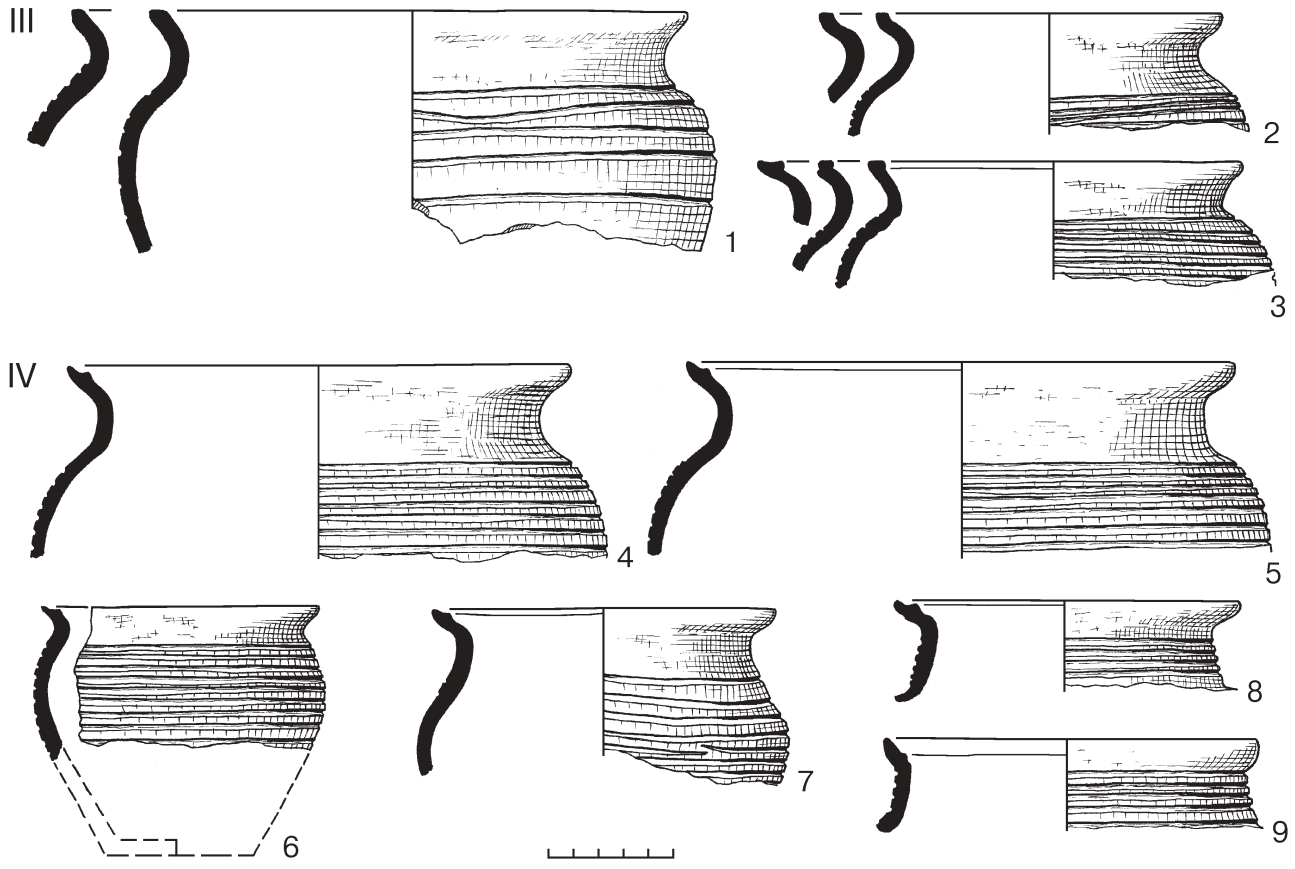


Рис. 54. Турийск. Горшки III и IV типов: 1–3 — тип III; 4–9 — тип IV

Тип V характеризуется теми же признаками, что и в других городах Черной Руси, и представлен разновидностями Va, Vб и Vв (рис. 55: 1–4). Орнаментацию этих горшков составляют одинарные горизонтальные линии, иногда в сочетании с волнистыми.

Тип VI отсутствует.

Тип VII, представленный лишь единичными экземплярами, характеризуется, как и в Волковыске, слабо отогнутым наружу, не прямым, а прогнутым венчиком со слегка скошенным или горизонтально срезанным краем. Другим важным признаком этих горшков является шейка-перехват. Орнамент такой же как на горшках V типа — линейный и волнисто-линейный (рис. 55: 5–7).

Тип VIII составляет наиболее многочисленную группу (рис. 55: 8–11). Он имеет слабо или сильно отогнутый наружу венчик со срезанным (по-разному) или скругленным краем. Резко преобладает линейный орнамент, нанесенный палочкой; иногда он встречается в сочетании с одной–двумя волнистыми линиями или наколами. Встречаются фрагменты с налепными валиками (рис. 55: 11). Профиль одного большого горшка графически восстановлен полностью: диаметр венчика — 24 см, диаметр дна — 13 см, высота — 29 см (рис. 55: 8). В отличие от других сосудов горшок этот украшен по плечикам гребенчатым штампом и ниже — горизонтальными линиями, не доходящими до днища на 9 см. Горшок сделан из глины с примесью дресвы и хорошо обожжен (весь красный). На придонной части горшка с внутренней стороны хорошо видны горизонтальные ряды вмятин, свидетельствующие о применении техники кольцевого налепа. В верхней части горшок обточен на гончарном круге.

Тип IX представлен лишь единичными экземплярами и не отличается от горшков IX типа в других городах Черной Руси (рис. 55: 12–13).

Кроме основных типов горшков имеются в небольшом количестве фрагменты венчков иной формы.

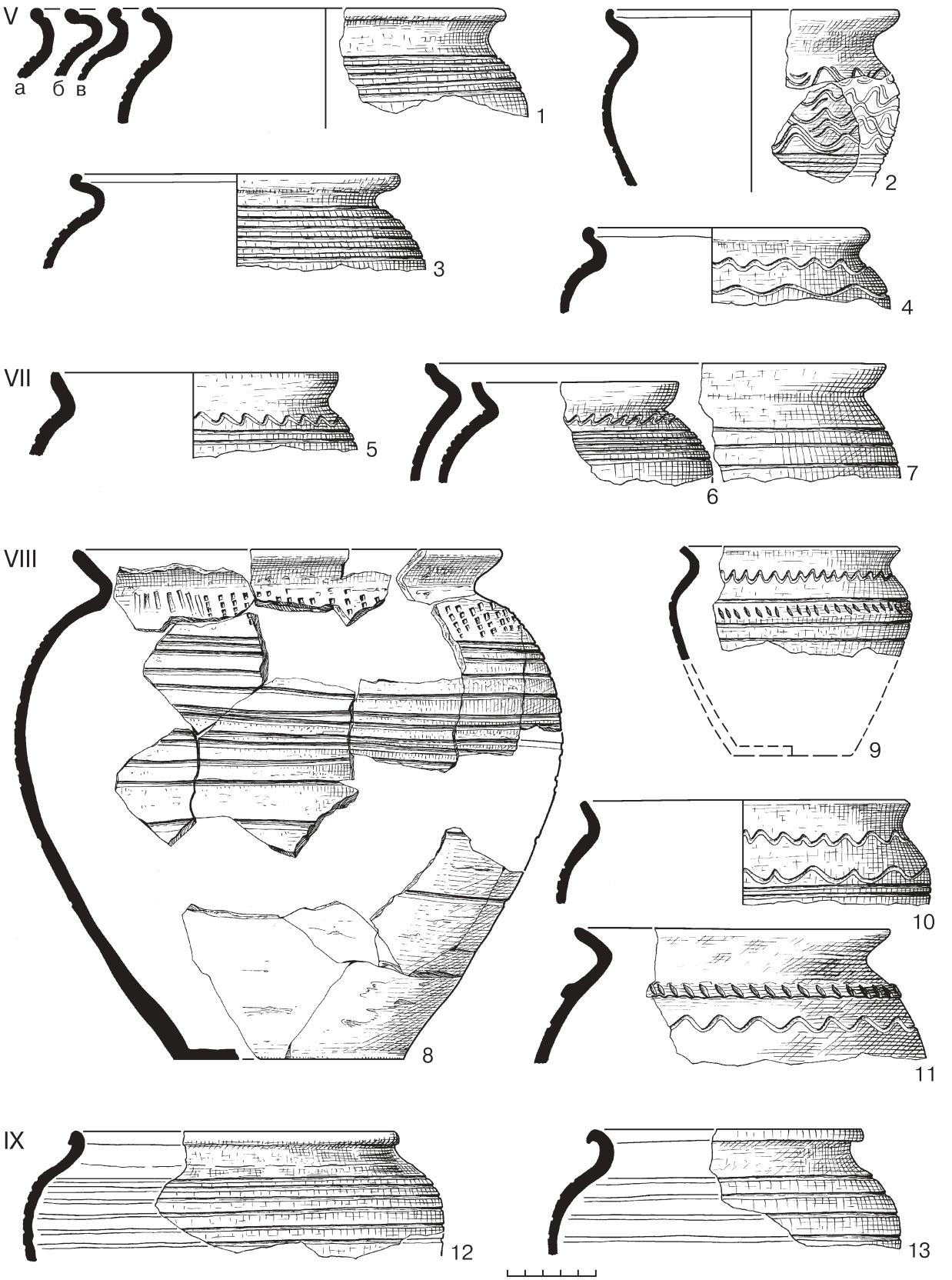


Рис. 55. Турийск. Горшки V–IX типов:
1–4 — тип V; 5–7 — тип VII; 8–11 — тип VIII; 12–13 — тип. IX

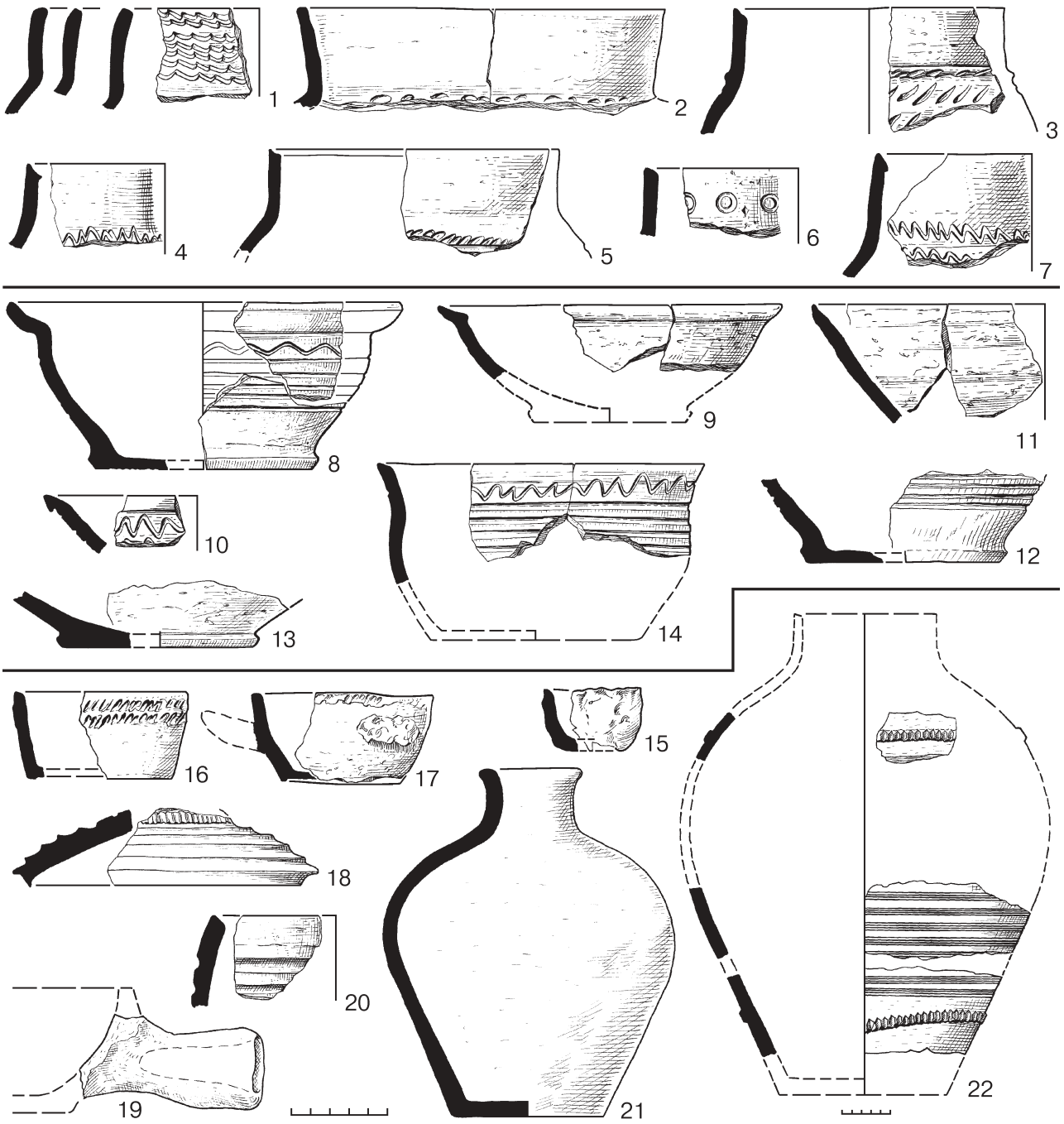


Рис. 56. Турийск:
1–7 — горшки с вертикальным горлом; 8–14 — миски; 15–17 — столовая посуда; 18 — крышка; 19 — латка; 20 — индивидуальная форма; 21 — крынка; 22 — корчага

Группа 2. Горшки с вертикальным горлом (рис. 56: 1–7)

Сосуды эти, составляющие следующую по количеству группу посуды, представлены особенно фрагментарно (имеются лишь обломки горловины и, как исключение, горловин с плечиками). Размер их можно представить только по аналогии с горшками этого типа в других городах. Все турийские горшки с вертикальным горлом, за исключением одного, относятся к I типу этой группы посуды и несколько отличаются от ранее рассмотренных более плавным переходом от горловины к плечикам. Диаметр горла колеблется от 14 до 18 см. Край его горизонтально срезан или скошен внутрь. На всех горшках у основания

горла нанесены 1–3 волнистые или зигзаговидные линии. На одном фрагменте они покрывают и все горло (рис. 56: 1). На другой горловине нанесен редко встречающийся орнамент в виде кружков диаметром около 1 см (рис. 56: 6).

Ко **II типу** горшков с цилиндрическим горлом относится лишь один фрагмент сосуда с валиком у основания горла и косыми вдавлениями по плечику (рис. 56: 3).

Группа 3. Миски (рис. 56: 8–13)

Среди нескольких фрагментов мисок различаются две их разновидности.

Тип I похож, как и в других городах, на горшки открытой формы небольшой высоты (рис. 56: 8–9). Одна такая миска имеет диаметр устья 20 см и орнаментирована по плечикам волнистой и горизонтальными линиями.

Тип II характеризуется пологими, конусовидно сужающимися стенками (рис. 56: 10–11). Диаметр их устья колеблется от 18 до 26 см. Миски обоих типов украшены линейно-волнистым орнаментом или лишены его.

Условно к мискам можно отнести сосуд несколько иной формы с почти вертикальными, слегка выпуклыми стенками и слабо отогнутым наружу верхним краем (рис. 56: 14). Диаметр его устья — 17 см.

К мискам, видимо, принадлежат, как и в других городах Понеманья, придонные части с днищами, выступающими за основание стенки (рис. 56: 12–13).

Группа 4. Крынка (рис. 56: 21)

Фрагменты кувшинов в Турийске не обнаружены. Зато найден целый сосуд, который можно назвать крынкой. Она имеет узкое горло (диаметр 4,6 см) со слегка отогнутым наружу краем и округлое, суживающееся книзу тулово. Максимальная раздутость его, равная 15 см, приходится на середину высоты сосуда. Высота его равна 18 см. Подобные крынки есть лишь в Гродно и Волковыске.

Группа 5. Сосуд для хранения запасов (рис. 56: 22)

К этой группе сосудов достаточно определенно можно отнести лишь пять фрагментов стенок большого диаметра, украшенных налепными валиками. О принадлежности этих обломков одному сосуду свидетельствуют одинаковые по форме шестигранные вдавления, нанесенные по валикам. Исходя из соотношения диаметров стенок можно приблизительно реконструировать тулово большого сосуда для хранения зерна. Если принять во внимание, что среди фрагментов горшков с вертикальным горлом есть горловины, выделяющиеся своей высотой и очень плавным переходом в плечико, то можно отметить, что зерновик, принадлежал к I типу сосудов этой группы и имел приблизительно следующие размеры: максимальный диаметр тулова — 40 см, диаметр дна — около 17 см, диаметр горла — около 15 см и высота — приблизительно 50 см. Сосуд сделан из глины с примесью крупного песка или дресвы и имеет трехслойный обжиг (красный–серый–красный). Толщина стенок незначительная — 0,6–1 см.

Группа 6. Столовая посуда (рис. 56: 15–17)

К столовой посуде можно отнести всего три сосуда. Один из них — небольшая чашка с прямыми, слегка расширяющимися кверху стенками (тип IIв). В верхней части она украшена двумя зигзагообразными линиями, тесто с примесью дресвы. Ее размеры: диаметр устья — 9 см, диаметр дна — 7,5 см, высота — 4,5 см (рис. 56: 16).

Другой сосуд — **чашка или черпак с ручкой**, видимо, в виде отростка, от которой сохранилось только основание. Размер ее: диаметр устья — 9 см, диаметр дна — 6,5 см, высота — 4,5 см. Этот сосуд относится к III типу столовой посуды, хорошо представленному в Волковыске (рис. 56: 17).

Третьим изделием является маленький лепной сосудик со слегка расширяющимися кверху стенками (толщина — 0,6 см). Его размеры: диаметр устья — 5 см, высота — 3,2 см. Сосудик является детской игрушкой или солонкой (рис. 56: 15).

Группа 9. Латка (рис. 56: 19)

Обнаружена полая ручка латки-сковородки, подобная найденным в Новогрудке. Ее длина — около 7 см, наружный диаметр — 4 см, диаметр отверстия для стержня — 3 см. Судя по небольшому куску внутренней поверхности, стенки латки были слегка выпуклыми.

Крышка (рис. 56: 18). Среди просмотренных материалов обнаружен фрагмент сфероконической крышки (тип I), поверхность которой покрыта широкими желобками. Диаметр ее основания — 14 см.

Сосуд неопределенной формы (рис. 56: 20). К их числу можно отнести фрагмент верхней части сосуда с вертикальной, слегка наклоненной внутрь, чуть округлой стенкой. Диаметр устья — 18 см. Верхний край стенки скошен внутрь. Поверхность украшена широкими желобками, заметно отличающимися от обычных узких линий. Сосуд сделан из хорошо отмученного теста с примесью песка и хорошо обожжен (весь черепок в изломе коричневый). Стенки толще, чем у обычных горшков — 0,8–0,9 см. Фрагмент найден в самом нижнем слое (на глубине 1,4–1,7 м). Аналогичные обломки верхних частей сосудов со слегка наклоненными внутрь стенками (прямыми или чуть округлыми) известны также в Новогрудке, но форма их остается неясной. Возможно, он был бочковидный или цилиндрический с чуть выпуклыми стенками.

Таким образом, несмотря на то, что некоторые группы посуды Турийска оказались представленными лишь единичными или даже единственными экземплярами, можно сказать, что ассортимент ее почти полностью совпадает с ассортиментом посуды других городов Черной Руси. Отсутствуют лишь сковороды и жаровни, которых нет и в Гродно. Если сопоставить формы каждой группы турийской керамики с соответствующими группами Волковыска и Новогрудка, то различия окажутся самыми незначительными.

* * *

Анализ керамики Турийска и сравнение ее с керамическими комплексами других городов Черной Руси (в первую очередь, Новогрудка) позволяет уточнить время существования поселения.

Отсутствие в Турийске жаровен и сковородок, характерных в Новогрудке для культурного слоя второй половины X–XI в., а также отсутствие горшков I типа (если не считать двух фрагментов, относящихся к X — первой половине XI в. и горшков II типа, бытующих с конца X до начала XII в.), свидетельствует о том, что в Турийске нет культурного слоя с керамикой X–XI вв. Об этом же говорит и то, что среди орнаментальных мотивов посуды Турийска лишь редкое исключение составляют горизонтальные линии и косые наколы, нанесенные гребенкой, характеризующие керамику X–XI вв. Основным и почти единственным видом орнаментации турийской посуды являются нанесенные палочкой, а не гребенкой горизонтальные линии (на горшках III и IV типов) и, реже, сочетание их с волнистыми линиями (на горшках V и VIII типов). Как исключение встречаются косые вдавления. Эти приемы орнаментации, типичные для городов Черной Руси XII — первой половины XIII в., говорят о принадлежности турийского керамического комплекса в основном к этому времени. Однако почти полное отсутствие горшков IX типа, характерных в Новогрудке и Волковыске для конца XII — первой половины XIII в., как и отсутствие сопровождающего эти горшки орнамента в виде косых ногтевых вдавлений, позволяет предположить, что жизнь на поселении по каким-то причинам в конце XII — начале XIII в. постепенно затухала. Поэтому древний Турийск следует, вероятно, датировать рубежом XI и XII в. — началом или первой половиной XIII в.

КЕРАМИКА СЛОНИМА

Местоположение древнего Слонима (Вослонима, Услонима), впервые упомянутого в летописи под 1252 г., было выявлено раскопками 1959 г. (на площади 64 м^2) белорусского археолога Г. И. Пеха в центре современного города (Гродненской обл. Белоруссии) на небольшой возвышенности, и поныне именуемой Замчищем.[1] В 1968 г. археологические исследования в восточной части Замчища продолжил Верхненеманский отряд под руководством Я. Г. Зверуго (на площади 168 м^2).[2] В результате раскопок было

[1] Пех Г. И. Раскопки древнего Слонима // Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 276–279.

[2] Зверуго Я. Г. Раскопки в Слониме // АО 1968 года. 1969. С. 350–351; Он же. Археологические работы в Слониме // Беларускія старожытнасці. Мінск, 1972. С. 248–289.

установлено, что под слоем XVIII–XIX вв., достигающим 1,5 м (при общей мощности напластований более 5 м), и слоем песка лежит культурный слой XI–XIV вв. В этом слое хорошо сохранились остатки бревенчатых мостовых (8 ярусов) и срубных построек, а также найдено большое количество предметов материальной культуры, свидетельствующих о том, что уже во второй половине XII в. Слоним был богатым городом со значительно развитыми ремеслом и торговлей. Однако, как отмечает Я. Г. Зверуго, о времени возникновения древнего Слонима определенных данных пока нет. Оно может быть определено лишь относительно широкими хронологическими рамками — вторая половина XI — начало XII в.[1]

Исследование керамики Слонима и сопоставление ее с керамикой других городов Черной Руси позволяет, как нам представляется, уточнить время возникновения города.

Основой для характеристики керамики древнего Слонима послужили коллекции упомянутых раскопок: во-первых, материалы раскопок Я. Г. Зверуго 1968 г., хранящиеся в Институте истории АН БССР,[2] и, во-вторых, материалы раскопок Г. И. Пеха 1959 г., находящиеся в Историческом музее Слонима. Обе коллекции изучены не полностью. Всего учтено около 1000 обломков сосудов, из них — около 250 венчиков. Фрагментарность материала (целые сосуды отсутствуют) и его малочисленность не позволяют дать исчерпывающую характеристику керамики древнего Слонима, но некоторые особенности керамического комплекса древнего Слонима и соотношение его с керамическими комплексами других городов Понеманья все же удалось выявить.

СЫРЬЕ И ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Глиняная масса керамики Слонима содержит, как правило, значительную примесь крупнозернистой или мелкозернистой дресвы и, реже, крупнозернистого песка. Мелкий песок в качестве отощителя встречается как исключение и, в основном, — в керамике верхних пластов, относящихся к XIV–XV вв.

Вся посуда хорошо сформована на гончарном круге. Стенки тонкие — 0,4–0,6 см, за исключением одной группы горшков больших размеров, толщина стенок которых достигает 0,7–0,8 см. Днища сосудов, как правило, плоские, но есть и вогнутые. Толщина их обычно соответствует толщине стенок в придонной части, иногда несколько тоньше их. На днищах часто виден затек глины со стенок, образующий неровный бортик. Сосуды формовались на подсыпке дресвы и, реже, песка. Клейма на днищах почти не встречаются.

Большая часть посуды хорошо обожжена: есть насквозь прокаленные, красные или коричневые черепки, много трехслойных, встречаются и серые или черные. Возможно, что обжиг производили как в печах, так и в горнах.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ И ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КЕРАМИКИ СЛОНИМА

В ассортимент керамики Слонима входят горшки с отогнутым наружу венчиком, составляющие около 95 % всей посуды, горшки с вертикальным горлом — около 3 % и миски — около 2 %, а также единичные экземпляры амфор и поливных кувшинов.

Группа 1. Кухонные горшки (рис. 57–58)

В этой наиболее многочисленной группе посуды выделяются также, как и в других городах Понеманья, девять основных типов горшков, количественное соотношение которых везде разное. Дадим лишь краткую характеристику каждого типа горшков и отметим некоторые отличительные их особенности.

Тип I имеет незначительно отогнутый наружу венчик с прямо срезанным краем, плавно изогнутую шейку и довольно покатые плечики (рис. 57: 1–5). Горшки покрыты горизонтальными линиями или совсем не орнаментированы; волнистая линия встречается в качестве исключения.

---

[1] Зверуго Я. Г. О начальном периоде истории города Слонима // Тезисы докладов на научной конференции по проблеме «Этногенез белорусов». Минск, 1973. С. 63; Он же. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск, 1989. С. 71–73.

[2] Автор выражает глубокую благодарность Я. Г. Зверуго за любезно предоставленную для исследования керамику Слонима.

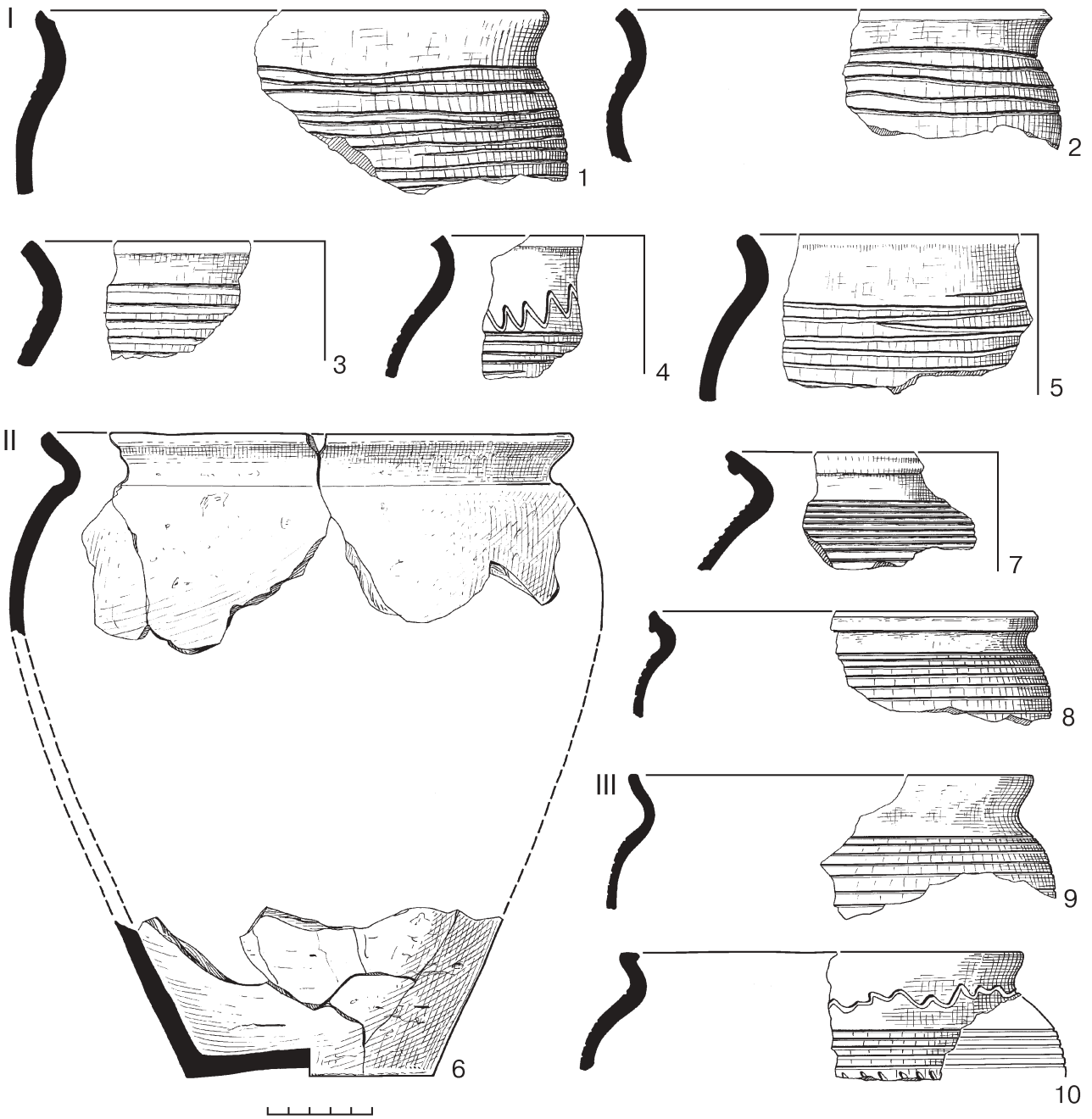


Рис. 57. Слоним. Горшки I, II и III типов: 1–5 — тип I; 6–8 — тип II; 9–10 — тип III

Отличительной особенностью слонимских горшков I типа является их большой размер и несколько более толстые, чем у других сосудов, стенки (0,7–0,8 см). Диаметр венчика равен 20–30 см, но преобладает диаметр 26–30 см.

Рассмотренные сосуды могут быть отнесены к горшкам I типа, характерным для X — первой половины XI в., лишь условно, так как таких древних напластований в Слониме нет. Кроме того, фрагменты этих горшков обнаружены не в нижних, а в средних и верхних пластах культурного слоя, относящихся к XIII–XIV вв. Большие размеры горшков позволяют предположить, что это не обычные горшки, а сосуды для хранения запасов, близкие по форме горшкам I типа. Такое предположение подтверждается отчасти отсутствием в Слониме фрагментов больших сосудов с налепными валиками, служивших обычно для хранения запасов.

Тип II представлен всего лишь несколькими мелкими фрагментами и обломками одного горшка (рис. 57: 6–8). Он характеризуется слабо выраженным утолщением или карнизиком с наружной стороны отогнутого венчика. Четко профилированных венчиков, характерных для горшков II типа других городов Понеманья, не найдено.[1] Все фрагменты покрыты линейным орнаментом, нанесенным палочкой, за исключением реконструированного сосуда, лишенного орнаментации. Сосуд этот дает некоторое представление о пропорциях слонимских горшков II типа. Высота горшка, равная 31 см, несколько превышает максимальный диаметр тулова, который находится на уровне 3/4 высоты. Диаметр венчика (25 см) в два раза больше диаметра слегка вогнутого днища (12 см). Отогнутый наружу венчик имеет снаружи лишь незначительное утолщение, а не четко выраженный карнизик, что приближает его к горшкам I типа. Однако более круто изогнутая шейка и подчеркнутый уступом переход к плечику («ребро»), встречающийся на горшках II типа, позволяет отнести восстановленный сосуд к этой разновидности горшков.

Фрагменты горшков II типа найдены в нижних и средних пластах культурного слоя.

Тип III представлен также лишь единичными экземплярами фрагментов венчиков (рис. 57: 9–10). Это сосуды с отогнутым наружу (иногда прогнутым) венчиком, имеющим горизонтально срезанный край; шейка плавно изогнута или четко выражена (прямая вертикальная или наклонная). Диаметр — 17–26 см. Орнамент — линейный, в одном случае в сочетании с волной.

Фрагменты горшков III типа найдены лишь в самых нижних пластах, относящихся, видимо, к концу XI — началу XII в.

Тип IV, также малочисленный, совпадает с горшками IV типа Новогрудка: отогнутый наружу венчик имеет утолщение с внутренней стороны, шейка плавно изогнута, реже крутая, плечики круглые (рис. 58: 1–3). Наиболее крупные фрагменты лишены орнаментации, другие не дают о ней представления. Обломки горшков IV типа, как и типа III, найдены лишь в нижних пластах.

Тип V — основной, наиболее многочисленный (рис. 58: 4–8). Горшки этого типа полностью совпадают с горшками V типа других городов Понеманъя, так что можно не останавливаться на их характеристике. Отметим лишь, что сосуд, который удалось реконструировать, имеет довольно стройные пропорции: высота сосуда (25,5 см) несколько превосходит максимальную ширину (23 см), приходящуюся на 2/3 высоты (рис. 58: 4). Больше половины фрагментов горшков V типа орнаментирована горизонтальными линиями, несколько обломков — волной и косыми вдавлениями, около 20 % — без орнамента.

Фрагменты горшков V типа найдены главным образом в средних и верхних пластах культурного слоя, относящихся к XII–XIV вв. и лишь в небольшом количестве в нижних.

Тип VI не образует большой группы сосудов, а найден лишь в единичных экземплярах. Форма горшков VI типа (их верхняя часть) полностью совпадает с новогрудскими горшками. Они найдены в средних пластах (рис. 58: 9–10).

Тип VII представлен фрагментами горшков с резко отогнутым наружу венчиком, имеющим горизонтально срезанный край, часто с закраиной с внутренней стороны. Шейка почти отсутствует, ее заменяет перехват. Горшки орнаментированы горизонтальными линиями или без орнамента. Найдены в небольшом количестве в пластах второй половины XII–XIV в.

Тип VIII, наряду с типом V, является ведущим. Как и в других городах, характеризуется простым плавно и резко отогнутым наружу коротким венчиком, с прямо срезанным или скругленным краем. Шейка низкая, иногда — перехват (рис. 58: 14–16). Диаметр венчика колеблется от 12 до 26 см, но преобладает 14–20 см. Около 60 % горшков орнаментированы горизонтальными линиями, около 35 % — без орнамента, остальные украшены волнистыми линиями или их сочетанием с горизонтальными.

Горшки VIII типа найдены во всех пластах, но заметно преобладают над другими (за исключением типа V) в пластах верхних и средних.

Тип IX представлен всего несколькими экземплярами и характерен только для верхних пластов, относящихся к XIII–XIV вв. (рис. 58: 17–18). Горшки этого типа характеризуются сильно отогнутым

[1] В краткой характеристике керамики Слонима из раскопок 1959 г. Г. И. Пех отметил, что «с карнизиком найден только один экземпляр керамики. Украшен он грубой насечкой сложного типа». Указ. соч. С. 277.

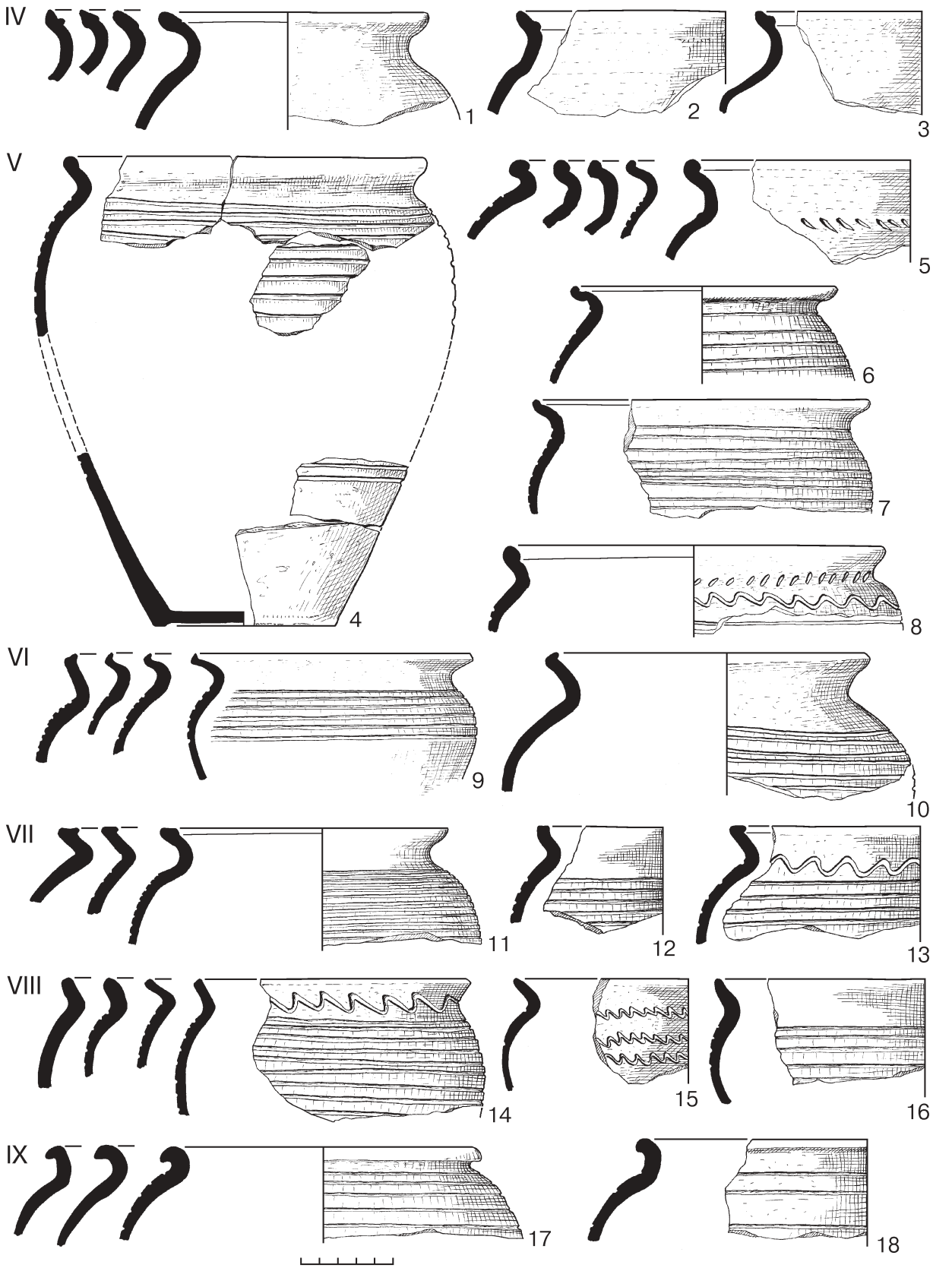


Рис. 58. Слоним. Горшки IV–IX типов:
1–3 — тип IV; 4–8 — тип V; 9–10 — тип VI; 11–13 — тип VII; 14–16 — тип VIII; 17–18 — тип IX

наружу коротким венчиком с округлым или заостренным, часто оттянутым вниз краем. Шейка низкая или почти отсутствует, плечики покатые. Тулово, видимо, как и у новогрудских горшков IX типа, округлой, а не конической формы. Половина сосудов украшена горизонтальными линиями. Характерный для этой разновидности горшков орнамент в виде косых (или ногтевых) вдавлений на слонимских сосудах не обнаружен. Диаметр венчика колеблется в пределах от 16 до 20 см.

Кроме основных девяти типов горшков встречаются единичные экземпляры венчиков другой формы, которые не образуют самостоятельных групп.

Группа 2. Горшки с вертикальным горлом (рис. 59: 1–7)

Горшки с вертикальным горлом, составляют 2,7 % всей керамики. От них сохранились лишь верхние части сосудов. Диаметр вертикального или слегка наклоненного внутрь горла колеблется от 10 до 20 см, высота горла — 2,0–4,5 см. Край горловины горизонтально срезан или скошен внутрь, реже скруглен (разновидности а, б и в). Переход к плечикам обычно резкий, плечики округлые, как исключение, резко выраженные. По характеру орнамента все фрагменты относятся к горшкам с вертикальным горлом I типа. Орнаментация несколько более разнообразна, чем на других сосудах: помимо горизонтальных линий встречаются волнистые, косые вдавления и вертикальные гребенчатые наколы.

Горшки с вертикальным горлом найдены как в нижних, так в средних и верхних пластах.

Группа 3. Миски (рис. 59: 8–17)

Миски, составляющие около 2 % всей керамики, представлены фрагментами верхних и придонных частей с очень пологими стенками и днищами с бортиками, выступающими за край стенки.

На основании форм верхних частей слонимские миски могут быть отнесены к первым трем типам этой группы сосудов.

Тип I — горшкообразные миски с отогнутым наружу венчиком и слабо выраженным плечиком. Диаметр устья, равный 14–16 см, превосходит максимальный диаметр плечиков (рис. 59: 9–11). Диаметр днища — 10–12 см. Миски украшены горизонтальными и волнистыми линиями, и одна — наколами по наружному краю венчика. На тулове одной из мисок имеется след от ручки (рис. 59: 10), которая могла иметь форму круглой петли, поскольку в Слониме, как и в Волковыске, найдены обломки таких ручек (рис 59: 8). Высота миски с ручкой равна приблизительно 7 см.

Тип II — миска конической формы с почти прямыми стенками и скругленным краем устья, украшенным косой насечкой. Диаметр устья — 15 см (рис. 59: 12).

Тип III — миски чашеобразной формы с выпуклыми стенками и отогнутым наружу венчиком. Диаметр устья двух мисок равен 14 см. Одна из них сделана из очень грубого теста (много дресвы) и не имеет орнамента (рис. 59: 14), другая — украшена горизонтальными линиями (рис. 59: 13). Миски III типа имеют, видимо, очень плавный переход от стенок к днищу, о чем свидетельствует наличие подобных придонных частей в тех же напластованиях, где найдены и венчики мисок III типа (рис. 59: 15–17). Диаметр днищ колеблется от 8 до 12 см. На одной придонной части имеется след от ручки.

Фрагменты мисок обнаружены в пластах, относящихся ко второй половине XII–XIV в.

Слонимские миски, совпадающие в основном с мисками других городов Черной Руси, отличаются от них меньшими размерами.

Фрагментов сосудов остальных групп посуды (кувшинов, корчаг, латок, мелкой столовой посуды, крышек) в просмотренной части слонимской керамики не обнаружено. Не исключено, однако, что единичные фрагменты тех или иных форм еще могут быть выявлены.

Завершая рассмотрение массовой неполивной керамики Слонима, необходимо отметить, что отличительной особенностью ее, по сравнению с ранее рассмотренными керамическими комплексами, является удивительное однообразие и, можно сказать, бедность орнаментальных мотивов. Это было отмечено и Г. И. Пехом.[1] Горизонтальные линии, нанесенные палочкой, являются почти единственным декоративным приемом. Очень небольшое количество сосудов украшено сочетанием горизонтальных линий

[1] Пех Г. И. Указ. соч. С. 277.

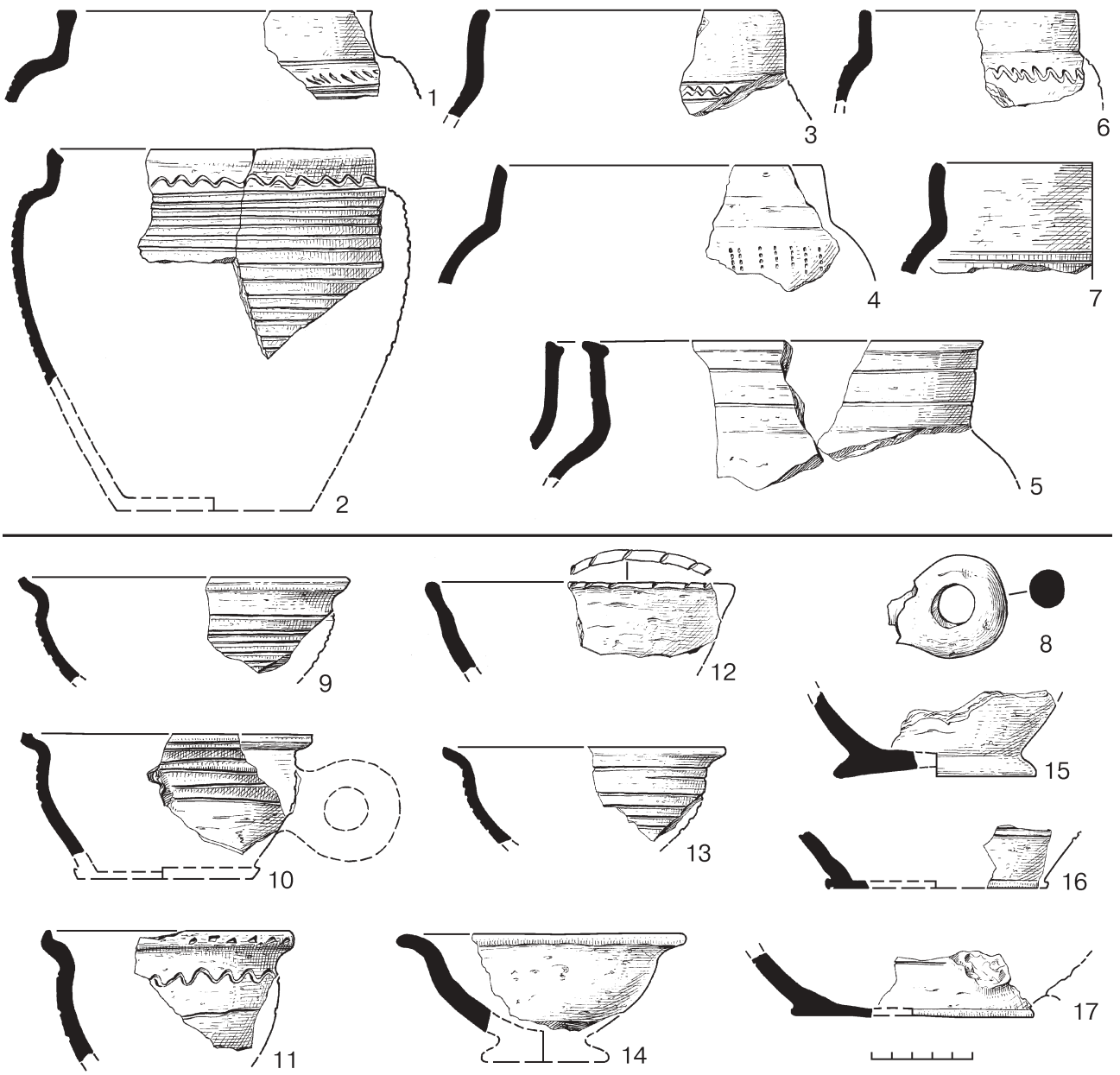


Рис. 59. Слоним. Горшки с вертикальным горлом и миски:
1–7 — горшки с вертикальным горлом; 9–11 — миски I типа; 12 — миски II типа;
13–14 — миски III типа; 8 — ручка миски; 15–17 — придонные части мисок

с одной волнистой или только волнистыми линиями. Еще реже применены косые наколы или насечки. Только в двух случаях обнаружено сплошное рифление, нанесенное гребенкой — прием, характерный для керамики XI в., которой в Слониме очень мало. Несколько разнообразнее орнаментированы лишь горшки с вертикальным горлом. Судя по крупным фрагментам стенок и придонным частям сосудов слонимской керамики, орнаментация покрывает почти все тулово сосуда, не достигая днища на 5–8 см. Некоторая часть посуды (около 1/4) совсем не орнаментирована. Количество сосудов без орнамента постепенно увеличивается от нижних пластов к верхним.

* * *

Рассмотрев массовую глиняную посуду Слонима, отметим, что распространение разных типов сосудов основной ее группы — горшков с отогнутым венчиком — в культурных напластованиях города очень похоже на таковое в Гродно. Горшки II–IV типов обнаружены, как и в Гродно, только в нижних слоях; горшки V–VIII типов — во всех пластах и горшки IX типа — только в верхних. Если же обратиться к количественному соотношению горшков разных типов в разновременных слоях города и учесть при этом достаточно надежную датировку аналогичных сосудов в Новогрудке и Волковыске, то можно попытаться уточнить время возникновения поселения в Слониме. Для этого надо учесть следующее: 1 — наличие в нижних пластах Слонима лишь единичных фрагментов горшков II типа, господствующих в Новогрудке и Волковыске с начала XI в. и еще встречающихся в первой половине XII в.; 2 — наличие в этих же слоях очень небольшого количества горшков III и IV типов, характерных в Новогрудке и Волковыске для XI — первой половины XII в. и 3 — наличие в этих же пластах такого же количества (как и горшков IV типа) горшков V типа, характерных в Новогрудке в Волковыске для XII — первой половины XIII в. Такое соотношение горшков разных типов в нижних пластах города позволяет отнести зарождение Слонима не ранее, чем к концу XI в. Эту датировку подтверждает и сопоставление керамики нижних слоев Слонима с керамикой первоначального поселения в Гродно.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КЕРАМИКИ ЗАПАДНОРУССКИХ ГОРОДОВ

Рассмотрев керамику каждого из основных городов Черной Руси, попытаемся выяснить, представляет ли она в целом единый керамический комплекс.

I. Начнем с сопоставления технологической характеристики сосудов (насколько это позволяет сделать в основном визуальное определение ряда моментов, связанных с гончарным производством) и отметим общие и отличительные признаки на раннем и позднем этапах.

Общими чертами для керамики второй половины X–XI в. являются следующие:

1. Применение в качестве отощителя к первоначальной глине дресвы (главным образом кварца и полевого шпата) и реже — крупно- и среднезернистого песка.
2. Одинаковый цвет посуды после обжига: преимущественно разные оттенки красного и коричневого, реже, желтого и серого цветов.
3. Формовка посуды при помощи ленточной техники, следы которой особенно хорошо заметны во второй половине X и первой половине XI в. (Новогрудок, Волковыск, Индура), но встречаются и позже (в тех же городах и в Гродно).
4. Обточка сосудов на гончарном круге сначала только по венчику, затем по венчику и плечикам и только с середины XI в. как частично, так и целиком (Новогрудок, Индура, Волковыск и Гродно).
5. Применение гончарного круга, по всей вероятности, одной конструкции — сначала с грибовидным диском, а потом (со второй половины или конца XI в.), возможно, и со спицами.
6. Применение печного обжига, дающего трехслойный в изломе черепок.
7. Использование в орнаментации сосудов, наряду с палочкой и гребенчатым инструментом, различных штампов. Различается лишь процент их в разных городах, убывающий с запада на восток: Индура, Гродно, Волковыск и Новогрудок.
8. Наличие лишь небольшого количества днищ с гончарными клеймами (за исключением Индуры, где их много) и сходство наиболее распространенных рисунков клейм.

Что касается различий в технике изготовления керамики городов Черной Руси на этом раннем этапе, то их почти нет. Можно лишь отметить, что среди керамики Волковыска, изготовленной, как и в других городах, из цветной глины (красножгущейся или серожгущейся), имеются горшки (самые ранние и только на Шведской горе), сформованные из белой глины (беложгущейся). В других городах — Индуре и Новогрудке — фрагменты посуды из белой глины составляют редкое исключение.

Второй отличительной чертой является неодинаковое применение при формовке посуды выпуклой подставки: в Индуре вогнутые днища преобладают над плоскими; в Новогрудке, Волковыске и Гродно их мало.

Таким образом, керамика городов Черной Руси второй половины X–XI в., сопоставленная по технологическим признакам, имеет значительно больше сходных черт, чем отличительных.

II. Ассортимент посуды в этом время в разных городах Черной Руси тоже почти одинаковый (табл. 16).

В городах, керамика которых рассмотрена наиболее полно (Новогрудке и Волковыске), — это горшки с отогнутым наружу венчиком первых четырех типов, составляющие более 90 % всего массового керамического материала, горшки с вертикальным горлом и единичные фрагменты сосудов для хранения запасов (корчаг), мисок, сковородок и жаровен. В Индуре — городе второй половины X — первой половины XI в. — горшки с отогнутым венчиком первых трех типов (а не четырех), горшки с вертикальным горлом и единичные фрагменты сосудов для хранения запасов.[1]

В Гродно (ранний поселок), возникшем лишь в конце XI в., почти нет горшков I типа, господствуют горшки II–IV типов и сосуды для хранения запасов.

Таким образом, различия в составе групп посуды второй половины X–XI в. в названных городах объясняется лишь разным временем их возникновения.

III. Формы сосудов в отдельных группах керамики в основном также сходны, но имеются и некоторые различия.

1. Среди горшков I типа только в Волковыске хорошо представлен наиболее ранний их вид (Iд — ранний волынский тип), который в Новогрудке и Гродно встречен лишь в единичных экземплярах.

   Только в Индуре и Волковыске среди горшков I типа есть разновидность Iе с высокой прямой или наклонной шейкой, покрытой линейным орнаментом.
2. Среди горшков II типа, сходных в основных чертах во всех городах, выделяется также вид IIе с выделенной, слегка изогнутой или прямой шейкой, украшенной горизонтальными линиями, обнаруженный только в Индуре и Гродно (если не считать близкий к этому виду фрагмент на Муравельнике).
3. Горшки III типа, также сходные между собой, различаются лишь по количественному распределению в интересующих нас городах. Их совсем мало в Индуре, где этот тип только возник накануне прекращения жизни на городище, и мало в Слониме и Турийске, возникших в конце XI в., где этот тип был вскоре вытеснен более поздними формами. В Волковыске, Новогрудке и Гродно он выступает во второй половине XI — первой половине XII в. наряду с горшками II, IV, V типов.

   Горшки III типа объединяет и то, что в Волковыске, Новогрудке, Индуре и Гродно среди них есть разновидности с выделенной шейкой и горизонтальными линиями.
4. Горшки IV типа не во всех городах выступают в одинаковых вариантах. В Новогрудке и Гродно нет разновидности IVв, характерной для Волковыска (Шведская гора и Замчище) и Турийска. В Слониме, где горшков IV типа вообще мало, преобладают новогрудские виды (IVа и IVб). Различаются горшки IV типа и орнаментацией: в Новогрудке преобладает рифление, но встречаются и одинарные линии, во всех других городах (кроме Индуры, где горшков этого типа нет) резко преобладают одинарные горизонтальные линии. Только в Гродно часть горшков IV типа украшена дополнительно треугольным в сечении налепным валиком (острым) у основания шейки. Во всех городах, кроме Индуры и Слонима, среди горшков IV типа (как и III типа) есть экземпляры с хорошо выделенной высокой шейкой, покрытой линейным орнаментом.

Сопоставление горшков первых четырех типов, бытующих в городах Черной Руси во второй половине X–XI в., свидетельствует о том, что между ними имеются незначительные отличия, возникшие, главным образом, во второй половине XI в. (горшки IV типа). Неодинаковое распределение некоторых разновидностей рассмотренных горшков объясняется либо хронологическими рамками существования того или иного города, либо (в некоторых случаях) расположением Индуры и Гродно на западной окраине Неманской земли.

[1] Отсутствие сковород и жаровен в Индуре может быть результатом недостаточной изученности керамики этого памятника.

Таблица 16

Сводная таблица керамики западнорусских городов второй половины X–XIII в.

| Города | | Группы посуды | Группа 1 | | |

IV. Горшки с вертикальным горлом I типа изготовляли в рассматриваемый период во всех городах Черной Руси, и они почти ничем не отличались друг от друга. Лишь немногочисленные сосуды II типа, как с валиком у основания горла (IIа), так и с желобчатой поверхностью (IIб), есть не везде: первые отсутствуют в Гродно и Слониме, вторые — в Слониме и Турийске.

V. Сосуды для хранения запасов, представленные очень фрагментарно (в основном стенками большого диаметра), трудно поддаются учету по типам, так как очень редко встречаются их горловины. Обломки стенок этих сосудов обнаружены во всех городах, кроме Слонима.

VI. Сковороды, найденные лишь в Новогрудке и Волковыске, различаются только тем, что в Волковыске они сделаны, видимо, вручную, а в Новогрудке преобладают обточенные на гончарном круге.

VII. Жаровни выявились также только в Волковыске и Новогрудке, однако, возможно, что они, как и сковородки, входили в керамический комплекс Индуры.

Таким образом, керамические комплексы городов Черной Руси, существовавшие во второй половине X–XI в. (Волковыска, Новогрудка и Индуры), а во многом и керамический комплекс возникшего в конце XI в. Гродно, сопоставленные между собой, обнаруживают гораздо больше общих черт, чем различий. Вывод этот представляется существенным, так как говорит о наличии культурного единства на рассматриваемой территории — будущей Черной Руси — уже в X–XI вв., то есть со времени заселения ее славянами.

Сравним теперь керамику разных городов Черной Руси XII–XIII вв.

I. На сопоставлении сырья, примененного для изготовления посуды и на технике ее изготовления подробно можно не останавливаться, поскольку в XII–XIII вв. в керамическом производстве всех городов она изменилась по сравнению с предшествующим периодом незначительно.

Можно лишь отметить следующее:

1. В Новогрудке очень небольшой процент посуды (в основном горшков V типа) был сделан из белообжгущейся глины, в то время как в других городах были найдены лишь единичные черепки такой посуды (Гродно, Слоним).
2. Во всех городах перестали (или почти перестали) пользоваться при формовке посуды выпуклой подставкой, о чем свидетельствует почти полное отсутствие вогнутых днищ.
3. Наблюдаются некоторые различия в орнаментальных приемах, хотя в керамике городов XII–XIII вв. господствуют горизонтальные линии, на втором месте стоит одинарная волна. В Новогрудке, Волковыске и Гродно продолжает изредка встречаться многорядная волна и пояса гребенки. В Слониме и Турийске гребенчатый орнамент почти полностью отсутствует. Общей чертой в орнаментации керамики всех городов Черной Руси является то, что орнамент покрывает не только плечики, но и все тулово сосудов, что для посуды XII–XIII вв. не характерно.
4. Керамика Турийска отличается от керамики других городов большой механической прочностью.

II. Ассортимент посуды в XII–XIII вв. во всех городах почти одинаковый: горшки с отогнутым венчиком V–IX типов, горшки с вертикальным голом, миски различных типов, кувшины и крынки, сосуды для хранения запасов, мелкая столовая посуда (в Волковыске и Турийске), латки (в Новогрудке и Турийске), крышки.

III. Некоторые различия имеются в типах посуды разных групп.

1. Горшки V типа являются ведущей формой этой группы посуды в XII в. во всех городах, кроме Гродно, где их почти совсем нет.
2. Горшки VI типа, сопутствующие предшествующим, обнаружены не во всех городах: в Новогрудке, Волковыске, Гродно и Турийске.
3. Горшки VII типа, составляющие небольшую группу посуды, имеются во всех городах, но представлены различными вариантами. Особенно четко выделяется вид с выгнутым венчиком (VIIг), имеющийся только в Гродно.
4. Горшки VIII типа — ведущего как и тип V — существенных различий в разных городах не имеют.

5. Горшки IX типа, представляющие значительную и очень четко выраженную группу в Новогрудке, в других городах составляют меньший процент и несколько отличаются от новогрудских. Различие между ними выражается главным образом в орнаментации. В Новогрудке — это почти всегда косые вдавления в сочетании с горизонтальными линиями; в Волковыске — горизонтальные линии, иногда в сочетании с косыми вдавлениями и часто без орнамента; в Гродно — почти всегда одна или две волнистых линии, иногда в сочетании с одной-двумя горизонтальными; в Слониме и Турийске — горизонтальные линии или без орнамента. В Новогрудке и Волковыске эти горшки выполнены в более примитивной технике, чем ранее рассмотренные горшки.

Таким образом, несмотря на то, что в XII–XIII вв. во всех городах Черной Руси, кроме Индуры (прекратившей свое существование в XI в.), встречаются почти все основные типы горшков с отогнутым наружу венчиком, разновидности их не всегда совпадают. Так некоторые отличительные особенности керамики Гродно в сочетании с таковыми, отмеченными для более раннего периода, выделяют его керамический комплекс из числа других, что, несомненно, объясняется его расположением на крайнем западе Руси.

Некоторые особенности керамики разных городов являются хронологическими. Так, например, горшки XII–XIII вв. Слонима и Турийска несколько отличаются от сосудов Новогрудка, Волковыска и Гродно по характеру орнаментации, которая тут очень однообразна. Почти полностью отсутствуют многорядные волнистые и горизонтальные линии, нанесенные гребенкой, редкое исключение составляют косые наколы и полностью господствуют одинарные горизонтальные линии. Гребенчатый орнамент не встречается в керамике этих городов даже на горшках II–IV типов, обычно украшенных рифлением. Отсутствие гребенчатого штампованного орнамента в керамике Турийска и Слонима, несомненно, связано с более поздним, чем другие города, и в том числе Гродно, временем их возникновения — рубежом XI и XII в., когда этот орнамент применялся лишь пережиточно.

IV. Горшки с вертикальным горлом, обнаруженные в XII–XIII вв. во всех керамических комплексах, очень схожи между собой по основным признакам. Различия между ними заключаются лишь в характере орнаментации, которая на сосудах Слонима и Турийска ограничивается горизонтальными линиями, а на сосудах других городов несколько более разнообразна. Кроме того, в Слониме и Турийске не обнаружена разновидность IIб с желобками и валиками на поверхности. Это последнее обстоятельство является, вероятно, еще одним свидетельством более позднего по сравнению с другими городами происхождения Турийска и Слонима.

V. Миски, составлявшие исключение в керамике второй половины X–XI в., входят в керамический комплекс всех городов Черной Руси в XII–XIII вв. (их нет только в Индуре и на Муравельнике в Волковыске, где жизнь прекратилась во второй половине XI в.), причем в каждом из них встречаются почти все их типы, а иногда и все разновидности.

Только большие миски IV типа, характерные для керамического комплекса Новогрудка (конца XII — первой половины XIII в.), в других городах, за исключением Гродно, не обнаружены. Редкое исключение составляют также миски с ручкой в виде круглой петли. Такие ручки-петли отдельно от мисок найдены только в Волковыске и Слониме. В целом же миски различных городов Черной Руси довольно единообразны.

VI. Кувшины и крынки, составляющие очень небольшую группу керамики, обнаружены не во всех городах. В Новогрудке, где исходный керамический материал наиболее многочисленный, выявлено три типа кувшинов, в Гродно — только один тип и крынки, в Турийске — одна крынка. В Волковыске и Слониме кувшины и крынки пока не обнаружены. Делать какие-либо обобщения по столь незначительному материалу трудно.

VII. Сосуды для хранения запасов, выявленные во всех городах, кроме Слонима, настолько фрагментарны, что сравнивать их между собой затруднительно. Можно отметить лишь, что узкие горловины, характеризующие I тип этих сосудов, встречены во всех городах, кроме Слонима. Широкие же горловины с отогнутым наружу краем найдены только в Новогрудке, Волковыске и Гродно, причем в Гродно есть четко выраженный тип широких горловин, обнаруженный и в Волковыске.

VIII. Мелкая столовая посуда по причине ее малочисленности выявлена также только в наиболее крупных коллекциях — в Новогрудке, Волковыске и Гродно. Сосуды в виде стаканов или кружек есть в Новогрудке и Волковыске, маленькие мисочки (чашечки) и миниатюрные горшочки — в Новогрудке, Волковыске и Гродно. Особую группу составляют черпаки или чашки с ручкой в виде отростка, характерные только для Волковыска и, может быть, Турийска (найден один фрагмент ручки).

IX. Латки-сковородки, представленные только полыми ручками, найдены лишь в Новогрудке и Турийске. Этот тип посуды, видимо, только возникший в конце XII или первой половина XIII в., становится характерным для более позднего времени.

Таким образом, сопоставление различных групп массовой керамики городов Черной Руси XII–XIII вв. приводит к выводу, что хотя в этот период между керамическими комплексами разных городов выступает несколько больше различий, чем на раннем этапе, все же черты, объединяющие эти комплексы, заметно преобладают. К ним относятся общность технологических приемов, сходство ассортимента посуды, совпадение основных типов посуды в каждой группе, прием нанесения орнамента на всю поверхность сосуда. Незначительные расхождения имеются в ассортименте посуды и в некоторых вариантах основных типов в каждой ее группе.

Сделанные наблюдения позволяют констатировать, что не только в X–XI вв., но и в XII–XIII вв. керамика городов Черной Руси представляет собой более или менее единый керамический комплекс, который, как это будет показано ниже, отличается от керамических комплексов соседних русских княжеств и, особенно, от керамики западных славян, влияние которой заметно проявлялось в предшествующий период. Иначе говоря, глиняная посуда Черной Руси на протяжении всего рассматриваемого периода составляла определенный областной вариант древнерусской керамики.

ГЛАВА III
КЕРАМИКА ЗАПАДНОРУССКИХ ГОРОДОВ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Исследование керамики западнорусских городов X–XIII вв. проливает свет на ряд вопросов, связанных с историей Понеманской земли. К ним относятся, прежде всего, время заселения будущей территории Черной Руси славянами и пути их проникновения, этнический и племенной состав первых поселенцев, их связи с населением соседних восточнославянских и западнославянских земель, как на раннем, так и на позднем этапах, время возникновения чернорусских городов и ряд других.

Все эти вопросы многократно дебатировались в научной литературе на основании привлечения различных источников: письменных,[1] гидронимики,[2] топонимики,[3] антропологии[4] и археологических. К исследованиям, основанным на археологических материалах, относятся, в первую очередь, монографии Ф. Д. Гуревич,[5] В. В. Седова[6] и Я. Г. Зверуго,[7] а также ряд статей этих авторов и других исследователей, в которых рассматриваются проблемы, касающиеся интересующего нас региона и, в частности, заселения его славянами.

По многим из упомянутых выше вопросов до сих пор нет единого мнения. Нам представляется, что керамический материал городов Верхнего Понеманья, и, в первую очередь, ранний, служит еще одним источником для их решения. При этом надо иметь в виду, что на славянских поселениях Понеманья IX–X вв. (еще мало изученных) раннекружальная керамика встречается вместе с небольшим количеством лепной, представленной очень фрагментарно. Почти полное отсутствие лепной посуды в Новогрудке и Волковыске (найдены фрагменты горшков в нижнем слое окольного города в Новогрудке [рис. 5] и маленький горшочек в предматериковом слое на детинце,[8] а также фрагменты лепных сковородок) свидетельствует о том, что славяне, колонизовавшие в X в. земли Верхнего Понеманья, ранее заселенные балтскими племенами (в частности, ятвягами), пришли со знанием гончарного круга.

Попытаемся с помощью сопоставления керамики ранних городов Черной Руси (ее ассортимента и форм) с керамикой того же периода на соседних восточнославянских и западнославянских землях проследить время и пути продвижения славянских племен на территорию Верхнего Понеманья, а также выявить особенности керамического комплекса этого региона.

Начнем с рассмотрения аналогий самой ранней глиняной посуды — кухонных горшков и сковородок **второй половины X — начала XI в.**

Лепные **сковороды** из грубого теста, известные в славянской керамике начиная с VI–VII вв.,[9] получили особенно широкое распространение на землях как восточных, так и западных славян в VIII–X столетиях. На ряде поселений IX–X вв., расположенных в юго-западных областях Руси (преимущественно на Волыни) лепные сковороды обнаружены вместе с подправленными на гончарном круге, причем последние, как и в городах Понеманья, количественно преобладают над первыми. Среди таких памятников

---

[1] Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л, 1950. С. 11.

[2] Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С. 229–244.

[3] Жукович В. А. Топонимика Белоруссии. Минск, 1968. С. 127–130.

[4] Седов В. В. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья // СЭ. 1955. № 3. С. 12–18.

[5] Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. М.; Л., 1962. С. 42–144, 156–220.

[6] Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. М., 1982. С. 90–132.

[7] Зверуго Я. Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. Минск, 1989. С. 62–110.

[8] Зильманович И. Д. Раскопки в детинце Новогрудка в 1962 г. // КСИА. Вып. 109. 1965. С. 95, рис. 36: 1.

[9] Русанова И. П. Славянские памятники второй половины I тыс. н. э. на северо-западе Украины и юге Белоруссии // Древности Белоруссии. Минск, 1966. С. 184–185.

можно назвать город Плеснеск на границе Галицкой и Волынской земель (в Львовской области),[1] городище Зимно на Волыни близ Владимира,[2] городище Франополь в Брестском Побужье (на притоке р. Муховца),[3] а также городище в Южной Белоруссии под Минском на р. Менке, заселенное дреговичами.[4] Наличие сковородок в Волковыске и Новогрудке связано, скорее всего, с приходом в Верхнее Понеманье славян с Волыни, как это уже было отмечено Ф. Д. Гуревич.[5]

С продвижением волынян на север связано, видимо, и наличие в Новогрудке и Волковыске фрагментов **жаровен** (пражниц), служивших для подсушки или поджаривания зерна. В виде завершения печей или больших съемных сковородок, вылепленных из глины с примесью соломы, жаровни были распространены на юге Восточной Европы, а также на землях Польши, Чехословакии и Германии с VI–VII вв. вплоть до середины XIII столетия.[6] Известны они и на поселениях Волыни IX–XI вв. — в Стжижове Грубешовского повята (теперь в Польше),[7] в Острожце Ровенской обл.,[8] в Плеснеске[9] и других.

Еще более определенно о продвижении населения в Понеманье с Волыни свидетельствуют некоторые виды самой массовой глиняной посуды — **кухонные горшки**. Несмотря на то, что наиболее ранние сосуды (тип I) характерны для обширной территории как восточных, так и западных славян, в связи с чем справедливо называются общеславянскими, среди них по отдельным деталям выделяются некоторые разновидности, имеющие более узкий круг аналогий. Приведем примеры.

Горшки вида Iа (с прямо срезанным краем венчика — рис. 8: 2) и вида Iб (с прямо срезанным и оттянутым вниз краем), орнаментированные большей частью начиная с шейки, а не с плечиков, характерны преимущественно для юго-западных районов Руси. Они известны на Волыни в урочище Гнидава близ Луцка VIII–X вв.,[10] на городище и селище у с. Затурцы (Локачинского района) IX–X вв.,[11] на поселении у с. Городок (Ровенской области),[12] во Владимире-Волынском и других. Горшки, близкие понеманским I типа, имеются также на правобережье Днепра, на восточной окраине земли дреговичей, границы которой установлены В. В. Седовым.[13] Здесь интересный материал дало городище в с. Чаплин Речицкого района, в котором кружальные горшки, аналогичные понеманским по форме и, что особенно характерно, по линейной орнаментации, нанесенной палочкой (а не гребенкой), начиная с шейки, обнаружены в сочетании с лепной керамикой пражского типа, а также с лепной и гончарной сковородками.[14]

---

[1] Кучера М. П. Древній Плісьнеск // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. XII. Київ, 1962. С. 50.

[2] Багрій Р. С. Нові слов'янські древньоруські пам'ятки на території Волині // МДАПВ. Вып. 4. 1962. С. 120–130. Табл. IV, 7.

[3] Иов О. В. Круговая керамика поселений IX–XI вв. Западной части Белорусского Полесья // Древнерусская керамика. М., 1962. С. 47, рис. 8: 3–5, 7–8.

[4] Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск, 1978. С. 63–68, рис. 26: 1–6.

[5] Гуревич Ф. Д. Об этническом составе населения древнего Новогрудка // Acta Bałtico-Sławica. VI. Białostok, 1966. S. 221–222.

[6] Malinowski T. Wczesnośredniowieczne naczynia słowińaskie do prażenia zboża // Dawna Kultura. 1. Rok 1955. Wrołcaw, S. 30–32, ryc. I.

[7] Rauhut L. Osadnictwo wczesnośredniowieczne w Strzyżowie pow. Hrubieszów // WA. T. XXIV. Z. 1–2. 1957. S. 116–117, tab. XIV, 10.

[8] Раппопорт П. А. Изучение древнерусских жилищ // АО 1965 года. М., 1966. С. 170; Он же. Древнерусское жилище / САИ. Е1-32. 1975. С. 151–152, рис. 54, 55.

[9] Кучера М. П. Указ. соч. С. 25.

[10] Кучера М. П. Археологические исследования Волынского отряда // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Вып. 3. Киев, 1971. С. 245.

[11] Кучера М. П. Раскопки у с. Затурцы на Волыни // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Вып. 2. Киев, 1968. С. 194–197.

[12] Багрій Р. С. Нові слов'янські древньоруські пам'ятки на території Волині // МДАПВ. Вып. 4. 1962. С. 120–130, табл. III, 2, 3.

[13] Седов В. В. Дреговичи // СА. 1963. № 3. С. 112–125; Он же. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. М., 1982. С. 113–118.

[14] Сымановіч Э. А. Поселение эпохи Киевской Руси в с. Чаплин в Южной Белоруссии // СА. 1961. № 2. С. 203–209, рис. 1: 1, 3, 11.

По совокупности материала автор датирует поселение X–XI вв., хотя наличие лепной керамики и отсутствие форм сосудов, характерных для XI в., а также монета 903 г. склоняют к датировке поселения X в.

На территории другого летописного славянского племени — древлян, на городище и селище Хотомель Давид-Городокского района Брестской обл., в культурном слое VIII–X вв. (а на селище, возможно, IX–X вв.)[1] вместе с лепной керамикой обнаружены ранние гончарные сосуды, которые, по наблюдению Ю. В. Кухаренко, очень похожи на чаплинские.[2]

Наличие в IX–X вв. на землях волынян, дреговичей и древлян сосудов, аналогичных двум названным разновидностям понеманских горшков I типа, свидетельствует об общности форм керамики этих территорий, что представляется весьма закономерным. Многие исследователи, опираясь на сходство обряда погребения, украшений и данные топонимики и гидронимики, отмечают родственность юго-западных славянских племен, корни которой относят к периоду существования на этих землях памятников с лепной керамикой пражско-корчагского типа.[3] Можно предположить, что некоторые разновидности раннегончарных горшков у юго-западных племен могли развиться как непосредственно из форм керамики пражского типа, так, в частности, на более северной из упомянутых земель — дреговичской, могли возникнуть в результате постепенного продвижения южных славянских племен (волынян и, может быть, древлян) на север, за Припять[4] и в Верхнее Понеманье.

Для рассмотрения вопроса колонизации славянами интересующего нас района, особого внимания заслуживают горшки вида Iд, характеризующиеся коротким, сильно отогнутым и оттянутым вниз венчиком и покатыми плечиками (рис. 37: 6, 8–10). Вид этот интересен тем, что является хронологически наиболее ранним в Понеманье, и тем, что прямые аналогии его ведут опять на юго-западную Волынь.

Ярким примером подобных сосудов служит керамика с поселения в Стжижове, расположенного к юго-западу от Владимира в Грубешовском районе (теперь в Польше), где горшки, аналогичные разновидности Iд, являются почти единственной формой посуды.[5] Горшки эти сделаны из глины с примесью дресвы и песка, имеют большей частью серо-коричневый цвет и обточены на круге только по венчику или в верхней части. Другие формы горшков в Стжижове составляют исключение. Это, с одной стороны, несколько фрагментов горшков вида Iа, а с другой — обломки целиком лепных горшков, иногда с насечкой по краю венчика. По аналогии с ранней керамикой другого важного центра Побужья — города Волынь (теперь Грудек-Надбужный в Польше) — и на основании отсутствия форм, характерных для более поздних комплексов (XI–XIII вв.), Л. Раухут считает верхней датой поселения середину X в., а нижней — рубеж VII и VIII в. При этом горшки интересующего нас вида (Iд — рис. 8: 9), найденные в ямах и культурном слое, отнесены к IX и середине X в. Л. Раухут связывает поселение в Стжижове с племенем дулебов, называемых позже бужанами или волынянами.[6]

В окрестностях третьего важного города юго-западной Волыни — Владимира раскопками под руководством М. К. Каргера в 1955 г., в местности Красные берега (бывш. Белые берега) было раскопано

---

[1] Русанова И. П. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории древлян // СА. 1958. № 4. С. 38–44.

[2] Кухаренко Ю.В. Раскопки на городище и селище Хотомель // КСИИМК. Вып. 68. 1957. С. 94; Он же. Средневековые памятники Полесья / САИ. Е 1-57. 1961. С. 9–10, 22–27, табл. 6, 8, 24.

[3] Седов В. В. Дреговичи … С. 114–116, 120–121; Он же. О юго-западной группе восточнославянских племен // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 10; Он же. Восточные славяне в VI–XIII вв. … С. 90–122; Русанова И. П. Территория древлян по археологическим данным // СА. 1960. № 1. С. 69; Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья. С.10; Тимофеев Е. И. Расселение юго-западной группы восточных славян по материалам могильников X–XIII вв. // СА. 1961. № 3. С. 56–73.

[4] В. В. Седов по материалам гидронимики прослеживает проникновение славян на левобережье Припяти с Волыни, в частности из бассейна Горыни и Стыри — Седов В. В. Дреговичи … С. 123–124.

[5] Rauhut L. Osadnictwo wczesnośredniowieczne w Strzyżowie pow. Hrubieszów // WA. T. XXIV. Z. 1–2. 1957. S. 113–128, tabl. XIV, 5–7, 11–13; XV, 1, 4, 6; XVI, 2–4, 7.

[6] Там же. С. 124, 127–128.

полуземляночное жилище, керамический комплекс которого почти целиком состоит из горшков, аналогичных стжижовским. Важно, что кроме обломков венчиков здесь были найдены два разбитых, но полностью восстановленных горшка, которые дают представление о формах сосудов этого типа. Оба они имеют вытянутую форму, максимальную раздутость тулова чуть выше середины высоты и украшены в верхней части горизонтальными линиями.[1] Венчики обоих горшков, как и других сосудов (диаметр которых колеблется от 16 до 25 см), сильно отогнуты наружу, и некоторые из них, как и стжижовские, имеют характерный утонченный край. Горшки сделаны из грубого теста и обточены на круге лишь в верхней части.

На основании отсутствия фрагментов лепной керамики, с одной стороны, и отсутствия форм сосудов, характерных для XI (и конца X) века, с другой, жилище на Красных берегах можно датировать серединой X в. Таким образом, керамика жилища в окрестностях Владимира в сочетании с керамическими материалами других городов юго-западной Волыни свидетельствует о том, что в IX — середине X в. рассмотренный выше тип горшков являлся в этом районе основным и может быть назван поэтому раннекружальным волынским типом.

Имеются данные, свидетельствующие о том, что из юго-западной Волыни волыняне продвигались в Верхнее Понеманье через Верхнее Побужье, где на некоторых поселениях, в частности, на городище Франополь (на притоке р. Муховца) обнаружены горшки, аналогичные ранневолынским, которые здесь в X в. являлись ведущим типом.[2]

Из Брестского Побужья волыняне продвигались не только на север, в Понеманье, но также и на запад, вниз по Бугу, в Подляшье. Здесь на ряде поселений в районе Дрогичина имеются сосуды, близкие ранневолынским кружальным горшкам (вид Iд). На некоторых памятниках они сочетаются, как и на Волыни, с лепными сосудами и другими разновидностями раннекружальных горшков (Сова-Козарувка на окраине Дрогичина,[3] Слохи-Огородники, повят Семятыче,[4] Роханы, повят Сидльце[5]), на других — с раннекружальными и более развитыми формами.

Существенно заметить, что ранневолынские горшки (вид Iд) обнаружены главным образом в наиболее южном из городов Черной Руси — Волковыске и лишь в единичных экземплярах в Новогрудке. Наличие ранневолынских горшков на Шведской горе в предматериковом слое, перекрытом пожарищем, в сочетании с меньшим количеством раннекружальных горшков другой разновидности (вид Iа) позволяет предположить, во-первых, что открытое поселение в Волковыске могло быть основано волынянами, а, во-вторых, что оно возникло несколько раньше (может быть, на 2–3 десятилетия), чем поселение в Новогрудке, где нет столь чистого слоя с ранней керамикой.

О связях понеманской керамики второй половины X— начала XI в. с Волынью и с Подляшьем говорит еще одна разновидность горшков I типа — вид Iе (рис. 45: 8–9). Сосуды эти, при наличии венчика одного из предшествующих видов горшков, отличаются от них выделенной шейкой (вертикальной или наклонной), большей частью покрытой волнистым или линейным орнаментом. На Западной Волыни такие горшки имеются на поселении этого же времени у с. Головно, близ Любомля,[6] а в Подляшье — на окраине Дрогичина в Сове-Козарувке (IX–X вв.).[7] Несмотря на то, что в Понеманье горшки вида Iе найдены лишь в единичных экземплярах (в Индуре и Волковыске), они важны для понимания происхождения одной своеобразной, более поздней группы сосудов — горшков так называемого «дрогичинского» типа.

---

[1] Малевская М. В. Некоторые исторические связи Новогрудка в X в. // КСИА. Вып. 129. 1971. С. 17, рис. 6: 1, 2, 4.

[2] Иов О. В. Круговая керамика IX–XIII вв. … С. 36–47, рис. 1, тип Б; рис. 2.

[3] Musianowicz K. Slady osadnictwa VI–VIII wieku w Drohiezyne, pow. Siemiatycze // WA. T. XXXII. Z. 1–2. 1966. S. 31–52, ryc. 4р, 19в (средний).

[4] Musianowicz K. Granica mazowiecko-drehovicka na Podlasiu we wczesnym średniowieczu // MW. T. V. 1960. S. 187–198, tabl. VI, 2; V, 5 и 9.

[5] Op. cit. Tabl. VII, 14, 16.

[6] Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья. Табл. 12, 9 и 14.

[7] Musianowicz K. Slady osadnictwa... Ryc. 4i, 5s.

Говоря о самом раннем керамическом комплексе, необходимо еще упомянуть о **горшках с вертикальным горлом**, происхождение которых связывали иногда с влиянием Мазовии.[1] Однако по мере накопления материала становится все яснее, что основной тип этих сосудов, вид Ia — общеславянский (рис. 18: 1–11). Эта разновидность горшков с вертикальным горлом по форме тулова, характеру орнаментации, технике изготовления не отличается от обычных горшков с отогнутым наружу венчиком и имеет широкое распространение не только в Мазовии и других районах Польши, но также и на восточнославянских землях. Кружальные горшки с вертикальным горлом, возникнув из форм лепной керамики VIII — первой половины X в., как это видно на материале некоторых восточнославянских поселений, где оба вида посуды сосуществуют (как, например, в Молдавии,[2] на Житомирщине в Шумске,[3] в Южной Белоруссии на городище у с. Чаплин[4] или на Левобережье Днепра на Новотроицком городище[5] и других) продолжают жить до конца XIII в. В городах Черной Руси они появляются во второй половине X в. (в Волковыске,[6] Новогрудке и Индуре), но более характерны для последующего времени — XI–XII вв., в связи с чем аналогии разновидностям горшков с вертикальным горлом будут рассмотрены ниже.

Приведенные выше аналогии самым ранним формам глиняной посуды городов Черной Руси достаточно определенно говорят о начавшемся в X в. колонизационном потоке в Верхнее Понеманье из Южной Руси и, особенно, из юго-западной Волыни. О нем свидетельствует общность в юго-западной Волыни, на Подляшье и в Понеманье не только отдельных групп посуды, но и целых керамических комплексов, включающих в себя несколько разновидностей кухонных горшков, сосуды с вертикальным горлом, сковородки и жаровни. Этот факт приводит к мысли о том, что волыняне входили в число первых поселенцев Волковыска, Новогрудка и Индуры, а, возможно, были и основателями этих поселений.

Некоторые особенности ранней керамики городов Черной Руси и, в первую очередь, характер ее орнаментации, не менее определенно говорят о проникновении в Понеманье, начиная также со второй половины X в., населения с запада.

К орнаментальным приемам, характерным для западнославянской керамики, городов Понеманья, относятся самые разнообразные штампы: решетчатые (квадратные, овальные и ромбические), в виде розеток, лунок, зубчатого колесика, а также гребенчатые штампы (одинарный, двойной, тройной) и другие. Перечисленные декоративные элементы применяются обычно в сочетании с волнистыми или горизонтальными линиями и покрывают почти всю поверхность сосуда. Такая богатая орнаментация характеризует керамику западнославянских земель и, в первую очередь, соседней Мазовии. Она появляется здесь в X в., как, например, на поселении Брудно-Старе близ Варшавы[7] и бытует на протяжении XI и XII столетий. При этом, как отмечает К. Мусянович, анализируя керамику Брудно-Старе, квадратный, ромбический и другие разнообразные штампы украшают раннекружальные горшки с простым слабо отогнутым венчиком и, реже, встречаются на сосудах более поздних, с развитым и резче отогнутым краем венчика. В городах Черной Руси разнообразный штампованный орнамент также связан почти исключительно с раннекружальными сосудами (горшками I типа) второй половины X–XI в. Наличие такой керамики в Гродно и Волковыске и связь ее с западнославянскими землями уже отмечали Н. Н. Воронин,[8] В. Р. Тарасенко[9] и Г. И. Пех.[10]

---

[1] Musianowicz K. Masowieckie naczynia z cylindriczna szyjka na tle slawińaskiego materialu porównawczago // WA. T. XVIII. Z. 3–4. 1951/1952. S. 345–384; Малевская М. В. О датировке нижнего горизонта Новогрудка // КСИА. Вып. 104. 1965. С. 92; Гуревич Ф. Д. Об этническом составе населения древнего Новогрудка // Acta Baltiko-Slawika. VI. Bialostok, 1966. S. 221.

[2] Хынку И. Г. Указ. соч. С. 4–5, табл. 1, 8–11.

[3] Русанова И. П. Керамика раннеславянских поселений Житомирщины // Archeologicke rozhledy. T. XX. 5. Praha, 1968. С. 580, рис. 2 и табл. II, 4.

[4] Сымонович Э. А. Указ. соч. Рис. 1, 5.

[5] Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое / МИА. № 74. 1958. С. 38–39, рис. 22–23.

[6] Зверуго Я. Г. Древний Волковыск X–XIV вв. Минск, 1975. С. 66, 70.

[7] Musianowicz K. Gród i osada podgródowa w Bródnie Starym kolo Warszawy // MW. T. IV. 1956. S. 38, tabl. VIb; VII, l.

[8] Воронин Н. Н. Древнее Гродно. М., 1954. С. 40–41, рис. 15: 11.

[9] Тарасенко В. Р. Раскопки городища «Шведская гора» в Волковыске в 1954 г. // Материалы по археологии Белорусской ССР. Т. 1. М., 1957. С. 267.

[10] Пех Г. И. Раскопки в Волковыске // СА. 1963. № 1. С. 285.

Надо подчеркнуть, что среди рассмотренной выше керамики городов Черной Руси сосуды, украшенные штампом, а также разнообразными по форме наколами, наибольший процент составляют в Индуре, расположенной на границе с Польшей и затем — в Волковыске. В Гродно, возникшем лишь в конце XI в., когда этот вид орнаментации стал отмирать, такой керамики значительно меньше и неясно, с каким типом сосудов она связана (имеются лишь обломки стенок). В Новогрудке, наиболее восточном из городов Черной Руси, сосуды, украшенные штампом, представлены небольшим количеством экземпляров.

Богато орнаментированная керамика характерна также для поселений X–XI вв. соседнего с Мазовией Подляшья, и имеется, в частности, в районе Дрогичина у с. Огородники.[1] В районах, отдаленных от западной границы Руси, орнамент, нанесенный штампом, встречается редко и связан также с наиболее ранней круговой керамикой. Можно с уверенностью сказать, что наличие в городах Черной Руси в конце X–XI вв. керамики, украшенной сочетанием разнообразных декоративных элементов, включающих штампы, объясняется проникновением в Понеманские земли уже в X в. западнославянских племен и, в первую очередь, мазовшан. Весьма вероятно, что они шли не непосредственно из Мазовии, а с Подляшья, заселенного как восточнославянскими, так и мазовецкими племенами.

В связи с вопросом о заселении Верхнего Понеманья славянами надо отметить, что керамические материалы конца X — начала XI в. почти не отражают пребывание на этой территории балтийских племен, в частности ятвягов, заселявших ее до прихода славян, что установлено на основании исследований погребальных памятников и других источников.[2] Среди керамических материалов городов Верхнего Понеманья выделяется лишь небольшая группа фрагментов верхних частей сосудов с прямыми или наклоненными внутрь стенками (без венчиков), найденных в нижнем слое Новогрудка (рис. 24: 1–6). Эти сосуды имели, вероятно, цилиндрическую или боченковидную форму, как, например, сосуд из каменного кургана могильника у д. Ясудово (район Гродно), принадлежавшего вероятно ятвягам.[3] Таким образом, сопоставление наиболее ранних — второй половины X — начала XI в. — керамических материалов Новогрудка, Волковыска и городища Индуры с керамикой соседних земель показало, что в создании ее первоначального комплекса участвовали восточные славяне с юго-запада Руси и славяне с соседнего Запада.

Изучение керамики городов Верхнего Понеманья несколько более позднего времени — **XI — начала XII в.** представляет, хотя и близкую, но все же иную картину, чем период возникновения поселений.

В XI в. ведущим типом **кухонных горшков** становятся горшки II типа, появившиеся еще в конце X в., а с начала XII в. появляются также горшки III и IV типов. Ареал горшков II типа (рис. 9 и 37: 12–18), характеризующихся сложнопрофилированным (манжетовидным) венчиком, охватывает обширную территорию восточных и западных славян, за исключением ее северных районов — Новгородской, Псковской земель и Поморья, но в каждой области эти сосуды имеют свои особенности (в форме венчика, изогнутости шейки, пропорциях, орнаментации). Понеманским горшкам II типа наиболее близки сосуды, бытующие в XI — начале XII в. на Волыни (в Червени,[4] Владимире-Волынском[5]) и в дреговичской земле (в Клецке,[6] Заславле,[7] на Строчицком городище на р. Менке под Минском[8] и селище возле него.

---

[1] Musianovicz K. Graniza mazowiecka-drehowicka na Podlasiu we wezesnym średniwieczu // MW. T. V. I960. S. 187–198, tabl. V, 8–10; VI, 2; Miśkiewicz M. Dwie osady wczesnośredniowieczne we wsi Słochy-Ogrodniki, pow. Siemiatycze // WA. XXIV. Z. 4. 1957. S. 351–359, tabl. LVII–LVIII; Musianovicz K., Zawadzka B. Wczesnośredniowiczna osada w Ogorodnikach, pow. Siemiatycze w świetle bodań 1959 roku // WA. T. XXVII, z. 2. 1961. Tabl. XXV.

[2] Гуревич Ф. Д. Об этническом составе населения древнего Новогрудка. С. 220–222; Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья / МИА. № 163. 1970. С. 81; Он же. Восточные славяне в VI–XIII вв. … С. 117–120.

[3] Гуревич Ф. Д. Древности… С. 119–121, рис. 104: 2; Седов В. В. Курганы ятвягов // СА. 1964. С. 36–54.

[4] Abramowicz A. Ceramika z Czermna nad Huczwa // AP. T. IV. Z. 1. 1959. S. 172–174, ryc. 29–34, 50.

[5] Материалы раскопок М. К. Каргера во Владимире-Волынском в 1956 г. (из ямы под церковью XII в.). Материалы раскопок М. В. Малевской в детинце Владимира-Волынского в 1982 г.

[6] Поздняков В. С. Развитие керамики древнерусского Клецка IX–XIII вв. // Древнерусская керамика. М., 1992. С.48–56, рис. 1, тип 4, вид 2.

[7] Штыхов Г. В. Заславль в свете новых раскопок 1967–1968 гг. // Тезисы докладов к конференции по археологии Белорусии. Минск, 1969. Рис. 1: 2, 3, 4, 6–8, 13–14.

[8] Ткачев А. М. Прорезки вала городища на р. Менке // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969. С. 192–199, рис. 2: 13–14, 17, 19–20.

Надо отметить, что среди горшков II типа в дреговичской земле (в Туровском княжестве и южной части Полоцкого княжества) в XI в. среди горшков II типа выделяется разновидность, имеющая с наружной стороны венчика треугольный выступ (карнизик). Подобные горшки есть, например, в Клецке,[1] на Строчицком городище и селище под Минском[2] и других поселениях. Наличие этой разновидности сосудов в Новогрудке и Волковыске свидетельствует, видимо, о продолжающемся в XI — начале XII в. продвижении дреговичей в Понеманье. О присутствии дреговичей в XI в. в районе Новогрудка свидетельствуют и погребальные памятники этого времени — могильники у дд. Платово,[3] Городиловка,[4] Бретянка.[5]

На керамических материалах XI–XII вв., в частности, на примерах горшков III и IV типов, прослеживается продолжение связей населения Верхнего Понеманья с западными славянами.

Горшки III типа (рис. 10 и 38: 1–8) с горизонтально срезанным краем венчика и плавно отогнутой шейкой широкого распространения в XI в., видимо, не имели. Близкие им сосуды встречаются на соседних землях в Пинске,[6] Клецке,[7] в нижнем слое Берестья,[8] в Дрогичине.[9] Единичные сосуды такого типа имеются в Мазовии, например, в Каменке-Надбужной, повят Остров Мазовецкий.[10]

Аналогии горшкам IV типа (рис. 11 и 38: 9–15) со скошенным внутрь краем венчика и плавно отогнутой шейкой, бытующие в городах Черной Руси в XI — первой половине XII в., известны на более широкой территории, но, видимо, как второстепенные. Они есть на Смоленщине,[11] в Берестье,[12] в Подляшье,[13] а также в Мазовии[14] и особенно, в Малой Польше.[15] В этих районах они бытуют в XI–XII вв.

Среди горшков III и IV типов, как и предшествующих, одна разновидность представляет особый интерес — горшки с четко выделенной вертикальной или наклонной шейкой, покрытой линейным орнаментом (IIIв — рис. 10: 7 и IVг — рис. 11: 6–7). Близкие по форме сосуды хорошо известны на поселениях и могильниках Подляшья XI–XIII вв. и особенно в его гончарном центре Дрогичине, где являются ведущей формой посуды и справедливо названы дрогичинским типом.[16] Исследовательница древностей Мазовии и Подляшья Кристина Мусьянович, определив ареал керамики дрогичинского типа на Подляшьи и в Мазовии, восточную и северную его границы, за неимением достаточных данных, наметила лишь условно. Накопленный раскопками материал городов Черной Руси позволяет расширить эти границы в северо-восточном направлении с той лишь оговоркой, что, во-первых, в Понеманьи сосуды с выделенной шейкой несколько отличаются от дрогичинских по форме венчика и способу нанесения

---

[1] Поздняков В. С. Развитие керамики древнерусского Клецка… Рис. 1, тип. 4, вид 3.

[2] Штыхов Г. В. Сравнительное изучение древнейших городов Полоцкой земли... Рис. 8: 2–5.

[3] Cehak-Golubowicz H. Slowińaskie cmentarzysko kurhanowe koło wsi Płatowo w powiecie i województwie Nowogórdzkim // Ateneum Wilńeski. 1938. T. XIII. S. 190, 194–196.

[4] Гуревич Ф. Д. Древности... С. 98–112, 186–187. Павлова К. В. Раскопки курганов у д. Городиловка // КСИА. Вып. 135. М., 1973. С. 56–61.

[5] Павлова К.В. Раскопки могильника близ Новогрудка // КСИА. Вып. 104. 1965. С. 99–105.

[6] Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 111, рис. 31б, в, г, тип 3.

[7] Поздняков В. С. Развитие керамики Клецка… С. 48–57, рис. 2, тип 7, вид 3–4.

[8] Лысенко П.Ф. Берестье. Минск, 1986. С. 326–329, рис. 231, тип 6б.

[9] Musianowicz K. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu // MW. T. VI. 1969. Tabl. XV, 1, 17; XIX, 1.

[10] Rauhut L. Sprawosdanie z badań wezesnośredniowieczny osady produkcyjnej we wsi Kamienka Nadbużna w 1956 r. // WA. T. XXIV. Z. 4. 1957. S. 324–336, tabl. XLIX, 9.

[11] Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // МИА. № 92. I960. С. 16, рис. 4: 6–7, рис. 5: 13.

[12] Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. С. 159, рис. 51: 3–4, 20.

[13] Musianowicz K. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu. Tabl. XXI, 3, 6; XVI, 2; XXXIX, 3; XL, 6, 7.

[14] Marciniak I. Wezesnośredniowieczny zespól osadniczy z miejscowości Bazar Nowi pow. Makow Mazowiecki // MW. T. V. I960. S. 99–140, Tabl. VIII, 10.

[15] Machnik J. Winiki badń w latach 1953–1954. Igolomia. T. I. 1961. S. 11–112, tabl. XXI, 2–4; XXII, 5; Zoll-Adamikowa. H. Wczesnośredniowieezna cmentarzysko szkieletowe na stan. VI w Stradówie, pow. Kazimierze-Wielka // Sprawozdania archeologiczne. T. XVIII. Wrołcaw; Warszawa; Kraków, 1966. S. 258–269, ryc. 6, c.

[16] Musianowicz K. Materiały i problematyka lokalnych grup wczesnośredniowicznej ceramiki Podlasia // Swiatowit. T. XIV. Warszawa, 1962. S. 587–608. Tabl. XXXIV–XXXVIII.

горизонтальных линий, а, во-вторых, они не являются в городах Черной Руси ведущим типом, как в Дрогичине, а составляют лишь 4–6 % керамики. Однако, керамика городов Понеманья дает возможность проследить развитие этого типа во времени, а может быть и выяснить его происхождение.

В Индуре, Волковыске и Гродно сосуды с выраженной шейкой, покрытой линейным орнаментом, встречаются в сочетании с венчиками горшков не только III и IV типов, но, как мы уже отмечали, и в сочетании с венчиками горшков II и даже I типов. В Индуре они датируются по совокупности всего материала второй половиной X — первой половиной XI в., то есть временем значительно более ранним, чем расцвет дрогичинской керамики, падающий на XII–XIII вв. В Волковыске горшки с выделенной шейкой и венчиками III и IV типов обнаружены в напластованиях XI — первой половины XII в. и, в частности, в полуземляночных жилищах начала XI в. В Гродно и Новогрудке подобные сосуды датируются концом XI — первой половиной XII в. Интересно, что на самых ранних вариантах горшков с выделенной шейкой (с венчиками I и II типов) у основания шейки иногда имеется полоса, свободная от линейного орнамента, которая на некоторых экземплярах заполнена решетчатым штампом, косыми гребенчатыми наколами или многорядной волной (рис. 45: 8–9), то есть приемами, характерными для X–XI вв., а не косой насечкой, свойственной собственно дрогичинским горшкам XI–XIII вв. Раннее возникновение прототипа основной формы сосудов дрогичинской керамики подтверждают до некоторой степени материалы поселений X–XI вв. у д. Огородники и Сова на окраине Дрогичина, где имеются сосуды с выделенной шейкой в сочетании с венчиками горшков I типа[1] и менее определенно выраженные — с венчиками II типа.[2]

Это дает основание полагать, что прототип дрогичинских сосудов сложился на Подляшье в конце X — начале XI в., то есть еще до возникновения самого Дрогичина и уже в это раннее время проник в наиболее западные города Черной Руси — Индуру и Волковыск, а чуть позже (в конце XI — начале XII в.) в Гродно и Новогрудок.

К. Мусянович видит близкое сходство дрогичинских горшков (по их конструктивным особенностям и украшению желобками, хотя и незаглаженными) с сосудами, характерными для Мазовии.[3] Последние отличаются от первых наличием сильно обозначенного ребра при переходе от шейки к тулову. В качестве типичного примера таких сосудов исследователь называет горшки из мазовецкого могильника рубежа XI–XII вв. в м. Непорент Варшавского повята.[4] Однако эти сосуды, как и другие, например, с поселения Базар Новы XII–XIII вв.,[5] не объясняют происхождение горшков дрогичинского типа, так как не предшествуют им по времени, а лишь синхронны им. Поэтому нам представляется, что прототипом дрогичинских горшков послужила не мазовецкая, а местная подляшская керамика, предшествующая по времени возникновению города Дрогичина.

Таким образом, если предположение о формировании прототипа дрогичинских горшков в Подляшье (и, может быть, на юго-западной Волыни) верно, то сосуды преддрогичинского типа, обнаруженные в Волковыске, Индуре, Новогрудке и Гродно свидетельствуют о продолжающемся в XI — начале XII в. притоке населения в Понеманье с Подляшья и, возможно, из юго-западной Волыни.

Некоторые формы посуды городов Черной Руси говорят о непрекращающихся в это же время связях с западными славянам. К таким сосудам относится, в частности, одна разновидность горшков IV типа, обнаруженная только в Гродно.[6] Она характеризуется наличием острого ребра (валика) при переходе высокой наклонной шейки в плечико (рис. 48: 10, 12). Н. Н. Воронин нашел близкую им аналогию на Волыни (один горшок найден в насыпи вала Владимира-Волынского),[7] а также несколько

[1] Musianowicz K., Zawadzka B. Op. cit. Tabl. XXVIII, 2, 21, 26; XXXII, 13; XXXIV, 1 (5-й, 6-й и 8-й венчики); Musianowicz K. Ślady osadnictwa..., ryc. 4i, 5s.

[2] Musianowicz K., Zawadzka B. Op. cit. Tabl. XXXI, 13, 18.

[3] Musianowicz K. Materiały i problematika… S. 606.

[4] Rauhut L. Wczesnośredniowieczne cmentarżysko szkieletowe z przelomu XI–XII w., w Nieporęcie // WA. T. XVIII. 1951/1952. S. 323–342, tabl. XXXI, 1, 3.

[5] Marciniak J. Wczesnośredniowieczny zespól osadniecy z miejscowości Bazar Nowy pow Maków Mazowiecki // MW. T. V. I960. S. 99.

[6] Воронин Н. Н. Древнее Гродно... С. 40, рис. 15: 9–10.

[7] Там же. Рис. 15: 19.

фрагментов в Плеснеске,[1] но весьма вероятно, что родина этих сосудов находится в Польше, где они известны, видимо, в большем количестве, например, на поселении XI–XIII вв. в Радзиках Дуже, пов. Рипин, причем в сочетании с венчиками не только IV, но и II типа, то есть более ранними.[2]

О западных связях свидетельствуют также некоторые разновидности **горшков с вертикальным горлом** — виды IIа и IIб (рис. 18: 12–13 — Новогрудок; рис. 41: 7–11 — Волковыск; рис. 46: 4 — Индура; рис. 57: 6–8, 11 — Гродно). Оба они имеют, несомненно, западное происхождение. Вид IIа — с валиками у основания горла, а иногда и по тулову, распространен в Подляшье,[3] Мазовии,[4] Великой Польше и Поморье, где бытует в X–XIII в. В Понеманье горшки этой разновидности обнаружены во всех городах, кроме Слонима, в напластованиях X–XII вв. В других районах Древней Руси они встречаются редко.

Вторая разновидность горшков с вертикальным горлом — вид IIб, поверхность которых покрыта глубокими и широкими желобками, между которыми образуются валики, известна в Подляшье,[5] Мазовии,[6] Великой Польше[7] и в городе Волине,[8] а также в восточной Германии (между Одером и Эльбой).[9] В названных районах они встречаются в X–XII вв. В городах Черной Руси эти сосуды обнаружены лишь в единичных экземплярах в Волковыске, Новогрудке, Индуре и Гродно, также в слоях X–XII вв.

Еще одна группа понеманских сосудов, а именно **корчаги** (рис. 21 и 43), также свидетельствует о влиянии западнославянской керамики. Фрагменты сосудов больших размеров с валиками на тулове и большей частью с богатой орнаментацией хорошо известны в Польше (например, в Брудно-Старе под Варшавой — X — начала XI в.,[10] в Таньске, Пшеварах, повят Пшасныш — XI–XII вв.,[11] в Гнезно,[12] Гданьске XI–XII вв.[13] и др.), а также на территории Германии (в Мекленбурге — X–XI вв.,[14] Шпрютце[15] и др.). Подобные сосуды и их фрагменты в городах Древней Руси XI в. встречаются редко и, видимо, имеют западное происхождение (в Пскове,[16] Полоцке,[17] Владимире-Волынском[18] и др.).

Говоря о проникновении форм западнославянской керамики в города Черной Руси, следует еще упомянуть сосуды, которые представлены здесь очень фрагментарно (кроме одного целого в Волковыске), но на основании западных аналогий могут быть реконструированы как цилиндрические или боченковидные. Такие сосуды, как отмечают польские исследователи, бытуют, начиная с XI в. на землях, главным образом, северных славян и, особенно, в Мазовии, [19] или на территориях, отражающих влияние

---

[1] Там же. Рис. 15: 17–18.

[2] Walicka E. Materiały z wczesnośredniowiecnych osad i grodzisk z polnocnej częci Ziemi Dobrzyńskiej w zbiorach Państwowego Muzeum Archeologicznego // MW. T. V. I960. S. 283–294, tabl. I, 3–4, 9, 14.

[3] Musianowicz K. Drohiczyn we wczesnym sredniowieczy. Tabl. XXVI, 17; Она же. Przyczynki do osadnictwa masowieckego na Podlasiu w XII–XIII wieku // Swiatowit. T. III. Warszawa, 1955. S. 354–370.

[4] Musianowicz K. Mazowieckie naczynia z cylindriczna szyjka… S. 351–352, ryc. 4, 6–8.

[5] Rauhut L. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko w obudowie Kamiennej na Mazowszu i Podlasiu // Materialy starozytne i wcześnosredniowiezne. T. I. 1971. S. 435–653, tabl. XXIV, b, c.

[6] Musianowicz K. Op. cit. S. 352, 358, ryc. 7, 13, 14, 15.

[7] Там же. S. 311, ryc. 16.

[8] Kostrżewski J. Obrządek ciałopalny u plemion polskich i slowian północno-zachodnich. Warszawa, I960. Ryc. 21: 2.

[9] Knorr H. Die slawische Keramik zwischen Elbe und Oder // Mannus-Bucherei, b. 58. Leipzig, 1937. S. 71. Abb. 48, tab. 4, 1.

[10] Musianovicz K. Gród i osada podgródowa w Bródnie Starym kolo Warszawy. S. 46, tabl. XVIj.

[11] Rauhut L., Dlugopolska L. Wczesnośredniowieczne cmentarzysko szkieletowe w obudowie kamiennej w Tansku-Przedborach, pow. Przanysz // WA. T. XXXVIII. Z. 3–4, 1973. S. 383–390, tabl. X–XI.

[12] Kostrżewski J. Kultura prapolska. Poznań, 1949. S. 271, ryc. 173.

[13] Lepówna B. Garncarstwo Gdańskie w X–XIII wieku. S. 41–42, ryc. 7, 34, f, h, 38 l, z.

[14] Schuldt E. Slawische Topferei in Mecklenburg. Schwerin, 1956. Tafl. 35–39, 52, 8.

[15] Grenz R. Die slawischen Funde aus dem Hannoverschen Ewndland. Neumunstz. 1961. Tafl. 13, 2.

[16] Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. № 4. Л., 1962. С. 96, рис. 44.

[17] Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск, 1975. С. 82, рис. 42: 15.

[18] Материалы раскопок М. К. Каргера 1956 г. во Владимире-Волынском.

[19] Jakimowicz R. Przyczynki do poznania ceramiki grodziskowej. Ksiega pamiatkowa ku czci prof. Dr. Wlodzimierza Demitrykiewicza. Poznań. 1930. S. 354–355; Kostrżewski J. Pradzieje Polski. Poznań, 1949. S. 255–257, tabl. XXIV_4; Musisnowicz K. Mazowieckie naczynia z cylindryczną szyjką... S. 351, ryc. 1–3.

мазовецкой колонизации. Есть мнение и о более широком их распространении.[1] Многие исследователи ведут происхождение формы цилиндрических и боченковидных сосудов от деревянных ведер, о чем, помимо формы, говорит наличие на некоторых из них редко расположенных горизонтальных валиков, подражающих обручам. Фрагменту сосуда, найденному в Гродно (рис. 53: 7) наиболее близок мазовецкий сосуд из могильника в Нарушево, поят. Плонск[2] и, судя по верхней части, сосуд из мазовецкого городища Богурзин, повят Млава.[3] Возможно, что к мазовецкой группе боченковидных сосудов принадлежит и миниатюрный сосуд с валиками по тулову (от которого сохранилась лишь нижняя половина), найденный в постройке № 14 начала XI в. в Новогрудке (рис. 30: 8).

Проведенное сопоставление отдельных групп керамики второй половины X–XI в. городов Понеманья (первых четырех типов кухонных горшков, сосудов с вертикальным горлом, сковородок и жаровен) с соответствующими керамическими материалами юго-западной Волыни, Подляшья и дреговчской земли свидетельствует о несомненной близости керамических комплексов названных территорий, что объясняется, как уже было отмечено, проникновением в Понеманье восточнославянских племен — волынян, дреговичей и древлян. Но уже на этом раннем этапе керамический комплекс городов Понеманья имел ряд отличительных особенностей, сближающих его с керамикой западных славян, и, прежде всего, мазовшанами. Сходство керамики Понеманья в X–XI вв. с керамикой Польши объясняется, с одной стороны, отражением традиций более раннего времени, характеризующегося общностью культуры славянских племен, а с другой — территориальной близостью восточных и западных славян, их взаимопроникновением.

Вместе с тем надо отметить, что керамика городов Понеманья рассматриваемого периода заметно отличается от таковой на более северных русских землях, в частности, от керамики граничащей с Черной Русью Полоцкой земли, где, судя по хорошо датированной керамике Полоцка, сосуды, аналогичные ведущему типу понеманских горшков XI в., являются малочисленными.[4] Они выступают в сочетании с горшками иных форм, которые над ними заметно превалируют.

Таким образом, керамика второй половины X–XI в. городов Черной Руси, расположенных в лесной зоне, имеет гораздо больше общих черт с глиняной посудой южнорусских и западнославянских земель, чем с керамикой северных и северо-восточных областей Древней Руси.

* * *

Следующий этап в развитии керамики городов Черной Руси связан с тем новым периодом в истории русского государства, когда в XII–XIII вв., в результате начавшегося в конце XI в. феодального дробления, развитие культуры обособившихся княжеств пошло по самостоятельному пути и областные различия проявились также и в керамике.

Приходится еще раз подчеркнуть, что недостаточная изученность древнерусской глиняной посуды и, в частности, соседних с Черной Русью земель, позволяет сделать лишь предварительные выводы о своеобразии керамического комплекса понеманских городов XII–XIII вв. Более или менее полные данные для сравнительного анализа представляют собой керамические материалы некоторых городов полоцкой земли — Полоцка, Минска, Логойска, Лукомля и керамика городов Туровской земли — Турова, Пинска, Клецка, Давид-Городка, а также керамические материалы Бреста. Очень мало сведений имеется по глиняной посуде Волыни, особенно ее северной части, где раскопки почти не производились. Исключение составляет лишь один западный центр Волынского княжества — Дрогичин, керамика которого подверглась серьезному исследованию и хорошо опубликована.[5] Однако, поскольку перечисленные

[1] Marciniak J. Cmentarzysko skieletowe z okrezu wczesnośredniowieczniego v Strzemieszycach wielkich pow. Będzin // MW. T. V. 1960. S. 160–162, tabl. II, 29; VII, 6.

[2] Rauhut L. Wczesnośredniowiecsne cmentarziska w obudowie Kamiennej na Mazowszu i Podlasiu // MSW. T. I. I971. S. 522, ryc. 13–14, tabl. VIa.

[3] Okulicz L. Z bodań sondażowych grodsisk Mazowieckich // SA. XXV. Warszawa; Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1973. S. 201–202, ryc. 3d.

[4] Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX–XIII в. С. 80–88, рис. 40, тип II; рис. 42: 3, 4, 13.

[5] Musianowicz K. Drohiczyn we wczesnym sredniowiczu. S. 7–130, 137–149.

материалы недостаточны для того, чтобы сравнивать между собой целые керамические комплексы, выяснение вопроса о существовании локального варианта керамики городов Черной Руси в XII–XIII вв., а также вопроса о культурных связях населения этой территории в данное время будем производить сначала на основании выявления ареала отдельных групп и типов посуды, а потом, где это окажется возможным, и на сопоставлении целых керамических комплексов.

Ведущим типом понеманских кухонных горшков XII в. является тип V с венчиком, край которого скруглен и загнут внутрь (рис. 12 и 39: 1–5). Он распространен в XII–XIII вв. на всей древнерусской территории, включая ее северные и восточные районы и является, несомненно, общерусским типом. При этом аналогичные горшки почти полностью отсутствуют на западнославянских землях. Однако не везде на Руси в это время горшок V типа он является типом ведущим и часто имеет иные, чем в городах Понеманья, разновидности.

Наиболее близкие аналогии понеманским горшкам V типа составляют сосуды Волыни, являющиеся здесь также ведущей формой. Об этом позволяет судить керамика городов Червеня,[1] Владимира-Волынского, Луцка,[2] Данилова, летописного Чемерина (теперь село Чемерин Киверицкого района Волынской обл.)[3] и других городов Волыни. Волынские горшки отличаются от понеманских лишь более бедной орнаментацией (несколько параллельных линий, проведенных по плечику) и тем, что значительная часть их сделана из белой глины. Необходимо подчеркнуть, что сосудов, аналогичных V типу понеманских горшков, почти нет на крайнем западе Руси — Дрогичине, и, как уже было сказано, в Гродно. Это обстоятельство сближает керамику Дрогичина и Гродно с западнославянскими керамическими комплексами XII–XIII вв., хотя в отличие от последних, где в это время продолжают бытовать горшки с «карнизиком», в Дрогичине и Гродно их уже нет, как и в других древнерусских городах.

Таким образом, ареал понеманских горшков V типа свидетельствует об иных, по сравнению с предшествующим периодом, связях керамики городов Черной Руси с глиняной посудой соседних земель, выразившимися в проявлении бóльших различий с керамикой западных земель и, наоборот, в сближении с керамикой северных и восточных русских княжеств при сохранении связей с южнорусскими землями.

О сближении керамики городов Черной Руси с керамикой северных земель свидетельствует и ареал горшков VI типа (рис. 13 и 39: 10–15), которые известны в XI–XIII вв. в Полоцке,[4] Новгороде,[5] на Смоленщине,[6] а также в городах Туровского княжества — Турове[7] и Давид-Городке.[8]

Сходную картину рисует распространение горшков VII типа (рис. 14 и 39: 16–21; с горизонтально срезанным или скошенным внутрь краем венчика), которые встречаются с конца XI в. в городах Туровской земли,[9] на пограничье Волыни и Киевщины — в Колодяжине,[10] и Чарторыйске,[11] а также севернее — в Суздале,[12] Новгороде.[13] В южнорусских областях и на западнославянских землях сосуды, аналогичные понеманским горшкам VII типа, нам не известны.

---

[1] Abramowicz A. Ceramika z Czermna nad Huczwa. Рис. 6–8.

[2] Коллекции керамики из раскопок во Владимир-Волынском 1955–1956 гг. М. К. Каргера и из раскопок М. В. Малевской в 1975–1976 гг.; коллекция керамики из раскопок М. В. Малевской в Луцке в 1984–1987 гг.

[3] Терский С. Літописний Чемерин // Наукові записки. Львівський историчний музей. Вып. 1. Львів, 1993. С. 27–41, рис. 5а, 6, 6а.

[4] Штыхов Г. В. Указ. соч. С. 81–82, рис. 40, тип IIIБ, рис. 42: 26.

[5] Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. № 55. 1956. С. 231, рис. 1, тип IVГ; 4: 1; 5: 1, 6; 6: 1–3.

[6] Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли / МИА. № 92. I960. С. 16, рис. 4: 4; 5: 2; 38: 4.

[7] Лысенко П. Ф. Города Туровской земли. Рис. 13, тип 5.

[8] Там же. Рис. 42, тип 1.

[9] Там же. Рис. 31, тип 3.

[10] Юра Р. О. Древній Колодяжин // АП. Т. XII. 1962. С. 110–115, рис. 37: 3–6.

[11] Материалы раскопок в Чарторыйске П. А. Раппопорта в 1962 г.

[12] Лапшин В. А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М., 1992. С. 96–97. Рис. 1, тип VI БВ.

[13] Смирнова Г. П. Указ. соч. С. 129–131, рис. 1, тип III в–г; 5: 8–9; 6: 7–9.

Горшки VIII типа (рис. 15 и 40: 1–7), напоминающие простой формой венчика раннегончарные сосуды I типа (но отличающиеся более приземистыми пропорциями, более коротким венчиком, низкой шейкой, тонким черепком), известны на всех древнерусских землях. Появление этих архаичных сосудов знаменует собой, видимо, процесс стандартизации форм глиняной посуды, начавшийся в гончарном производстве Руси в XII в., но особенно ярко выразившийся в XIII в. На некоторых землях архаичная по форме посуда появляется только в середине XIII в. и становится характерной для последующего периода, как это, например, видно по керамике Полоцка.[1] Приблизительно в это же время такая керамика появляется и в Туровской земле, например, в Турове,[2] где тоже бытует в более позднее время (в XIV–XVI вв.).

Горшки IX типа (рис. 16 и 40: 13–14), продолжающие развитие горшков VIII типа, имеют менее широкие аналогии чем предшествующие сосуды. Они еще больше связаны с комплексами XIII в. и более позднего времени. Так, например, в Турове аналогии горшкам IX типа составляют значительную группу керамики начиная с рубежа XIII и XIV вв.[3]

Сопоставление основных типов понеманских горшков XII–XIII вв. с аналогичными сосудами на соседних землях позволяет констатировать, во-первых, наличие в это время некоторых общих закономерностей в развитии древнерусской керамики (повсеместное распространение в XII в. горшков V типа, которые в XIII в. везде приобретают более низкую шейку и резко отогнутый венчик; появление в конце XII–XIII в. архаичных горшков — тип VIII); во-вторых, сохранение некоторых традиций предшествующего периода (применение в качестве отощителя крупных примесей, нанесение орнамента преимущественно по всему тулову и др.) и, в-третьих, изменение взаимосвязей с соседними землями, выразившееся, с одной стороны, в ослаблении контактов с Подляшьем (в частности, с Дрогичиным) и с Польшей, а с другой, в возникновении связей с северными русскими землями, особенно с северной частью Полоцкого княжества (горшки типа VI и VII, характерные, главным образом для Новогрудка и Гродно).

Гораздо труднее сопоставить остальные группы понеманской посуды (миски, корчаги, кувшины, крышки и т. д.) с соответствующими формами в других районах Руси. Как мы видели, эти группы керамики (не горшки) в городах Черной Руси составляют вместе лишь 5–8 % всего керамического комплекса и каждая из них представлена часто единичными экземплярами. Естественно, поэтому, что при небольших раскопках некоторые виды посуды могут быть совсем не выявлены, в результате чего в публикациях, посвященных керамике того или иного поселения часто рассматриваются лишь кухонные горшки и, реже, посуда иного назначения. И все-таки, те наблюдения и выводы, пусть не окончательные, которые уже и сейчас можно сделать, необходимо учесть, так как они могут наметить областные различия в древнерусской керамике и выявить своеобразие комплекса глиняной посуды городов Черной Руси.

Горшки с вертикальным горлом, как в предшествующий период, известны на всех древнерусских землях, но в меньшем количестве, чем в Понеманье. Близкие аналогии им есть и на соседних с Черной Русью землях — в Бресте,[4] Клецке,[5] Дрогичине,[6] где эти горшки совпадают с понеманскими как по форме, так и по орнаментации. Сосуды с вертикальным горлом II типа — с валиком у основания горла или с каннелированной поверхностью (рис. 41: 7–14) найдены в городах Черной Руси лишь в одиночных экземплярах и почти совсем не встречаются в других областях домонгольской Руси. Наличие этих сосудов, имеющих западное происхождение, в составе керамического комплекса городов Верхнего Понеманья является одной из его характерных особенностей и свидетельствует о продолжающихся связях (хотя и ослабевающих) с Польшей (особенно Мазовией) и Восточной Германией,[7] где в XII–XIII вв. подобные сосуды продолжали изготовлять.

---

[1] Штыхов Г. В. Древний Полоцк … С. 82–83, рис. 40, тип V, рис. 43: 13.

[2] Лысенко П. Ф. Указ. соч. Рис. 13, тип 10.

[3] Там же. Рис. 13, тип 11.

[4] Лысенко П. Ф. Берестье … С. 329–330, рис. 281, тип 5.

[5] Поздняков В. С. Развитие керамики древнерусского Клецка… С. 53, рис. 2, тип 15.

[6] Musianowicz K. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu …. Tabl. V, 4; IX ,5; XXIII, 4; XL, 14.

[7] Musianowicz K. Mazowieckic naczynia z cylindryczną szyjką na tle slowianskiego materialu porownawczego …. S. 345–370; Machnik J. Wynik badań w latach 1953–1954. Igolomia. I … S. 61, прим. 93; S. 71; Radwański K. Wczesnśredniwieczna ceramika krakowska i zgadnienie jej chronologii // MA. T. IX. 1968. S. 59–61, tabl. XVI, 3–7; Knorr H. Die slawische Keramik …S. 71. Abb. 48.

Недостаточно данных имеется об аналогиях понеманским **мискам**, однако ясно, что наибольшее распространение на Руси имели горшковидные миски (тип I). Они известны в XII–XIII в. в Бресте,[1] Рязани,[2] Москве,[3] Новгороде[4] и других городах. Не характерны такие миски для Галицко-Волынской Руси и в Дрогичина. На западнославянских землях горшковидные миски были широко распространены в VIII–XI вв. (особенно в Чехии и Германии[5]), но известны и позже, например, в Крашовице (Чехия), где датируются концом XII — первой половиной XIII в.[6] Некоторые из этих мисок имеют выступ у основания стенок, как и понеманские сосуды. Миски конической формы (тип II) с разной степенью пологости стенок и иногда со слегка выпуклыми стенками, тоже встречаются в разных районах Руси, хотя по публикациям мало известны. Они обнаружены в Полоцке,[7] на территории Галицкой земли (в Луке-Врублевецкой[8] и на Ленковецком поселении[9]), а также на Волыни (в Данилове[10]). Много таких мисок в Дрогичине.[11] Во всех перечисленных пунктах конические миски датируются XII–XIII вв. На западнославянских землях конические миски известны, начиная с VIII в., но бытуют и в XI–XIII вв., как, например, на севере Германии и Польши (в Мекленбурге[12] и Волине,[13] Гданьске[14]), а также в Чехии.[15] Надо отметить, что на некоторых горшковидных мисках Волковыска имеются следы прикрепления ручек (рис. 42: 2, 4) и отдельно найдены петлевидные ручки (рис. 42: 6–7). Миски с петлевидными ручками на соседних землях встречаются крайне редко. Единичные экземпляры их имеются в Бресте,[16] Клецке,[17] а также в Пленеске,[18] где, в отличие от других, датируются XI в. Сосуды с такими ручками (горшки и миски) есть и в Дрогичине[19].

Среди опубликованных материалов почти нет аналогий понеманским **кувшинам**. По форме горловин, имеющих раструбы (тип II), близки единичные сосуды Полоцка (где один из них датируется 60-ми годами XIII в.[20]), Друцка[21] и Бреста.[22] У кувшинов Данилова[23] раструб переходит непосредственно в плечико (без шеи). Кувшины с раструбом, покрытые поливой и часто с круговым валиком у основания горла, выявлены в южных и западных районах Руси Т. И. Макаровой — в Чернигове, Любече, Киеве, Вышгороде, Мстиславе, Друцке, Турове и Пинске.[24] Единственному целому кувшину из постройки № 17 в Новогрудке, который стоит вне типа, есть близкая аналогия на Лукомльском городище в слоях XII–XIII вв.

---

[1] Лысенко П. Ф. Указ. соч. С. 330–331, рис. 234.
[2] Монгайт А. Л. Старая Рязань. Рис. 85: 5, рис. 86.
[3] Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. С. 7–8, табл. 1, 7.
[4] Смирнова Г. П. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. № 55. 1956. С. 242, рис. 6: 11–13.
[5] Vaňa Z. Misy v Zapadoslovanski keramice // PA. R. XLIX. Č. I. 1958. S. 208–226, ryc. 10, 12, 13, 14.
[6] Hejna A. Krašowice-přispevek k výzkumu stredaôke vesnice v Čechach // PA. R. LV. Č. l. 1964. Ryc. 23: 3, 4; 24: 1, 3–4.
[7] Материалы раскопок Г. В. Штыхова в Полоцке, любезно предоставленные автору для ознакомления.
[8] Малевская М. В. К вопросу о керамике Галицкой земли XII–XIII вв. С. 12, рис. 7: 14.
[9] Малевская М. В., Раппопорт П. А., Тимощук Б. А. Раскопки на Ленковецком поселении в 1967 г. // СА. 1970. № 4. С. 19, рис. 6: 23, 28.
[10] Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах... С. 32, рис. 7: 14.
[11] Musianowicz K. Drohiczyn…. Tabl. IV, 18; V, 3; VIII, 15; XII, 9,17; XXXVIII, 3; XXXIX, 11.
[12] Schuldt E. Slawische Töpferei in Mecklenburg. Schwerin, 1956. Tafl. 44, 5–6, 9–11; 45; 52, 10.
[13] Vaňa Z. Op. cit. Ryc. 9, 1–2 (тип IIe).
[14] Lepówna B. Garncarstwo gdańskie w X–XIII wieku. Gdańsk, 1968. S. 38–40, ryc. 38 m, 43 l, ł; 44 g, s, t; 47 d, f; 49 l, o.
[15] Hejna A. Krašowice... S. 195–198, ryc. 23: 1–2; 24: 2.
[16] Лысенко П. Ф. Берестье. С. 331. рис. 233: 11.
[17] Поздняков В. С. Развитие керамики…. С. 59, рис. 4: 3.
[18] Кучера М. П. Кераміка древнього Пліснеська // Археологія. Т. XII. Київ, 1961. Рис. 91б.
[19] Musianowicz K. Drohiczyn … Tabl. IV, 3.
[20] Штыхов Г. В. Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск, 1975. С. 86, рис. 44: 2.
[21] Алексеев Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. Рис. 36: 1.
[22] Лысенко П. Ф. Берестье. С. 333, рис. 235: 1, 14.
[23] Малевская М. В. Указ. соч. С. 32, рис. 7: 10–11.
[24] Макарова Т. Н. Поливная посуда / САИ. Е 1–38. 1967. Табл. XIII, 7–8; XVI, 15–21, 24–27; XIX, 8; XX, 6, 9; XXIV, 4, 7, 8; XXV, 1, 11; Штыхов Г. В. Раскопки в Лукомле в 1966–1968 годах // Древности Белоруссии. Минск, 1969. С. 341, рис. 19.

Трудно также назвать сосуды, подобные понеманским **крынкам**. Можно лишь отметить, что, например, в Галицкой земле и на Волыни распространены два других типа крынок: 1 — с вертикальным горлом, украшенным двумя-тремя валиками[1] и 2 — с вертикальным горлом и валиком у его основания с пазами для подвязывания веревки.[2] В западнославянских странах крынки, подобные понеманским, как будто неизвестны. Возможно, что в городах Черной Руси крынки образуют самостоятельный вариант.

Понеманским **сосудам для хранения запасов** I типа (с прямым вертикальным или слегка наклонным внутрь горлом, плавно переходящим в раздутое тулово), наиболее близки корчаги Колодяжина,[3] Райковецкого городища (Житомирской обл.)[4] и Данилова.[5] Единственным их отличием является отсутствие налепных валиков на тулове. Фрагменты больших сосудов с налепными валиками, украшенными косой насечкой или гребенкой известны в XII–XIII вв. в Данилове, Турове,[6] Суроже, где их изготовляли обычно из беложгущейся глины.[7]

Аналогию одной новогрудской корчаге со следами двух ручек на плечиках и несохранившейся горловиной, составляют, возможно, корчаги Киева, характеризующиеся низкой горловиной, двумя небольшими ручками и отсутствием орнамента или валиков на тулове.[8] Корчаги эти датируются первой половиной XIII в. Понеманским корчагам II типа, похожим на большие горшки с отогнутым венчиком и раздутым туловом, близок по форме один вид корчаг Колодяжина[9] и Полоцка,[10] которые, однако, не имеют здесь налепных валиков.

Из западнославянских материалов наиболее близкие аналогии понеманским корчагам по формам, богатству орнаментации и наличию налепных валиков, составляют, как и в XI в. сосуды Северной Польши (например Гданьска[11]) и Германии (в частности, Мекленбурга[12]), где они известны на протяжении первой половины XIII в.

Эти последние аналогии объясняются, видимо, не столько проникновением в XII–XIII вв. западнославянской керамики в русские земли, сколько сохранением местными мастерами некоторых форм сосудов, выработанных еще в предшествующий период, иначе говоря традиционностью гончарного производства.

Сопоставление понеманских корчаг с сосудами для хранения запасов других районов Руси свидетельствует о том, что в разных областях в XII — первой половине XIII в. существовал свой тип тарной керамики.

Определенные регионы намечаются и при сравнении некоторых разновидностей **мелкой столовой посуды** (рис. 22 и 44). Так, если маленькие чашечки или мисочки без ручек, встречающиеся в единичных экземплярах в разных городах Руси, не дают возможности сделать какие-либо выводы о локальных их группах, то чашки (или чарки) с ручками достаточно определенно различаются между собой как по форме сосуда, так и по форме ручки.

---

[1] Малевская М. В. К вопросу о керамике Галицкой земли. С. 10–11, рис. 4: 5, 7; Rauhut L. Wczesnośredniowieczne materiaty terenów Ukrainy w Państwowym Muzeum Archeologicznym w Warszawi // MW. T. V. I960. S. 240, tabl. V, 5.

[2] Малевская М. В. К вопросу о керамике Галицкой земли. С. 12, рис. 4: 8–13; Она же. К вопросу о локальных вариантах... С. 32, рис. 7: 12.

[3] Юра Р. О. Древний Колодяжин. С. 114, рис. 37: 1; 40: 8.

[4] Гончаров В. К. Райковецкое городище. Киев, 1950. С. 119, табл. XXV, 1.

[5] Малевская М. В. К вопросу о локальных вариантах... С. 32, рис. 7: 12.

[6] Материалы раскопок 1962 г. М. К. Каргера.

[7] Коллекция Гродненского Гос. историко-археологического музея.

[8] Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 418–421, рис. 100–102, табл. LXXIV; Он же. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950. С. 35, рис. 28–29.

[9] Юра Р. О. Указ. соч. С. 114, рис. 37: 2, 4.

[10] Штыхов Г. В. Указ. соч. С. 87, рис. 55: 6.

[11] Lepówna B. Garncarstwo gdańskie. S. 43–44, ryc. 7, 39r; 40c, m, n.

[12] Schuldt E. Slawische Töpferei in Mecklenburg. Schwerin, 1956. Tabl. 37; 52.

Самостоятельную группу образуют охарактеризованные выше волковыские чашки (или **черпалы**) с ручками в виде отростка или рога (рис. 44: 5). Аналогии им удалось обнаружить лишь в Полоцке,[1] Бресте[2] и в Галиче,[3] где датируются XIII в. В Волковыске, видимо, существовал и другой вид чашек, характеризующийся наличием ручек в виде круглой петли, о чем свидетельствуют найденные здесь отдельные петлевидные ручки (рис. 42: 6–7). Они, правда, могли принадлежать как к чашкам, так и мискам. Аналогии чашкам с петлевидными ручками хорошо известны в Кмеве, где эти сосуды имеют закрытую форму, близкую к биконической (диаметр устья — 6–10 см, толщина круглой в сечении ручки — около 1 см); верхняя часть сосудов иногда орнаментирована одним рядом ногтевых наколов или горизонтальными линиями. К другой группе чашек относятся белоглиняные чашки, которые имеют более закрытую форму, приближающуюся к биконической, и большую ручку в виде петли (диаметр устья — 6–10 см, толщина круглой в сечении ручки — около 1 см); верхняя часть сосудов иногда орнаментирована одним рядом ногтевых наколов или горизонтальными линиями. Такие чашки, как отмечает М. К. Каргер, были найдены почти в каждом киевском жилище XII–XIII вв.[4] Еще одну группу чашек (по терминологии К. Мусянович — чарок) составляют сосуды Подляшья и, в частности, Дрогичина, имеющие слегка выпуклые стенки и круглые в сечении петлевидные ручки, похожие на ручки киевских чашек, но отличающиеся от них большей массивностью (около 2 см в сечении), и тем, что часто украшены орнаментом[5] (как и одна ручка в Волковыске). Отметим, что в Дрогичине есть аналогии и другим видам понеманской мелкой столовой посуды — это чарки без ручек (конические[6] и с выпуклыми стенками[7]) и маленькие горшочки различных типов (с отогнутым наружу венчиком[8] и с вертикальным горлом).[9] Таким образом, аналогии, приведенные некоторым видам столовой посуды, свидетельствуют о продолжающихся связях керамики городов Черной Руси с керамикой Подляшья.

Рассмотрение аналогий еще одной группе посуды Черной Руси, а именно **латкам-сковородкам** (рис. 23: 7–9), обнаруженным, правда, в очень фрагментарном виде и лишь в Новогрудке и Турийске, приводит к заключению, что и в других районах Руси эти сосуды были тоже малочисленными, представленными в основном полыми ручками. Однако найденные в некоторых городах целые экземпляры латок позволяют лучше представить и понеманские сосуды. Латки распространены на довольно широкой территории, имеют различные размеры (диаметр устья колеблется от 5 до 10 см) и относятся чаще к XIII–XIV вв., чем к более раннему времени. Фрагменты латок-сковородок с полыми ручками найдены в Полоцке (в слое первой половины XIII в.),[10] в Бресте,[11] в Торопце в строительном горизонте второй половины XIII в.,[12] во Владимире в слое XII–XIII вв.,[13] в Турове,[14] в Брянске в жилище XIII–XIV вв.,[15] в Москве (где имеют большую глубину, в связи с чем рассматриваются как кастрюльки или миски).[16] Очерченный по имеющимся данным район распространения латок-сковородок свидетельствует о том, что

---

[1] Штыхов Г. В. Указ. соч. С. 87, рис. 44: 6.
[2] Лысенко П. Ф. Указ. соч. С. 331, рис. 233: 12.
[3] Малевская М. В. К вопросу о керамике Галицкой земли XII–XIII вв. С. 13, рис. 4: 17.
[4] Каргер М. К. Древний Киев … Т. 1. С. 418, табл. LXXIII, 1–3.
[5] Musianowicz K. Drohiczyn... S. 138–139, tabl. XXVII, 11; XXXII, 2; XXXVIII, 12.
[6] Там же. Tabl. XXIII, 16; XXXIX, 10.
[7] Там же. Tabl. V, 11; VIII, 20; XII, 8 и др.
[8] Там же. Tabl. XXI, 4; XXII, 7.
[9] Там же. Tabl. XXII, 6.
[10] Штыхов Г. В. Указ. соч. С. 87, рис. 44, 8.
[11] Лысенко П. Ф. Берестье… Рис. 233: 13; 235: 3.
[12] Малевская М. В. Раскопки на Малом Торопецком городище // КСИА. Вып. 96. 1963. С. 76; Корзухина Г. Ф., Малевская М. В. Отчет о работе Торопецкого отряда 1960 г. С. 32, рис. 99. Архив ЛОИА.
[13] Воронин Н. Н. Оборонительные сооружения Владимира / МИА. 1949. № 11. С. 232, рис. 30: 10–11.
[14] Материалы раскопок М. К. Каргера в Турове в 1962 г.
[15] Равдина Т. В. О времени возникновения Брянска // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 34, рис. 21: 6.
[16] Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. / САИ. Вып. Е1-39. 1968. С. 15, табл. II, 15–16.

ими пользовались, главным образом, в северо-западных и северо-восточных русских землях. Это, возможно, объясняется относительно поздним временем (XIII веком) возникновения этой формы кухонной посуды и дальнейшим развитием ее в XIV в., в основном, в городах, не подвергшихся монгольскому разгрому.

Недостаток материала не позволяет наметить определенные районы распространения **крышек**, подобных понеманским. Их малочисленность в публикациях объясняется не только недостаточным исследованием древнерусской керамики, но и тем незначительным процентом, который они составляют в керамических комплексах городов домонгольского времени. Даже в такой большой коллекции, как керамика Дрогичина,[1] крышки представлены лишь единичными экземплярами. Можно лишь отметить, что в XI–XII вв. в разных городах Руси, как и в Верхнем Понеманье бытуют, главным образом, крышки полусферические и конические, приспособленные для закрытия сосудов с отогнутым венчиком (тип I) и для горшков с вертикальным горлом (тип II). Последних значительно меньше. Для XIII в. характерны крышки конической формы без карнизика для закрытия сосудов (тип III). Как и в городах Черной Руси в других районах очень редко встречаются крышки плоско-цилиндрические (тип IV, табл. 16).

* * *

Приведенные выше сопоставления различных групп керамики городов Черной Руси XII–XIII вв. с аналогичными по назначению сосудами в соседних русских княжествах достаточно убедительно свидетельствуют о том, что глиняная посуда разных районов Руси имеет свои местные особенности. Можно вполне определенно сказать, что керамического комплекса, совпадающего с понеманским по ассортименту посуды, отдельным ее формам, технике изготовления, орнаментации и другим признакам, на русских землях в XII–XIII вв. нет. Аналогии той или иной группе керамики, причем, как правило, не прямые, обнаруживаются то в одном, то в другом районе, отражая связи Верхнего Понеманья с соседними землями, но связи несколько иные, чем в предшествующий период. Если на протяжении второй половины X–XI вв. наблюдались тесные контакты с Подляшьем и, частично, с Мазовией, то в XII–XIII вв., как это видно на примере Дрогичина, они заметно ослабевают. В Дрогичине ведущим типом кухонных горшков в этот период являются сосуды с выделенной орнаментированном шайкой (дрогичинский тип), которые в городах Черной Руси бытовали в XI и, частично, в начале XII в., а потом полностью исчезли. И наоборот, в Дрогичине отсутствует ведущий тип понеманских горшков этого времени — тип V, а также типы VI и VII. Нет в Дрогичине и других групп понеманских сосудов — горшковидных мисок, кувшинов, крынок, корчаг, латок с полыми ручками, так же, как в городах Черной Руси нет характерных для Дрогичина некоторых форм мисок, кубков на полой ножке. Общими формами посуды для Подляшья и Понеманья остаются лишь горшки с вертикальным горлом, конические миски и некоторые формы чарок. На фоне ослабления контактов с Подляшьем и Мазовией достаточно определенно проявляются в XII–XIII вв. связи керамики городов Черной Руси, особенно Новогрудка и Гродно, с глиняной посудой северной части Полоцкого княжества и прежде всего самого Полоцка, что не наблюдалось в предшествующий период. Общность в керамике названных районов проявилась в сходстве, хотя и не полном, основных типов горшков (типы V–VIII), корчаг (типы I–II), некоторых разновидностей чарок, латок и крышек (тип I и III). Но в Полоцке нет подобных понеманским мисок и крышек (тип IV). Кроме того, многие сосуды отличаются иной орнаментацией. Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать наличие в Черной Руси в XII–XIII вв. самостоятельного областного варианта древнерусский керамики, в формировании которого нашли отражение как традиции гончарства предшествующего времени, так и разносторонние связи керамики городов Черной Руси XII–XIII вв. с гончарством Волыни, Туровской земли и Брестского Побужья, начавшиеся еще в XI в., но продолжающиеся, с Подляшьем и Польшей — затухающие и с северной частью Полоцкой земли (не дреговичской, а кривичской), только возникшие, но уже, видимо, прочные. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в развитии керамики Черной Руси XII–XIII вв. нашли также отражение некоторые общерусские закономерности, свойственные керамике различных областей Руси этого периода. К ним относятся: 1 — близкий, хотя и не тождественный ассортимент посуды; 2 — повсеместное появление (как в южных, так и в северных районах)

[1] Musianowicz K. Drohiczyn… S. 147, tabl. XXIII–XXVI.

на рубеже XI–XII вв. горшков аналогичных типу V и одинаковая их эволюция в XIII в., выразившаяся в усилении отгиба венчика, сокращении шейки и иногда ее утолщении; 3 — повсеместное появление в XII в. архаической формы горшков, аналогичных типу VIII; 4 — отказ от гребенчатого орнамента и введение (при сохранении волнисто-линейной орнаментации) других декоративных мотивов: зубчатого колесика, косой насечки, различного рода наколов, в частности, ногтевых, особенно характерных для первой половины XIII в.; 5 — покрытие орнаментом с начала XIII в. преимущественно плечиков сосудов и некоторые другие.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что керамика городов Черной Руси, как и другие стороны ее культуры (гродненская архитектурная школа, своеобразие жилого строительства), обладая целым рядом местных особенностей и образуя самостоятельный областной вариант, развивалась в русле общерусской культуры, по общим с ней закономерностям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследованию керамики городов Черной Руси второй половины X–XIII в., подчеркнем те выводы, которые она позволяет сделать как надежный исторический источник, коим является будучи массовой продукцией местного региона, заключающей в себе в большей степени, чем другие археологические материалы этнографические традиции.

В развитии глиняной посуды городов Черной Руси четко выделяется два этапа, отражающие начальные периоды раннефеодальной истории Руси. Первый из них, охватывающий вторую половину X–XI в., связан со временем существования относительно единого древнерусского государства, в рамках которого происходило заселение славянами Верхнего Понеманья и возникали первые, сначала неукрепленные поселения, ставшие впоследствии крупными городами. Наиболее ранними из них были Волковыск и Новогрудок.

Глиняной посуде первого периода свойственны, с одной стороны, черты общеславянской керамики, обусловленные общностью развития культуры восточных и западных славян в предшествующее время (VIII–X вв.), а с другой — некоторые особенности, отражающие направления продвижения славян в Понеманье, начавшееся в X в. Эти особенности убедительно свидетельствуют о двух колонизационных потоках. Один из них, главный, шел из южнорусских земель, преимущественно с Волыни, и первыми поселенцами Верхнего Понеманья могли быть волыняне (бужане), участие которых в освоении этого края, как и некоторых других племен, прослеживается также по наличию в Верхнем Понеманье в раннем периоде полуземляночных жилищ. Вторым восточнославянским племенем, продвигавшимся в Верхнее Понеманье с первоначальной своей территории — Туровской земли (Правобережья Припяти), были дреговичи.

Второй колонизационный поток шел с Запада через Подляшье, которое в рассматриваемое время играло очень большую роль в освоении славянами Верхнего Понеманья. Расположенное на пограничье Волыни и Польши, оно было заселено как восточными славянами, так и западными — мазовшанами. Возможно потому, что мозовшане, влияние керамики которых во второй половине X–XI в. особенно заметно в глиняной посуде Индуры и Гродно и, несколько меньше, Волковыска и Новогрудка, проникали в Понеманье не только из Мазовии через Подляшье, но и непосредственно с Подляшья.

Влияние волынской, мазовецкой и отчасти дреговичской керамики на формирование керамического комплекса городов Черной Руси было ощутимо на протяжении всего XI и начала XII в. Именно сочетание в глиняной посуде Верхнего Понеманья второй половины X–XI в. черт, свойственных общерусской керамике, с одной стороны, южнорусской — с другой, и западнославянской — с третьей, определяют то ее своеобразие, которое позволяет констатировать наличие локального варианта древнерусской керамики.

Второй этап в развитии керамики городов Черной Руси связан с периодом феодальной раздробленности — временем образования отдельных русских княжеств и их самостоятельным развитием, временем расцвета городов, ремесла и торговли.

В глиняной посуде Верхнего Понеманья на этом этапе произошли заметные, хотя и постепенные изменения: несколько улучшилось ее качество, увеличился ассортимент посуды, стали разнообразнее отдельные группы керамики. В нескольких вариантах выступают не только кухонные горшки, но также миски, корчаги, кувшины, крынки, различная мелкая столовая посуда, крышки. Заметное увеличение выпуска гончарной продукции, отвечающее возросшему спросу на нее, привело в конце XII и, особенно, в XIII в. к стандартизации в изготовлении наиболее массовой посуды, ухудшении ее качества, что свидетельствует об изменении характера гончарного ремесла, происходящего под влиянием рынка. Подобное наблюдение сделано исследователями керамики и других древнерусских городов.

В XII в. появляется новая категория местной керамики — разнообразная по форме и ассортименту столовая посуда, покрытая желтой, зеленой и коричневой поливой, найденная главным образом в богатых постройках. Благодаря широким внешним связям городов Понеманья в рассматриваемый период,

набор глиняной посуды городской знати пополнился также византийскими амфорами, привезенными с вином из разных причерноморских центров.

Разнообразие форм местной массовой керамики привело к тому, что в XII–XIII вв. между посудой отдельных городов — Волковыска, Новогрудка, Слонима, Турийска и, особенно, Гродно наблюдается несколько больше различий, чем в предшествующий период, однако черты, объединяющие ее, заметно преобладают. В керамике этого времени отчетливо выступают как традиции раннего этапа, так и особенности, обусловленные связями городов Черной Руси с другими землями, а именно Волынью и Туровским княжеством (существовавшими и ранее), а также новыми контактами с северными землями, особенно, как это было отмечено, с Полоцким княжеством. Отмеченные связи в рассматриваемый период не являлись отражением колонизационных потоков, как это было раньше, а были обусловлены тесными экономическими, политическими и культурными отношениями Черной Руси с отдельными русскими княжествами. Независимо от характера контактов, сочетание местных традиций с влиянием керамики соседних русских земель и, в незначительной степени, Польши, определило не менее ярко, чем в X–XI вв. своеобразие керамического комплекса городов Верхнего Понеманья в XII–XIII столетиях. Явление это отражает исторические закономерности периода феодальной раздробленности, а именно, замкнутое развитие культуры обособившихся княжеств, наличие в это время заметно выступающих областных различий.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия. — М.
АП — Археологічні пам’ятки УРСР. — Київ.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — М.
ГИАМ — Гродненский историко-археологический музей. — Гродно.
ГИМ — Государственный исторический музей. — М.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. — М.
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — М.; Л.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАР — Материалы по археологии России. — М.
МДАПВ — Матеріалі і дослідження з археології Прикарпаття и Волині. — Київ.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. — М.; Л.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. — М.
СА — Советская археология. — М.
САИ — Свод археологических источников. — М.; Л.
СЭ — Советская этнография. — М.
AP — Archeologia Polski. — Warszawa; Wrocław.
MA — Materiały archeologiczne. — Kraków.
MSW — Materiały starożytne wczesnoCredniowieczni. — Warszawa; Wrocław; Kraków; Gdańsk.
MW — Materiały wczesnośredniowieczni. — Wrocław; Warszawa; Kraków.
PA — Przegland archeologiczne. — Praha.
Sw — Swiatowit. — Warszawa.
SA — Sprawozdania archeologiczne. — Warszawa; Wrocław; Kraków; Gdańsk.
WA — Wiadomości archeologiczne. — Warszawa.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА 5
ВВЕДЕНИЕ 7
ГЛАВА I. КЕРАМИКА НОВОГРУДКА. 11
1. Стратиграфия Посада — Окольного Города Новогрудка 11
2. Сырье и техника изготовления керамики Новогрудка 13
Сырье 15
Техника изготовления керамики Новогрудка 19
3. Типологическая и хронологическая классификация керамики Новогрудка 28
Группа 1. Кухонные горшки 31
Группа 2. Горшки с вертикальным горлом 43
Группа 3. Миски 45
Группа 4. Кувшины 47
Группа 5. Сосуды для хранения запасов — корчаги 49
Группа 6. Мелкая столовая посуда 51
Группа 7. Сковороды 53
Группа 8. Жаровни 53
Группа 9. Латки-сковородки 54
Сосуды неопределенной формы. 54
Крышки 55
4. Керамические комплексы Новогрудка X–XIII вв. 57
1-й строительный период — вторая половина X в. 58
2-ой строительный период — первая половина XI в. 60
3-й строительный период — вторая половина XI в. 62
4-й строительный период — первая половина XII в. 69
5-й строительный период — вторая половина XII в. 69
6-й строительный период — первая половина и середина XIII в. 78
5. Заключение по эволюции керамики Новогрудка 82
ГЛАВА II. КЕРАМИКА ВОЛКОВЫСКА, ИНДУРЫ, ГРОДНО, ТУРИЙСКА И СЛОНИМА 87
Керамика Волковыска 87
Сырье и техника изготовления 88
Типологическая и хронологическая классификация керамики Волковыска 88
Керамика городища Индура 102
Сырье и техника изготовления 102
Типологическая и хронологическая классификация керамики городища Индура 102
Керамика Гродно 106
Сырье и техника изготовления 107
Типологическая и хронологическая классификация керамики Гродно 107
Керамика Турийска 119
Сырье и техника изготовления 120
Типологическая и хронологическая классификация керамики Турийска 120
Керамика Слонима 125
Сырье и техника изготовления 126
Типологическая и хронологическая классификация керамики Слонима 126
Сравнительная характеристика керамики западнорусских городов 132
ГЛАВА III. КЕРАМИКА ЗАПАДНОРУССКИХ ГОРОДОВ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК 139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 156
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ. 158

Марианна Владимировна Малевская

КЕРАМИКА ЗАПАДНОРУССКИХ ГОРОДОВ X–XIII вв.

Оригинал-макет *Богуславский О. И.*
Корректор *Сафронова С. В.*

Отпечатано в типографии СПбИИ РАН «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru

Подписано к печати 05.07.2005. Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 10. Тираж 1000 экз. Заказ № 151.

Города и поселения Черной Руси и соседних земель в XI-XIII вв.